Агент № 1

Честь, отвага, мужество

- 1

Станислав Струмп-Войткевич

SHOUT
SHARE
IT

- Агент № 1
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
  - XI
  - XII
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9

С. СТРУМП-ВОЙТКЕВИЧ

АГЕНТ № 1

Героическая биография

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1969

I
К ПОЛЮ СРАЖЕНИЙ

4 октября 1941 года, через несколько месяцев после вторжения на территорию Греции гитлеровских войск, массированным ударом выбивших объединенные англо-греческие силы из Македонии, Фессалии, Аттики, Пелопоннеса, а затем и с острова Крит, в крупном египетском порту состоялся служебный разговор. Ход этой беседы оказался очень неприятным для командор-лейтенанта Кроуча, командира английской подводной лодки, стоявшей на причале у корабля-базы «Мидуэй» в Александрийском заливе. У толстого, круглолицего и усатого моряка еще больше покраснели и без того румяные щеки, а в голубых глазах, осмысленное выражение в которых появлялось только после доброго глотка джина, да и то ненадолго, теперь светился самый настоящий гнев. Он несколько раз сунул в рот и вынул обратно неразлучную трубку и, наконец, после слишком уж затянувшегося молчания, выдавил положенное по уставу «йес, сэр», что должно было означать: приказ им выслушан, но не более. Элегантный и сдержанный командор Болби, терпеливо дожидавшийся ответа, с облегчением вздохнул, глядя, как приходит в себя известный своей резкостью Кроуч, и медленно, как бы нехотя, продолжал:

— Ю си, дело это очень, очень серьезное. Естественно, я сожалею, что нам приходится причинять вам столько беспокойства… Судя по сопроводительному документу, решение было согласовано на самом высшем уровне, где-то между Главным командованием и Адмиралтейством…

— Сколько же будет этих вояк? — в бешенстве рявкнул Кроуч.

— Восемь, всего только восемь, сэр, — с готовностью сообщил Болби. — Обращаю при этом ваше внимание, в их числе капитан британского королевского флота Хьюз Смит со своим радистом, тоже англичанином…

— Восемь посторонних у меня на борту во время боевого рейса. Это же самый настоящий конец! — в отчаянии выкрикнул Кроуч.

— А сколько посторонних доставили вы в Александрию в июле, помните, в тот раз?.. — осведомился Болби.

— Там было совсем другое дело — они потерпели крушение… Да к тому же я возвращался на базу, выпустив все торпеды. Набились мы тогда, как селедки в бочку…

— Понимаю, понимаю, — сочувственно покачал головой Болби. — Это действительно было неприятно, очень неприятно…

Кроуч собрался с мыслями и, наконец, примирительно спросил:

— Следовательно, два человека и шесть оборванцев… Наверняка какие-нибудь греки, не так ли?

— Да.

И поскольку Кроуч пренебрежительно махнул рукой на это заявление, Болби счел необходимым добавить:

— Офицеры греческого флота… Правда, не все… Остальные с Крита, а один…

Здесь командор Болби доверительно наклонился к Кроучу и, понизив голос, добавил:

— А одного из них особенно рекомендуют вашим заботам и вниманию. Его следует высадить на берег особенно осторожно и в полнейшей безопасности. Мы назовем его в нашем разговоре именно так, как он записан в картотеке оффиса, «агентом № 1». Учтите, у вас на борту будет находиться самый что ни на есть настоящий Ай-Пи, а очень может быть, что даже и Ви-Ай-Пи…

Здесь командор Болби воспользовался применяемыми в воздушном флоте сокращениями «импортант персон» или «вери импортант персон», что означает важная или очень важная персона…

— В том-то и дело, — с горечью посетовал Кроуч. — Мою добрую подводную лодку вы рассматриваете как какую-то пассажирскую посудину или же самолет связи… — И, глянув с укоризной на штабиста, добавил: — Мы, моряки, не любим этого… А ваш «номер один» говорит хотя бы на каком-нибудь человеческом языке?

Само собой разумеется, что командор Кроуч имел в виду исключительно английский язык, поскольку сам он никакими другими языками не владел.

— О, конечно, — улыбнулся Болби. — Вы сможете наговориться с ним вдоволь…

На этот раз ирония штабиста была уж чересчур прозрачной, поскольку командор Кроуч был повсеместно известен своей немногословностью, да что там греха таить — он даже команды отдавал исключительно жестами и невыразительным мычанием.

В тот же вечер агент № 1, как его назвал Болби, начал свою нелегкую экспедицию. Моторная лодка доставила на борт «Мидуэя» всех, кого следовало. И хотя каждый из них получил суровый приказ хранить молчание, но уже во время общего обеда путешественники успели перезнакомиться друг с другом. Разговор велся по-гречески, поэтому легкий акцент выдавал как

агента № 1, так и двух англичан — капитана и сержанта.

В состав группы, которой предстояло высадиться на Крите, входили: критянин Григоракис с грозной кличкой «капитан Сатанас», другой критянин, Лапарудакис, оба в народных костюмах; британский капитан Смит Хьюз и английский сержант-радист.

Во вторую группу, местом назначения которой были Афины, входили Абадис и Катрабасас, оба офицеры греческого флота, и их радист.

Восьмого пассажира — агента № 1 — не знал никто. Звали его Георгием или Ежи Ивановым-Шайновичем, и был он поляком. После войны Катрабасас утверждал, что загадочный пассажир сразу же пробудил в нем доверие, в противоположность некоторым не в меру импульсивным соотечественникам.

«Это был не болтливый или заносчивый умник; я убедился быстро и в том, что он является человеком действия, человеком, прекрасно знакомым с различными видами секретного оружия. Поразила меня также и его физическая подготовка», — рассказывал Катрабасас, узнав по газетной фотографии, с кем ему пришлось плыть на подводной лодке.

За обедом рядом с агентом № 1 сидел жгучий брюнет, похожий на моряка, действительно слишком уж общительный. Этот новый знакомый, один из морских офицеров, был механиком. Звали его Иоаннис Абадис. Что же касается агента № 1, то никого не ввели в заблуждение ни его потрепанная кепка, ни одежда рабочего. Кроме того, его светлые волосы красноречиво свидетельствовали о том, что греком он скорее всего никогда не был, а атлетическое сложение выдавало в нем опытного спортсмена. Разговор, однако, велся исключительно о погоде, о достоинствах обеда и, наконец, о фильмах и повестях, преимущественно приключенческих и детективных.

После обеда восемь путешественников, уже немного освоившись друг с другом, вышли из кают-компании на палубу. В нескольких метрах от корабля-базы на спокойной поверхности залива вырисовывался силуэт подводной лодки. Приглядевшись к ней более внимательно, агент № 1 опознал в ней «Сандерболт».

Подводной лодкой, которой предстояло доставить всю группу к берегам Крита и Греции, был действительно «Сандерболт», прославившийся торпедированием немецкой подводной лодки, вышедшей из французского порта совместно с тремя тральщиками. После первого успеха «Сандерболт» потопил, уже в Средиземном море, вторую и третью немецкие подводные лодки, а также пять различных судов, а в июле 1941 года спас экипаж собственного торгового судна, состоявший ни более ни менее как

из 43 человек, и даже корабельную собаку. Каким образом командиру «Сандерболта» удалось разместить в тесной подводной лодке целых 111 человек, так и осталось его тайной…

Агент № 1 тут же припомнил, что за пару месяцев до начала войны, в первых числах июня 1939 года, та же самая подводная лодка, только под другим названием, стала героиней печально известной во всей Европе драмы в Ливерпульском заливе. Тогда она носила название «Сетис». Совершенно неожиданно она затонула и, наполненная удушающим углекислым газом, превратилась в могилу всего экипажа. Поднятая с морского дна, она в соответствии с обычаем вынуждена была распроститься с «невезучим» именем и теперь действовала под названием «Сандерболт», то есть «Гром». В любом случае вид этой стальной могилы для стольких моряков вызывал неприятную дрожь…

— Знаете, а ведь это же бывшая «Сетис», — обратился агент № 1 к своему спутнику.

Греческому моряку также была известна эта трагическая история. Несколькими подробностями он дополнил картину драмы, происшедшей на борту «Сетиса». Оба замолчали и долго вглядывались в затемненный порт и наполненный гулом моторов залив.

Точно так же прошел и следующий день — в сдержанных разговорах и ожидании. Наконец 5 октября 1941 года после полудня вся группа перешла на палубу «Сандерболта» и с превеликим трудом разместилась в носовых отсеках, где вдоль запасных торпед были прикреплены матросские сундучки, а над ними тесным рядком свешивались гамаки. Было душно, тесно и непривычно. В первые же минуты после того, как вновь прибывшие попали на борт, им пришлось выслушать длинную лекцию о том, как следует вести себя на корабле. Курение, само собой разумеется, было строжайше запрещено, а пользование головоломными приборами в туалетах очень затрудняло жизнь. Боцман инструктировал:

— Нельзя допускать, чтобы какие-либо нечистоты могли бы выдать расположение корабля… Во время нахождения в секторах противника должен быть исключен какой-либо шум… Переход в другие помещения воспрещается, и вообще воспрещается все на свете — можно только сидеть на одном месте и пить чай или какао… А подогреть себе их каждый может на электрической плитке.

Итак, начало путешествия выглядело не слишком приятно.

На заходе солнца «Сандерболт» потихоньку вышел за минные поля, окружающие порт, в открытое море. Каждые четыре часа сменялись вахты, и тогда в помещение для матросов поступали

скупые сведения о том, что происходит на белом свете.

Монотонность рейса, ночью на поверхности, а с наступлением дня в погруженном состоянии, была прервана только тремя событиями. Во-первых, у берегов Крита удалось удачно высадить четверку посланцев, во-вторых, после того, как был пройден пролив Касос, лодка потопила небольшую шхуну. Команда шхуны спаслась на шлюпках, а штурман в качестве пленного пополнил уменьшившийся состав пассажиров кубрика. Люди томились от безделья, тем более что у самой цели путешествия упрямый Кроуч почти целый день провел у перископов в поисках нового объекта для торпедирования. Приближение этого толстого молчальника пассажиры научились издалека опознавать по сильному запаху виски, поскольку бравый капитан никогда не расставался с бутылкой. А тут еще и шторм разгулялся, вызывая у некоторых приступы морской болезни; все это привело к тому, что чрезвычайно рискованного момента высадки дожидались с явным нетерпением.

Однажды в послеобеденное время пассажиры поняли, что нормальное течение рейса «Сандерболта» нарушено в третий раз. Сначала лодка слегка вздрогнула как бы от далекого взрыва. Через минуту старший офицер приказал разбудить дремавшего в своей тесной каюте командира. Сразу же посыпались хриплые команды. В частности, можно было разобрать команды, отдаваемые рулям глубины. Перископ, естественно, был убран, и лодка опустилась на большую глубину. Вскоре Ежи почувствовал, что в щеку хлещет тоненькая струйка воды. По всей вероятности, они достигли уже значительной глубины, и некоторые стыки и щели не выдерживали сильного давления. Пробегавший из центральной рубки в торпедное отделение матрос коротко

информировал их об атаке с воздуха.

— Это наверняка итальянские бомбардировщики, — добавил он.

Атака продолжалась около пятнадцати минут. Сначала бомбы ложились вблизи подводной лодки. Знакомые с подобными делами греческие морские офицеры шепотом пояснили, что итальянцы, заметив перископ, сбросили в этом месте пустые канистры из-под бензина либо какие-нибудь другие плавающие предметы, а теперь, летая по кругу, сбрасывают бомбы прямо на обозначенную цель. Все же усилия Кроуча сводятся к быстрому, но незаметному удалению от района бомбежки. Теперь все зависит от того, удастся ли итальянцам обнаружить или просто угадать направление бегства «Сандерболта». Во всяком случае, только один взрыв сильно тряхнул лодку, швырнув людей друг на друга, разбив посуду и вызвав неожиданное повреждение в электросети.

После короткого замешательства, когда вновь вспыхнул свет, Ежи Иванов с удивлением заметил, что у него ранен подбородок и разбит локоть. Последующие взрывы становились все слабее и слабее, и настроение у всех моментально улучшилось. Над синяками и шишками весело подшучивали, но наверняка каждому вспомнилась судьба моряков «Сетиса», которым суждено было задохнуться в этом стальном гробу.

Командор Кроуч нашел все-таки минутку, чтобы согласно с полученным от начальства приказанием выделить как-нибудь самого важного из своих пассажиров. Во время традиционной раздачи команде рома, призванного улучшить процесс пищеварения, он милостиво обратился к агенту № 1:

— Любите ром, а?

— Не очень, сэр, — ответил тот.

— Да неужто! — воскликнул Кроуч, пораженный таким ответом, и потом, после долгого раздумья, продолжил: — Вы иностранец, не так ли?

Агент № 1 невольно усмехнулся, поскольку в водах Эгейского моря он никак не чувствовал себя иностранцем.

— Нет, сэр, — ответил он, — в этих местах я чувствую себя по-домашнему, почти как дома…

Кроуч еще с минуту помолчал, так ничего и не поняв, затем отошел. Больше вопросов он не задавал, но несколько раз, оказываясь рядом с этим странным человеком, настоятельно подчеркивал пользу от потребления рома. На этом, собственно, и закончилось их общение.

В понедельник 13 октября перед рассветом «Сандерболт» находился в морских глубинах где-то на широте Марафона.

Выход на поверхность здесь был невозможен, так как немцы расставили вдоль берега артиллерийские батареи. Командор подозвал к перископу Абадиса, который лучше всех был знаком с очертаниями побережья. Оба долго обсуждали положение и, наконец, приняли решение высадить всю группу к югу от небольшого залива Марафон, на мысе Рафина, между Св. Андреа и Неа-Маркос.

Вечером под прикрытием дождя и тумана лодка всплыла на поверхность. На палубу сразу же вынесли две надувные лодки и, накачав, спустили на воду. Потом вызвали пассажиров. В 20 часов 30 минут четверо смельчаков собрались на палубе «Сандерболта». Скоро им предстояло рассчитывать только исключительно на свой опыт и мужество.

Берег еле проступал вдали. Там царило полнейшее спокойствие. Агент № 1 судорожно сжимал в коленях консервную банку, в которую был вмонтирован его радиопередатчик. Других пакетов у него не было, разве что из карманов торчали толстые пачки денег. Гребя укороченным веслом, он с наслаждением вдыхал свежий бодрящий воздух, с отвращением вспоминая недельное пребывание среди тяжких ароматов подводного корабля. Плыли они вместе с Абадисом и сопровождавшим их матросом из команды «Сандерболта», который после первой высадки должен был вернуться за следующей партией, если только на берегу не поднимут тревогу.

Переправа тянулась долго и проходила в глубокой темноте. Лил дождь. Два смельчака выскочили на берег, отпустили матроса и, увязая в грязи, направились к близлежащим деревцам. Началось долгое и томительное ожидание. Позвякивая зубами от холода и волнения, они делились одолевавшими их сомнениями — не заблудится ли матрос, сумеет ли он добраться до лодки, высадится ли следующая группа в том же самом месте?

Высадка остальных закончилась только в четвертом часу утра, когда на небе уже появился месяц, молодые рожки которого, к счастью, не разогнали густого мрака. Еще раз пересчитав друг друга, пассажиры «Сандерболта» взяли свои пакеты и двинулись в путь…

Тогда еще никому не приходило в голову, что место для высадки было выбрано неудачно. Окрестности, на первый взгляд покрытые лесом и совершенно безлюдные, а согласно имевшимся сведениям абсолютно безопасные, на деле оказались местом размещения двух воинских частей — немецкой и итальянской. Однако при этом неудачном выборе места высадки десантникам повезло хотя бы в том, что они оказались как раз на стыке двух воинских частей. К разграничительной линии патрульные обеих

сторон приближались с неохотой, опасаясь по ошибке затеять перестрелку.

Перед самым рассветом не подозревающая обо всех этих опасностях группа двинулась в путь, на запад, к шоссе, ведущему из Марафона в Афины. Шли по бездорожью. Иногда приходилось переползать по грязи, и вскоре все успели промокнуть до нитки. На пересеченной местности трое греков быстро запыхались, и только у агента № 1 дыхание оставалось по-прежнему ровным. Не выпуская из рук консервной банки с радиопередатчиком, он быстро и бесшумно шагал или переползал, как бы радуясь любому физическому напряжению. Так добрались до группки низкорослых сосен, где решили упрятать свой багаж. Выкопали несколько ямок, положили в них вещи, засыпали и тщательно замаскировали землей. Затем разделились на две группы. Договорились встретиться в Национальном музее в Афинах. Агент № 1 и Абадис остались вместе. Переждав несколько минут, они тронулись в путь.

Не успели пройти и сотни шагов, как перед ними возник вражеский патруль, пересекавший дорогу. Они распознали итальянцев, которые вполголоса кляли собачью погоду. Держа пистолеты наготове, посланцы Александрии с облегчением убедились, что неровности почвы скрывают их от вражеских глаз. Агент № 1 кивнул на пистолет и предупредил Абадиса, чтобы тот случайно не выпалил, так как звук выстрела наверняка бы мог привлечь другие патрули и обречь экспедицию на провал. После того как итальянцы прошли, они облегченно перевели дух и начали осторожно продвигаться дальше.

Рассвело. На дороге слышались голоса, иногда немецкие, чаще итальянские. Изменив направление, они взяли севернее, держась подальше от шоссе, торопливо пересекая пригорки и лощины. Свободнее вздохнули, только добравшись до Пикерми — местности, хорошо знакомой Абадису, — и затаились в полуразрушенной церквушке. Решили спрятать здесь оружие. Общими усилиями приподняли одну из каменных плит и уложили под нее пистолеты. Место можно было легко запомнить.

— Смотри, как получается, — говорил суеверный Абадис, — вчера, тринадцатого числа, нас высадили с лодки, сегодня мы приступаем к выполнению нашего задания, и надо же так случиться, что сегодня вторник, а вторник, должен тебе сказать, у нас в Греции считается несчастливым днем…

Затем прошли мимо Ставроса, где дорога разветвляется на Марафон и Сунион. Здесь путники притаились и стали наблюдать за движением на шоссе, к тому же им нужно было выждать какое-то время, чтобы успела просохнуть одежда. Проезжающие

автомашины останавливались и брали попутчиков, не требуя у них никаких документов. Не обнаружили они на шоссе и какого-либо контроля со стороны оккупантов. Пронаблюдав так несколько часов, кое-как приведя в порядок одежду и убедившись лишний раз, что они ничем не отличаются от остальных, путешественники смело вышли на шоссе. Был уже обеденный час, когда их догнал грузовик и без каких-либо затруднений повез обоих в Афины. Не успели они оглянуться, как уже сидели в маленьком уютном кафе у площади, затерявшись среди полутора десятков таких же, как и они, скромно одетых мужчин.

Первый этап задания был выполнен.

Рядом с ними потягивал кофе какой-то симпатичный средних лет человек. Приглядевшись к нему повнимательнее, друзья решили рискнуть.

— Мы из Патр, приехали сюда без пропусков, — обратился к нему Абадис. — Как здесь? Спрашивают ли документы?

— Часто бывает, что приходится и предъявлять, — ответил незнакомец. — Если все в порядке, то отпускают, а если нет, то забирают в полицию. А там…

И он многозначительно махнул рукой. По их просьбе он показал свое удостоверение. Сравнив его документ со своими, они быстро убедились в том, что сфабрикованные в Каире «удостоверения личности» никуда не годятся. Таким образом, центр «004» подвергал своих людей огромной опасности. Ведь оба они, доверившись «умникам» из греческой и английской разведок, могли выдать себя при первой же проверке.

— Через два дня у нас будут документы, — пообещал Абадис. — Но тебе придется назвать свое имя…

— Зовусь я Николаосом Тсеноглу. Скажем, с Крита… — ответил Ежи.

— Правильно, этим можно будет и объяснить твой акцент, — согласился Абадис.

Договорились о встрече через два дня, в то же самое время и в том же самом кафе. Агент № 1 достал пятидолларовую банкноту, разорвал ее и половинку протянул товарищу.

— Если кто-нибудь из нас не сможет прийти, то пусть вышлет человека, который будет вертеть в пальцах свою половинку…

II
СЫН И МАТЬ

Кем же был агент № 1?

Отвечая командору Кроучу, что в Эгейском море он чувствует себя почти как дома, он ничуть не лгал. У этого человека с русской фамилией, которая в Греции звучала еще и как болгарская, был здесь свой родной дом. В доме жила его мать — единственный в мире человек, к которому он питал безграничную любовь. Для этого был целый ряд причин, главная из них — ранняя потеря отца. С младенческих лет Георгий Иванов-Шайнович знал, что, кроме матери, у него почти никого нет в целом свете…

Когда ему было всего лишь несколько лет от роду, начались семейные неполадки, а затем и развод родителей. Русский эмигрант Владимир Иванов, человек образованный и добрый, но с сумбурным характером, каким-то образом ухитрился так направить свой жизненный путь, что его жена и маленький сын оказались во враждебном ему лагере. Произошло это во время первой мировой войны на Кавказе. Леонардия Иванова, варшавянка из семьи Шайновичей, разведясь с полковником Ивановым, вторично вышла замуж за грека Яна Ламбрианидиса. Маленький Ирек так и не полюбил отчима. И в сердце его осталось место только для матери…

Тогда, в дыму войны и революции, Ирек мужественно перенес долгую и путаную дорогу с Кавказа к родному городу матери — Варшаве, где семейство Ламбрианидисов, теперь уже с тремя сыновьями, временно поселилось, с тем чтобы позднее навсегда переехать в Салоники, в северной Греции. Стремясь закрепить связь сына с родиной, пани Леонардия решила оставить Ирека в Варшаве и записать его в польскую школу.

У отцов марианов на Белянах Ирек не отличался особой старательностью. Случалось, что, получив двойку, он дерзко выкрикивал:

— Пусть пан ксендз ставит мне хоть двенадцать двоек!

После подобной дерзости он исчезал; однажды видели, как он сидел на дереве и плакал. И вообще он никак не мог перенести предательства, которое мать допустила по отношению к нему, — уехала с новой семьей в далекий край, в Салоники, а его оставила на растерзание учителям, ксендзам и теткам! Только спустя много лет удалось объяснить мальчику, что делалось это ради того, чтобы обеспечить ему хотя бы начальное обучение в

польской школе.

Мальчик рос самолюбивым, импульсивным, воинственным, всегда готовым к отпору, привычным к самостоятельности и одиночеству. Скрытно и упрямо стремился он к тому, чтобы превзойти тех, кто пытался его унизить. Чего он совершенно не переносил, так это принуждения в любой его форме. Напрасно пытались ему внушить, что в жизни часто приходится сталкиваться с необходимостью ограничивать свою волю, желания, капризы и удовольствия. А чем же, скажите на милость, как не постоянным принуждением, была для него школьная скамья?.. Судя по противоборству со школьной программой, Ирек относился к многочисленной и симпатичной, постоянно восстанавливающей свои шеренги армии записных лентяев.

Наконец ему было разрешено вернуться в родной дом, к матери и братьям. Перед отъездом в Салоники в жизни маленького варшавянина произошло важное событие. День 15 июня 1925 года навсегда остался в памяти Ирека. После принесения харцерской присяги он в харцерском мундире отправился в фотоателье «Радиотип» на Маршалковской улице и заказал несколько снимков — для «мамули», отчима, теток и для лучшего из своих друзей. Если бы не печальная необходимость посетить зубного врача, Ирек в тот день мог бы считать себя вполне счастливым человеком. Однако перед поездкой в Салоники следовало привести в порядок зубы.

— Харцер должен быть храбрым, — говорил лысеющий пан доктор, подготавливая какое-то страшное орудие пытки. — Мама и папа будут гордиться тобой…

Ирек показалось, что отчим в чем-то изменился. По-прежнему он продолжал сетовать на не слишком удачно идущие дела и по-прежнему с увлечением рассказывал о новых приобретениях для домашней коллекции. Лицо у него обострилось, руки беспокойно шарили по столу в поисках чего-то, когда семья сидела за обедом. «В точности как слепой», — подумалось Ирек. В действительности же строительные дела у Ламбрианидиса шли неважно, поэтому-то он и чувствовал себя неуверенно, не спал по ночам, сидел с отсутствующим видом, постоянно пытаясь найти выход из затруднительного положения. По каким-то загадочным для него причинам самые лучшие, казалось бы, расчеты приводили в этот период мирового кризиса к наихудшим результатам, солидные клиенты опротестовывали векселя, бумаги обесценивались, все шло вкривь и вкось вопреки его выкладкам. Друзья и приятели неожиданно обращались в хищных шакалов, а доброжелательные банки — в западни… Естественно, Ирек ничего этого не знал, но чувствовал, что

отчима гнетут какие-то неприятные и трудные заботы. Объяснял он себе это, как часто бывает у молодежи, совершенно неправильно. «По-видимому, не любит он меня теперь так, как раньше», — подумал Ирек уже в первый день, когда Ян взял его за подбородок и, глядя в глаза, сказал мальчику:

— Ну что ж, приехал, это хорошо… Для матери это большая радость… Помни о своем долге! Учись, пока есть на это время… Пока я могу еще предоставить тебе эту возможность…

Было в доме Ирека немало и детских шалостей. Когда младший из братьев, Лесь, становился совершенно невыносимым или запускал уроки, не обращая внимания на нравоучения матери, Ирек применял к нему безотказное средство — потихоньку брал головку чеснока и, подкравшись к брату, принимался натирать его, выкрикивая: «Какос, какос!» Здесь он подражал предрассудку греческих мамаш, которые именно так «оберегали» своих детей от «дурного глаза». Лесь настолько боялся этой операции, что тут же обещал Иреку исправиться. По отношению к другому брату, Лялеку, который, кстати сказать, был мальчиком усидчивым и старательным, применялся иной воспитательный прием — Ирек просто не брал его с собой на морскую прогулку, а занятия парусным спортом были для Лялека увлечением не меньшим, чем музыка. Со своей стороны, младшие братья находили средство держать в повиновении и старшего брата, поскольку им не раз случалось видеть его на прогулках — то с русской девушкой Наташей, а иногда и с другими девушками. Кроме того, возвращаясь поздним вечером домой, Ирек производил опустошения в кладовой и в буфете. Пани Леонардия сваливала всю вину за уничтоженные продукты на кошек, но братья прекрасно знали, кто был этой кошкой. Вообще-то семья жила довольно дружно, а в случае конфликтов Ирек всегда вставал на защиту самого слабого — чаще всего кузины Лильки, которая жила у них до возвращения в Варшаву.

Будущий наш герой ничуть не предполагал, что его действия когда-либо будут вынесены на суд общественности и читателей, поэтому он не заботился о своей биографии и небрежно относился ко многим своим обязанностям. В его ученическом табеле преподаватели французского лицея в Салониках отметили в 1931—1932 годах, что Ирек, хотя и отличается сообразительностью и способностями, мог бы учиться значительно лучше; что он, хотя и проявляет интерес к истории, но не слишком усердно занимается ею; что мальчик он умный и любознательный, но по прилежанию имеет отметку «удовлетворительно» и «догоняет» класс только во второй половине учебного года.

При подготовке к экзаменам на аттестат зрелости он сделал школе сюрприз, выбрав в качестве факультативного курса польский язык. Директор отправился посоветоваться с французским консулом, и они вместе решили обратиться за помощью к некоему Ежи Пянтковскому, руководителю представительства польских авиалиний «ЛОТ» в Салониках.

Пянтковский пришел в школу в качестве экзаменатора, подтвердил широкую начитанность восьмиклассника в польской литературе, поставил ему высокую оценку, выпил с профессором традиционный стаканчик вина и с тех пор стал другом семьи Ирека.

Но нелегким был путь к победе. Иреку иногда казалось, что теперь он уже навсегда покончил со школярством, тем более что ему был вручен аттестат зрелости с подписью самого министра просвещения в Моде. Выпускник французской школы в Афинах, а точнее, ее филиала в Салониках получил степень бакалавра, что давало ему право преподавания философии во всех средних учебных заведениях. Но не успели еще в голове Ирека пронестись мысли и надежды на участие в соревнованиях по плаванию и парусному спорту, как отчимом был поставлен зловещий вопрос:

— А куда ты теперь намерен поступать? Мама хотела, чтобы ты сдавал экзамены в Лувенский университет, но я предложил бы тебе изучать коммерцию в Антверпене… На чем ты намерен остановиться? Видишь ли, поскольку в основе всего лежит коммерция…

Осторожно подчищая приобретенную недавно большую картину, Ян Ламбрианидис излагал пасынку свои чисто купеческие взгляды на мир.

— В том и другом случае тебе придется серьезно заняться иностранными языками… Ты сам видишь, что незнание иностранных языков является постоянной помехой в моих делах… В торговле это вещь крайне необходимая…

— Отец, я ведь уже говорил тебе, что не собираюсь становиться коммерсантом, — ответил юноша.

Но Ламбрианидис невозмутимо тянул свое:

— Куда бы ты ни поехал и чем бы ты ни занялся,

иностранные языки тебе пригодятся… И заниматься ими нужно серьезно, не так, как до сих пор, хватая верхушки… Ты думаешь, я ничего не замечаю… Плавание, парусный спорт, рыбалка, охота, а учеба — как бы дополнение ко всему этому… Однако теперь, когда ты становишься взрослым человеком, должно быть наоборот. Спорт должен стать у тебя занятием второстепенным и уступить первое место учебе…

Красочные надежды серели и затягивались туманной дымкой по мере того, как отчим выкладывал ему свои планы на будущее.

— Итак, пусть будет Лувен, — закончил он свои размышления. Увидев помрачневшее лицо пасынка, добавил: — Но только постарайся умно выбрать специальность, остановись на чем-нибудь попрактичнее…

Жили они на маленькой улочке Маврокордато у самого моря. Ирек любил Салоникский залив. По утрам море было голубым, отделенным от столь же голубого неба белизной каменных строений и зеленью высящихся над городом гор. По ночам ласковое море тихо пульсировало загадочным фиолетовым блеском, окруженное золотым ожерельем освещенных набережных. Небо казалось здесь более высоким, чем в Варшаве, а звезды ярче и ближе, чем на далеком севере. По ночам парнишка украдкой подсматривал за возвращением рыбацких судов, следил за таинственными световыми сигналами, которыми обменивались стоящие на рейде корабли. Он уже хорошо разбирал азбуку Морзе и радовался, когда ему удавалось расшифровать довольно прозаическое их содержание, например: «нужна запасная якорная цепь» или «выслать патруль в…». Здесь, на берегу, можно было поговорить о запретном и потому притягательном мире салоникских предместий, пользующихся недоброй славой, но пока что только Пандос, товарищ по школе и по прогулкам, мог кое-что рассказать об этом, да и то не было уверенности в том, не являются ли все его россказни чистейшим вымыслом…

В солнечный, но не слишком жаркий день, когда северный ветер разгонял тучи и стелющуюся над морем дымку тумана, можно было, глядя на юго-запад, рассмотреть лежащую в ста пятидесяти километрах трехтысячеметровую вершину Олимпа в окружении других высоких гор. Однако не легендарный Олимп привлекал внимание ребят. Их воображение было занято тремя вытянувшимися на юго-восток пальцами-полуостровами Халкидики — Касандрой, Ситоньей, Агион-Оросом с горою Афон. Берега этих трех огромных массивов суши, выступающих наподобие трезубца Нептуна между Салоникским заливом и Дарданеллами, славились частыми бурями. Гора Афон привлекала туристов со всего мира своими древними

монастырями. Сохранившиеся на протяжении тысячи лет неизменными обряды и богослужения, акулы, которые встречались в тех водах, связанные с этим приключения — все это служило постоянной приманкой для юной команды «Леонардии».

«Леонардия» — большая и стройная парусная лодка, на которой ребята, сперва под наблюдением старого рыбака Бугаса, а позднее самостоятельно путешествовали по морю. Юный мореплаватель навещал поочередно отдельные места, лежащие на берегу залива. На полуостровах он сиживал с моряками в тавернах или осматривал археологические раскопки деревень, стоявших здесь 4000 лет тому назад; в Пирей он отправлялся поваляться на пляже: в деревне Миханиона он покупал у местных рыбаков рыбу, но больше всего его манило устье одной местной речонки, кишмя кишащее дикими утками, гусями, черными аистами и другими птицами.

Афон, или иначе Святая гора, особенно интриговал наших друзей. Известно было, что еще с IX века здесь «дикарями» жили отшельники, а уже в следующем столетии в этих местах выросли каменные стены первого монастыря, который успешно отразил натиск сарацинов. Еще сто лет спустя монах из Трапезунда Святой Анастасий создал монастырский устав, и монастыри стали расти как грибы, образовав нечто вроде монашеской республики, то подвергавшейся нападениям, то, наоборот, поддерживаемой различными завоевателями. Считалось, что тот, кому удавалось проплыть вдоль берегов пользующегося недоброй славой мыса Агиос-Георгиос с горой Афон, получал право именоваться настоящим моряком… Слава, слава! Магически звучит это слово для таких юношей, как Ирек. Сколько же трудов и подвигов можно совершить во имя ее!

— Просто какое-то божье наказание с этой лодкой, — нередко сетовала пани Леонардия. И дело было не только в опасностях, связанных с мальчишескими играми в капризных и бурных водах залива. Дело в том, что экспедиции ребят обычно завершались каким-либо непоправимым ущербом для дома. Исчезали забираемые на лодку чашки, ложки и ножи, причем брали их не просто так, а, как назло, из парадных, «гостевых» сервизов. Шпаклевка лодки почему-то производилась ножом для хлеба, а для окраски мелких царапин Лялек умудрился воспользоваться бритвенной кисточкой главы семьи — вещи дорогой и занимавшей почетное место на его туалетном столике. К тому же маникюрные щипчики пани Леонардии были использованы в качестве кусачек… для резки проволоки!

Пани Леонардия ворчала, пан Ян объяснял все молодостью, которая должна «перебеситься», но иногда и их терпению

приходил конец. В таких случаях притихшим путешественникам приходилось сносить домашние громы с молниями. Гроза проносилась над ними без особых результатов, и они только поглядывали на пана Яна — не возьмет ли тот цепь с замком и не посадит ли он лодку на эту цепь. Но иногда, когда престижу кого-либо из них грозила опасность, забывались все провинности, даже такие, как поломка мебели или вырезанный в кухонном полу линолеум…

Потом наступил период горячего увлечения охотой. На покупку ружья Ирек получил пару золотых монет из личной сокровищницы пани Леонардии, находившейся в небольшом глиняном горшке на кухне. С этим ружьем каждый раз нужно было отправляться в самую глубину залива, к устью реки Галикос. Ирек располагался в болотистой дельте, строил себе шалаш из камыша и, притаившись в зарослях, поджидал с двустволкой в руках пролета диких уток. Птицы не обращали внимания на маленькую лодчонку и беспечно подлетали на выстрел. Труднее было подбирать добычу в камышах, нелегок был также и обратный путь Если ветер слабел или совершенно стихал, не оставалось ничего другого, как пересекать залив на веслах. Лодка была тяжелой, весила не менее 350 килограммов, и юный охотник возвращался домой измученный до предела. А тут иногда случалось и так, что в соседнем спортивном клубе «Нафтикос» или несколько более удаленном «Ираклисе» был вечер — и тогда, не в состоянии устоять перед новым искушением, Ирек, превозмогая усталость, танцевал до полуночи.

Когда Ирек пристрастился в одиночку выходить на «Леонардии» в море, мать нередко проклинала тот день, когда она так неосмотрительно согласилась поселиться на берегу моря. А если неожиданно срывался шторм, она просила прощения у матери божьей за грехи свои и бродила по дому, подгоняемая грохотом разбивающихся о прибрежные скалы волн.

Глядя в такие дни в окно, пани Леонардия приходила в ужас при виде кипящего котла, в который обращались спокойные воды Салоникского залива. Куда ни глянь, не видно ни одной рыбацкой лодки — все они нашли спасение на берегу, и даже солидные шхуны, стоявшие до того спокойно на рейде, спешили укрыться за молом от волн. По опустевшему заливу мчались только покрытые белой пеной валы… И очень часто случалось так, что именно в такие дни Ирек отсутствовал.

В один из подобных дней, когда на землю уже спускались сумерки, а на западном берегу зажигались и гасли в штормовом тумане огни, пани Леонардия неожиданно обратила внимание на то, что она так и не услышала шума самолета, который

ежедневно прилетал сюда из Афин. Ничего удивительного в этом не было: в такую погоду было очень трудно произвести посадку на аэродроме. Поочередно вернулись домой младшие сыновья Лялек и Лесь. Вернулся с фабрики и пан Ян. На своем ломаном языке, в котором мешались греческие, польские и русские слова, он говорил в перерыве между двумя ложками супа:

— Контрагенты из Кавалы снова не оплатили вексель, и мне придется платить за них… Ветер оборвал провода, и электростанция отключила свет… Лесь, куда ты запропастился? Сколько раз повторять тебе, чтобы ты не болтался по дому, а садился к столу когда полагается?..

Он был раздражен и невольно повышал голос. Но, взглянув на жену, тут же спохватился.

— Не волнуйся, Леля, — мягко сказал он. — Ведь ты сама знаешь, что за ловкий сорванец этот Ирек. Я за него совершенно спокоен, совершенно спокоен.

И по просьбе Леся пан Ян, все еще обеспокоенно поглядывая на жену, принялся рассказывать всякие истории, лестные для пасынка, а пани Леонардия, как всякая мать, слушающая похвалы своему любимцу, постепенно забывала о тревоге. Позднее, когда пришли соседи, настроение ее и совсем улучшилось и она рассказала гостям об одном примечательном случае.

…Ireku было четырнадцать лет, когда во время летнего отдыха в Эдессе в горах Эрмион его младший брат Лялек сорвался с тропы и повис над пропастью. «Спокойно, мама», — скомандовал Ирек, обращаясь к окаменевшей от ужаса пани Леонардии; потом, цепляясь за жалкие кустики, спустился по обрыву и подал ребенка матери. На следующий день он чуть не заболел, разговаривал мало, вяло передвигался, медленно приходил в норму — сказалось огромное психическое и физическое напряжение. Следовательно, трудно было предположить, что мальчик не отдавал себе отчета в грозящей ему опасности, — он спасал маленького брата, хорошо понимая всю рискованность предприятия.

— Да, настоящий герой! — говорила мать, теперь уже совершенно уверенная в том, что Ирек вернется, что он и на этот раз справится с самой грозной бурей, пусть даже у берегов зловещей горы Афон.

III
СУРОВАЯ ШКОЛА

Последующие события помогут нам понять, почему Георгий Иванов-Шайнович в дни второй мировой войны оказался не в польской армии, а на английской службе. А пока следует сказать, что агент № 1, который в октябре 1941 года тайно высадился с подводной лодки «Сандерболт», действительно обладал всеми данными для того, чтобы хитроумные британцы считали его человеком, идеально приспособленным для выполнения столь трудной миссии.

…Георгий Иванов-Шайнович в период с 1933 по 1941 год времени зря не терял. Во-первых, он изучил шесть иностранных языков, во-вторых, он успел получить диплом инженера, в-третьих, он сделался прославленным спортсменом, известным на всю Европу. Но все это произошло не просто и не легко: поначалу выпускник салоникской школы, как и многие юноши его возраста, всеми силами сопротивлялся необходимости ежедневных занятий и далеко не сразу научился получать удовлетворение от сознания хорошо выполненного долга.

Отправляясь в 1933 году в первую самостоятельную поездку в Европу, Ирек испытывал такое чувство, будто у него выросли крылья. Наконец-то он мог чувствовать себя по-настоящему взрослым, будущее казалось ему светлым и многообещающим, а жизнь — легкой, наверняка более легкой, чем в Салониках. Университет также казался ему чем-то более привлекательным, чем салоникский лицей, где скучные преподаватели с неоправданным упорством требовали от своих подопечных, чтобы те целыми месяцами воздерживались от спортивных и туристских радостей. Наконец, с исторической точки зрения Лувен в юношеских мечтах представлялся Георгию этакой студенческой Меккой, насыщенной самыми приятными вещами и развлечениями, только изредка перемежаемыми какими-то там занятиями…

Через Белград, Загреб, Любляну мчался он к предвкушаемым свободам студенческой жизни, восхищаясь по пути дикими окрестностями Скопле, немного скучая на однообразных кукурузных полях Сербии, а потом снова восхищенно следя за великолепием долины реки Савы. Однако в подлинный восторг привело его зрелище Австрии, когда поезд то медленно полз вверх по течению реки, то деловито кружил среди гор, то пролетал по мостам над вспененными водопадами. Очаровали его

пейзажи Халлейна и Зальцбурга, полный впечатлений подъезжал он к Мюнхену и Кельну. Все эти города он посещал по пути, поскольку решил заранее, что не будет торопиться.

Не обошлось, однако, и без досадных случайностей, а то и просто серьезных неприятностей. Как только была пересечена граница Третьего рейха, Георгий почувствовал себя довольно неуютно. Повсюду вертелись молодые верзилы в мундирах гитлерюгенда, они неприязненно и испытующе поглядывали на пассажиров в гражданском. Инцидент начался еще в Австрии, в Зальцбурге, с покупки польского «Иллюстрированного Курьера Цоденного». Как потом выяснилось, в этом номере была помещена карикатура на Гитлера.

Будущий студент принялся читать газету, находясь уже на территории Германии. Карикатуру заметил сидящий рядом с Иреком член гитлерюгенда. Немец встал, вышел и привел штурмовиков, которые конфисковали газету, как запрещенную на территории рейха, а также решили отправить молодого чужестранца на семь дней в кутузку и востребовать с него штраф в сто марок. Ирека спас только паспорт — увидев, что он у него не польский, штурмовики немного сбавили тон и, посоветовавшись друг с другом, отпустили парня, предварительно изорвав газету на мелкие клочки.

Об истории с польской газетой Георгий немедленно написал домой. Несмотря на радость по поводу того, что ему удалось отвертеться и от кутузки и от денежного штрафа, возмущение царящими в Германии порядками осталось. В Салониках читали следующие строки:

> «…но гитлеровцев, черт бы их побрал, как саранчи. И вся эта дрянь расхаживает в форме и сапогах, со свастикой на рукаве. Гордые и надутые, как павлины…»

Лованиум по-латыни или современный Лувен оказался городом довольно провинциальным. Так же как и в Салониках, здесь встречались люди различных национальностей и верований, уже исчезающие философские течения и наиболее революционные идеи, великолепные памятники древности соседствовали с дешевкой, высокие идеалы — с самой настоящей жаждой наживы, а суровая католическая мораль — с неприкрытым развратом. Юный студент только диву давался, встречая на улице одетую в средневековые одежды монахиню рядом с американским клириком, возвращающимся с теннисного корта с сигаретой в зубах и в шляпе набекрень.

У Лувенского университета были свои традиции, истоки которых восходили еще к XV веку. Честно говоря, принц Брабанта

основал здесь первый факультет в основном ради использования пустующих, заброшенных домов и оживления хиреющего города. Дело в том, что в течение XIV столетия из Брабанта в Англию эмигрировало около 150 тысяч ткачей, поскольку английский король Эдуард III посулил им «хорошую говядину и хорошую баранину, сколько они способны будут съесть». И вот в 1426 году пришла спасительная папская булла с номинацией ректора, и тогда, при сборище принцев и ученых из Кельна и Парижа, под потоками красноречивых речей 7 сентября 1426 года было торжественно отмечено рождение нового университета в Брабанте. С того далекого дня здесь было произнесено более пятисот речей, посвященных началу нового учебного года. Одну из них выслушал и наш герой…

Затем Иреку пришлось столкнуться с суровой действительностью. Кое-как устроившись на месте, он уже 13 октября писал в Салоники:

> «Первое впечатление ужасное. Дождь и пасмурная погода, а наше университетское здание напоминает тюрьму. Мне отвели отвратительную и узкую комнату, неуютную, облепленную газетами, одним словом — к о н ю ш н ю…»

Прежде всего нашего героя неприятно поразили широкие программы факультетов. К счастью, курс лекций на первом году консульско-правового факультета показался ему несколько более легким, чем остальные. А уже месяцем позже, в ноябре, предмет его мечтаний — Европа окончательно осточертела Георгию. Он дает убийственную характеристику старой университетской резиденции. Примерно так же сурово он судит жителей этого городка:

> «Люди здесь в борьбе за житейские радости превратились в каких-то выродков… Надоели они мне жутко… Тяжело… Учиться довольно трудно… Еда паршивая… Добивает меня стирка… Надеюсь, что на рождество ты, мама, пришлешь мне килограмм «бабки»… Скучаю по всем вам, а по тебе, мама, особенно… Никогда еще я вас так не любил, как сейчас, когда нахожусь в двух тысячах километров от вас…»

Читая эти слова, пани Леонардия сокрушалась над горькой судьбой сына, но пан Ян только радовался.

— Сердца у тебя нет! — восклицала пани Леонардия.

— Хорошая школа для парня, — возражал ей пан

Ламбрианидис.

В письме оказалась еще и какая-то вырезка из спортивной газеты для салоникского приятеля Тиноса Пандоса. Пани Леонардия не выносила этого парня, но все же послала за ним. Ей казалось, что, разговаривая с другом Ирека, она будет как-то ближе к сыну. В каждом из своих писем она спрашивала, удалось ли Иреку сблизиться со своими земляками; она считала, что это поможет ему перенести разлуку с домом…

Очень быстро вся молодежь, хотя и столь различная по своему составу, оказалась в рамках университетской дисциплины, значительно более суровой, чем та, которую представлял себе пришелец из Салоник. Будь ты наследный принц либо мещанин, китаец или американец — все равно тебе придется солидно покорпеть над книгами и конспектами, чтобы не потерять год учебы. Ирек не сразу понял серьезность положения и согласно своим привычкам и привязанностям прежде всего обратил пристальное внимание на спортивную сторону университетской жизни. «Все в конце концов как-нибудь утрясется, — думалось ему, — ведь справлялся же я как-то с занятиями в лицее, с какой же стати мне здесь корпеть над книгами?»

Как и прежде, он рассчитывал только на свою отличную память и на способности, которые не раз помогали ему выйти сухим из воды. Итак, Ирек увлекся спортом…

Скоро выяснилось, кто из его товарищей имеет подобные же склонности. Любимым местом встреч спортсменов стал университетский стадион, расположенный в парке у дворца Геверле. Собирая богатый урожай спортивных побед, особенно в плаванье вольным стилем на короткие дистанции, Ирек считал, что этим он как-то спишет все свои грехи в области учебы.

Увы, от студента здесь требовалось многое: прежде всего — ведение обстоятельного и подробного конспекта лекций.

— Что же это — как в лицее? — высокомерно спросил Иванов.

— Ничего подобного, молодой человек, — добродушно ответил ему профессор, — ваши студенческие записи должны быть совершенно отличными от лицейских, ведь к студентам предъявляются более высокие требования…

Георгий, которого слишком либеральная польская школа так и не приучила к приличному почерку, вынужден был по нескольку раз переписывать свои конспекты, пока профессора удовлетворялись ими. В многочисленных студенческих рядах он оказался далеко не в числе передовых.

В Лувене в то время насчитывалось около пяти тысяч студентов. Прибыли они сюда со всех концов света. Среди них

можно было встретить Отто Габсбурга, претендента на австрийский престол, и двух сыновей бывшего испанского короля. Вообще-то было на что посмотреть, но с первых же дней юный студент сообразил, что даже его французский язык, который был вполне приличен для Салоник, здесь оставлял желать лучшего.

— Эх, нужно было мне в Салониках овладеть французским! — запоздало сокрушался Георгий. Полагаясь на оптимистическое «как-нибудь утрясется», он, воспользовавшись случаем, «смотался» с приятелем в Лондон, планировал на рождество съездить в Париж, а оттуда через Марсель морем в Грецию и, наконец, при каждом удобном случае выбирался в Брюссель. А тем временем семестры проходили и неумолимо приближались сроки экзаменов, выполнения различных заданий, без которых учебный год не засчитывался. Студент наш вздыхал, кое-как зубрил материалы за пропущенные недели, по-старому немножко рассчитывал на везение и утешался письмами из дому.

В то время у него появилось прозвище, как, впрочем, и у большинства студентов их разноязыкой компании. Очень скоро все заметили, что Георгий Иванов слишком уж настойчиво подчеркивает свою польскую принадлежность. Поэтому очень скоро его уже иначе не называли, как Поляком. Будь то в Лувене, в брюссельских кафе, наконец, на спортивных площадках или в бассейнах часто слышались возгласы: «Поляк, иди к нам!», или: «Ура! Поляк впереди!» В воспоминаниях очень многих он так и сохранился под именем Поляка.

И вот в конце концов произошло именно то, чего и следовало ожидать: год занятий прошел впустую. Пришлось отказаться от юридического факультета, правда, там полным-полно было всяких принцев, графов и родовитого дворянства. Только теперь юноша стиснул зубы, отказался от каникул и прежде всего взялся за грамматику и словари, оказавшись теперь один на один со своим упрямым характером.

Светские вечера польского кружка не очень-то помогали ему в этот трудный для него период. Несколько ксендзов, у которых, вполне естественно, не было каких-либо широких интересов, а также несколько студентов учебных заведений — вот и вся тамошняя польская колония. Она никак не могла заменить ему дом. И вообще, о всяческих развлечениях здесь следовало забыть. Мир оказался суровым, совершенно не похожим на склонный к поблажкам дом. Раньше ворчание матери и отчима раздражало парня, сейчас он с удовольствием поменялся бы местами с прежним ругаемым, но горячо любимым Иреком. Новый Ирек после болезненного урока, преподанного ему напрасно потерянным годом, понял, что ему остается только один выход —

всерьез заняться учебой. В случае же дальнейшего пренебрежительного отношения к своим обязанностям его ждало позорное исключение из студенческих списков, а это свидетельствовало бы только о том, что на поверку он оказался просто бездарным молокососом, неспособным усвоить курс высшего учебного заведения. Естественно, были и смягчающие обстоятельства: на первом курсе он еще не мог в достаточной степени овладеть языком, да и факультет он выбрал скорее из снобизма, чем по призванию. Но Ирек прекрасно понимал, что французским языком ему следовало бы усердней заниматься еще раньше, в Салониках, а что касается перемены факультета, то и это выглядело бы совсем по-другому, если бы он перешел не после поражения, а успешно сдав положенные экзамены…

На новом, теперь уже по-деловому избранном факультете колониальной агрономии он в ужасе схватился за голову при виде одной только программы. С ума можно было сойти от одних только названий изучаемых предметов. Экономика деревни, моторы, какая-то промышленная физика, микробиология общая и сельскохозяйственная, педология (интересно, с чем ее едят?), сельскохозяйственная химия, болезни растений и животных (господи, два огромных тома!), зоохимия, полевые работы и скотоводство общее и тропическое, то же самое и с остальными сельскохозяйственными работами, энтомология… Обучение в Салониках, которое когда-то казалось ему столь трудным, пребывание на покинутом теперь факультете, да и вообще все на свете показалось теперь Георгию менее сложным, чем эта огромная порция знаний, которую ему предстояло переварить. «С ума они все посходили!» — в отчаянии думал он. Прощай свобода, прощай спорт, прощайте мечты о привольном студенческом житье!.. И при всем этом, учитывая один уже пропавший год, ему нужно было перед матерью, отчимом и перед всем миром показать, что он все-таки настоящий мужчина.

…Известно, что получается, когда способный и самолюбивый юноша начинает систематически и упорно трудиться. Постепенно пришел успех, стало находиться время и на любимые занятия спортом и особенно плаваньем.

Доказательством тому может служить экзамен у профессора Молена, в который входило совместное с профессором посещение университетской фермы. Уже по пути туда профессор указал испытуемому на первого встречного коня в упряжке и потребовал определить его породу и происхождение. А на самой ферме профессор неожиданно попросил Георгия:

— Теперь, молодой человек, давайте совместными усилиями определим отличительные признаки вот этого милого создания…

Они как раз оказались среди многочисленного собрания самых различных представителей овечьей семьи. По указанию профессора смотритель подвел одну из овец. Студент без колебаний определил, что она происходит из Котантена. Внимательно приглядываясь к овце, Георгий начал подробнейшим образом перечислять ее особенности, старательно избегая при этом латинских названий, в которых так легко запутаться. Молен слушал и все чаще теребил свою бородку от нетерпения, но прервать студента не было никакой возможности. Понимая всю опасность положения, Георгий пустился в живописание свойств овцы, по-прежнему не произнося ни одного латинского названия, ибо латынь была для него опасней трясин в устье Галикоса.

Наконец Молен замахал руками и произнес какие-то странно звучащие латинские слова.

— Так вот, юноша, укажите мне это место прямо на данной овце, — мило улыбаясь, добавил он уже по-французски.

В этот критический момент, когда вспотевший студент напрасно напрягал память, выручила его сама овца. Представительница прославленной котантенской породы внезапно вырвалась из рук смотрителя. Обрадовавшись минутной передышке, студент ухватил овцу где-то в районе хвоста и поднял на своего мучителя полный отчаяния взгляд.

Профессор Молен перестал дергать свою бородку, лицо у него прояснилось, он похлопал студента по плечу и заявил:

— Бон… Трэ бьен… Совершенно верно! Вы указали совершенно правильно!

Общий перелом наступил в 1935 году. Все шло как по писаному. Георгий снова, но уже с чистой совестью, вернулся к спорту. Победы в плаванье, которые он одерживал еще в Салониках, сделали его одним из самых опасных соперников на водных дорожках Бельгии, пока что только в студенческих кругах.

Георгий научился разбираться теперь во многих «профессиональных» вопросах. Знал, каким предательским может оказаться деревянный трамплин, имевшийся у них в Лувене. С одного взгляда умел он оценить даже самые маленькие различия в высоте «жираф» для прыжков. Форму противников и партнеров он безошибочно угадывал в первые же минуты матча.

Чтобы не выходить из формы в зимние месяцы, Георгий сформировал университетскую баскетбольную команду и стал ее капитаном. Команда без особого труда завоевала сначала первенство Лувена, а немного позже — и первое место среди студенческих команд Бельгии.

В этот период Георгия очень интересовало водное поло.

Быстро плавать он умел уже давно — уверенно работал кролем, с классическим брассом ему уже просто скучно было выходить, на боку или на спине он мог плыть километрами, а свой вольный стиль отработал так, что здесь у него почти не было соперников. И вот, оказывается, нашлась спортивная игра, в которой умение плавать являлось обязательным условием, чем-то само собой разумеющимся, как в футболе бег. Более всего в этом виде спорта его увлекала возможность применить тактические приемы, и не только отдельные из них, но и целые комбинации. Оказавшись на II Европейском турнире ватерполистов в Брюсселе, он был одним из самых внимательных зрителей.

Ведь и в самом деле, прекрасные пловцы Венгрии, Германии и Бельгии, которые отлично владели техникой бросков из воды или над нею, выделялись не только своими чисто физическими данными, умением распределять свои силы, но прежде всего хитроумной тактикой.

С точки зрения скорости и быстроты реакции у Георгия было мало конкурентов. Мяч по непонятным для зрителя причинам просто прилипал к его пальцам и послушно летел в заданном направлении. Пригодились здесь и бесконечные игры в воде с мячом еще в Салониках, пригодилось и старое умение нырять и хорошо ориентироваться в воде. Георгию обычно давали четвертый или шестой номер. В первом случае тройка нападения в последний момент передавала мяч Георгию назад, откуда и следовал бросок по воротам; во втором же случае после различных маневров она стремилась подтянуться к воротам так, чтобы мяч оказался в пределе досягаемости Георгия. Особенным успехом пользовался очень трудный для вратаря бросок, когда Георгий, подойдя почти к самым воротам противника, на лету перехватывал мяч и, будь он даже спиной к воротам и, казалось бы, почти не глядя, с большой точностью всаживал его в пустой верхний угол. Мало было вратарей, которые способны были отразить такой смелый и необычайный прием… Постепенно команда стала играть все лучше и лучше, а ее идейный вдохновитель с удовлетворением отмечал, что находит равных себе партнеров.

1935 год принес Георгию и исполнение еще одного из самых сокровенных желаний: получение польского гражданства. Очень скоро, помимо учебы и спорта, юношу стали занимать две следующие проблемы: любовь и общественные вопросы.

Сначала — чувство. Случалось ему не раз влюбляться, то в некую пани Лотечкову, летчицу из Кракова, которая повредила самолет и ремонтировала его в Салониках, то в ту или иную гречанку, бельгийку или варшавянку. И каждый раз ему казалось, что либо она, либо никто. Во время одного из таких «искусов» он, находясь на каникулах в Салониках, напрасно дожидался письма от своей «избранницы», безнадежно и горько страдая, изредка ища спасения в записной книжке, в которую он обычно записывал наиболее интересные сентенции и мысли выдающихся людей.

Вторая проблема тоже оставалась нерешенной. В общем-то мир казался молодому человеку прекрасным, при условии, если люди сами не испортят его… Вместе с друзьями он наслаждался солнцем, водой, дружбой, радостями спортивной борьбы. До сих пор, ведя жизнь столь простую, он далек был от вопросов общественных, но, несмотря на это, все же задавал себе некоторые вопросы. Особенно вызывала у Ирека отвращение извечная погоня людей за деньгами, за богатством, за золотом. Это ему случалось наблюдать буквально на каждом шагу в Греции, в Бельгии, в Польше. Мелкобуржуазные круги в Лувене, собственно, ничем другим и не занимались, кроме как выжиманием тощих студенческих кошельков, сдирая с парней по три шкуры буквально за все: за выдаваемую за комнату каморку, за жалкую постель, за любую простейшую услугу. По этому поводу студент не раз вспоминал своего греческого друга, почти неразлучного товарища Тиноса Пандоса. Они были столь странной парой, что можно было с уверенностью сказать, их дружба основывается на контрастах, на постоянных спорах, на непрерывной борьбе аргументов. Для одного из них смысл бытия заключался в верности отчизне, любви к матери, в увлечении спортом, для второго все начиналось и кончалось на деньгах, лишь бы их можно было добыть без особого напряжения.

Этот Тинос, или иначе Коста Пандос, был сыном мелкого салоникского посредника и швейцарки. Мать его преподавала в лицее французский язык, принуждая своих подопечных, в числе которых некогда был и Ирек, к примерному приготовлению уроков. О ней пани Леонардия не раз говаривала:

— Жаль ее из-за вас, лентяев… Хорошая женщина, это сразу видно, и учит вас хорошо и хорошо воспитывает, но уж сынок у нее пошел в отца: лентяй, лжец и наверняка жулик…

— Мама, как ты можешь! — заступался за друга Ирек. Он всегда возмущался, когда ему казалось, что мать или отчим безосновательно нападают на кого-либо. Но пани Леонардия, как и каждая мать, продолжала стоять на своем.

— Когда-нибудь ты в этом убедишься, — предупреждала она. На это Ирек уже не находил ответа. В конце концов Тинос, как старший, был сначала защитником Ирека перед местными задирами, а уже позднее именно он вводил своего друга в реальный мир человеческих интересов, хитростей, интриг и приспособленчества.

Некоторые идеи Пандоса нравились Иреку своей хитроумностью, но все они в конечном счете сводились к одной цели. Так, например, однажды Ирек с огромным интересом выслушал новый проект.

— Нам нужно, — говорил Пандос, — составить списки богатых греков в Америке, в Лондоне, в Париже, также владельцев пароходов и так далее… Банкиров… Ведь это не сложно сделать, не так ли? Ты мне поможешь?

— Ну, допустим, а что дальше? Ты что, собираешься просить милостыню? — с неохотой поинтересовался Георгий.

Нет, у Пандоса идея была совсем иная. Он намеревался направить всем этим богачам письма с предложением создать сообщество или что-то вроде клуба с истинно патриотическими целями. Ведь они общими силами способны вершить гигантские дела! Если отдельные богачи дарили родине великолепные дома и постройки, то целая компания их могла бы совершить и нечто грандиозное… Например, поставить памятник Леониду и его тремстам героям в Фермопилах… А памятник в Марафоне! А огромные сооружения в честь Александра Македонского у Салоникского залива!.. И так далее и тому подобное. Тинос разворачивал перед глазами Георгия перспективы одну заманчивее другой, так что его друга даже в жар бросало от энтузиазма.

Забыв о подлинных намерениях Косты, Ирек обрадовался тому, что у Пандоса тоже нашлись столь высокие идеалы, и довольный заявил ему об этом.

— Ну, наконец-то ты перестал думать только о деньгах!

— Совсем наоборот, — ответил Тинос. — Ни о чем другом я и не думаю. Видишь ли, когда такой клуб возникнет по моей инициативе, то, уж конечно же, не без пользы для меня… Где большие деньги, там и большие возможности… Понимаешь… крупные работы… Мне будет достаточно трех процентов от поставщиков, и через пару лет я куплю в Салониках отель «Медитеране» и половину улицы… Увидишь… А тебе я дам деньги на создание опытной фермы…

Весьма прозаическое отсутствие денег на почтовые марки так и не дало возможности привести этот гигантский план в действие.

Во время одного из совместных походов в Афины Пандос посвятил своего друга и еще в одну идею. Она заключалась в игре на скачках. Припомнив дядю Антония из Варшавы и его страсть к бегам, Георгий попытался несколько охладить пыл своего приятеля.

— Лучшие знатоки коней и то проигрывают, — говорил он, приводя тут же целый ряд известных ему по Варшаве примеров.

Однако Пандос продолжал стоять на своем.

— У меня все пойдет иначе, — упрямился тот. — Нужно только войти в соглашение с жокеями, а они все знают… Ты

должен пойти со мной, потому что с одним из них мне трудно будет договориться — это какой-то поляк. Он жокей и, видимо, заранее знает все результаты забегов.

Немного из любопытства, а главное, чтобы угодить приятелю, Ирек отправился к Фалиронскому заливу, где среди трибун и конюшен им удалось, наконец, отыскать известного Пандосу жокея. Оказалось, что он действительно поляк по фамилии Шень — так по крайней мере он представился Георгию. Другой жокей, грек Валианос, посоветовал ребятам быть поосторожнее в отношениях с Шенем. Естественно, из помощи «земляка» ничего толкового не получилось: Тинос проиграл все деньги. Это настроило его на философский лад.

Глядя на украшающие фасад одного здания памятники, Пандос говорил:

— Богачам ставят памятники… А за что, спрашивается? Вот, например, эти двое дали деньги, затем поставили здание и разбили вокруг него парк, — этого оказалось достаточно, чтобы прославиться. А чем же еще они знамениты? Просто делали деньги на румынской нефти или на чем-нибудь еще, а потом маленькую толику этих же денег подарили Афинам. И вот, пожалуйста, слава братьям Заппас обеспечена… Так же увековечили себя Авероф и Тасситас, Стурнаро и Валианос, — конечно же, не жокей, а тот другой, который выложил деньгу на Народную библиотеку… Или же, например, Сингару, который построил ипподром… От этих фамилий и пошли названия улиц, парков, скверов, военных кораблей…

— И тюрем, — припомнил Георгий.

— Тюрем тоже, — согласился Пандос. — А в чем же секрет их славы? Точно так же, как и секрет всех крупных предприятий, — в больших капиталах! Имеешь деньги — все имеешь: виллы, автомобили, великолепных женщин, собственные яхты, весь мир! Говорю тебе, лучшая в мире цель — это сколотить состояние… Вот увидишь, вся твоя учеба, спортивные успехи, все это не имеет никакого значения, включая и твои идеалы… Золото, одно только золото!

Но Георгий придерживался иной, совершенно противоположной точки зрения. Глубокое удовлетворение приносил ему напряженный труд, радовало достижение намеченной цели, добытой усилиями собственных мускулов или работой мысли. Он полагал, что слава его, если таковая придет, будет основываться на подлинной человеческой дружбе и любви, на признании и восхищении, а не купленная на золото.

И вскоре после открытия спортивного сезона 1937 года студенты четырех университетов дружно аплодировали своему

лучшему пловцу. В студенческих кругах Брюсселя, Льежа и самого Лувена фамилия Иванова скоро стала популярной. Посыпались завоеванные медали — за золотой пришла серебряная и снова золотая, полученная 27 июня уже на международных соревнованиях. Слава молодого спортсмена росла. Его приглашали теперь различные спортивные клубы, но Иванов, с удовольствием принимая участие в самых различных соревнованиях, никогда не забывал, что его целью является надеть майку с надписью спортивной команды Польши. В июне 1937 года он не выдержал и из Лувена отправился в Салоники через Варшаву.

…Воскресным июньским утром поезд доставил его на место. После небольшого ночного дождичка Варшава выглядела свежей и умытой. Студент оставил чемодан в камере хранения, привел себя в порядок у привокзального парикмахера, запил вкусным кофе хрустящие казерки со свежим маслом и приступил к выполнению давно задуманного плана. Ему и в голову не пришло отправиться сначала к дяде Антонию или к кузине Лиле на Людную улицу, ведь не ради же этого он сюда прибыл. Он поехал трамваем прямо к бассейну в парке Скарышевского и принялся терпеливо дожидаться первых пловцов. Немногочисленные болельщики называли знаменитые имена — Семадени, Бохеньского и других рекордсменов и польских ватерполистов. Наконец мяч шлепнулся в воду и началось что-то вроде тренировки. Тогда-то пришелец и спросил, не разрешат ли ему поиграть.

Таких любителей всегда было предостаточно, поэтому ребята из польской сборной многозначительно переглянулись между собой.

— Ну что ж, попробуйте… Но только здесь необходимо умение, — вежливо сказал один из них, глядя на великолепное телосложение пришельца.

Уже после первых же передач и бросков «новичка» оказалось, что с водным поло у него не просто шапочное знакомство. Тренировка приобрела живость именно благодаря его присутствию. В то время тактика этой спортивной игры сводилась к тому, чтобы в команде был один хороший «бомбардир», на которого команда и возлагала свои надежды. И вот неизвестный студент из Бельгии «бомбил» просто великолепно, почти что идеально, пользуясь каждым предоставляемым ему случаем. Экзамен был сдан, его сразу же признали «своим».

— Я — поляк из Греции, учусь в Бельгии, часто играю в водное поло, но чего мне не хватает, так это быстроты в плаванье, — скромно сообщил он о себе. И это говорил чемпион

Салоник и Бельгии по плаванью.

— Но бросок у вас исключительно сильный, — говорили ему.

— И много инициативы в игре…

Совместно был составлен график тренировок команды. Сначала индивидуальные тренировки по плаванью — двадцать дорожек кролем. Потом — один раз, но очень медленно — брассом и на спине, потом опять кролем. Затем баттерфляем и, наконец, работая одними ногами на спине. Только после этого переходили к тренировкам с мячом: передачи по кругу, парные распасовки, плаванье по кругу с передачами вперед и назад, крученые мячи, прорывы к воротам, броски, эстафеты с мячом, передачи мяча к воротам «в одно касание», рывки с места… При броске по воротам отрабатывалось подпрыгивание в воде, но с тем, чтобы рука с мячом не слишком уходила назад. Несмотря на все это, Георгий еще не решился на столь великую жертву, чтобы выложить сразу свой главный секрет — показать свой сильный бросок по воротам. Он оправдывал себя тем, что на отшлифовку еще будет достаточно времени. Но не прошло и двух недель, как ему удалось сломить свое внутреннее сопротивление, и можно было наблюдать, как он публично демонстрирует искусство коронного броска перед коллегами и соперниками по команде. «Неосторожно он поступает, раскрывая свои секреты», — думали о нем, не понимая, что они являются свидетелями благородного процесса. Дело в том, что Георгий поддался истинно спортивному духу, считая, что у всех должны быть равные возможности…

Осенью 1937 года салоникский клуб «Ираклис» попросил Георгия выступить за их команду в Кавала на соревнованиях с тамошним клубом. И может быть, первый раз в спортивной жизни Георгий отступил от железных правил. За день до соревнований к нему явился лучший спортсмен клуба Кавала и попросил несколько минут для секретного разговора. Как выяснилось, это был бедный парень, который уже несколько лет усиленно тренировался в надежде получить первенство по плаванью в северной Греции.

— Если бы ты не появился здесь, то мне наверняка досталась бы золотая медаль, — сказал он Георгию. — А сейчас у меня нет никаких надежд… И пропадут все мои тренировки… Меня тут же лишат стипендии… Ведь ты знаешь, как у нас это делается… А стометровку мне меньше чем за минуту никак не пройти… Умоляю, дай мне возможность прийти первым… Для тебя это пустяк, ты ведь все равно чемпион, да и выступаешь ты здесь случайно, проездом… А для меня это вопрос жизни и смерти…

Георгий отвел взгляд и задумался, видя в глазах юноши самое настоящее отчаяние.

Затем он сказал:

— Послушай… Но больше никогда не делай таких вещей. В спорте нельзя пускаться в комбинации. В спорте должны решать свой собственный труд, умение и стремление к победе…

Потом он добавил:

— А завтра постарайся у меня выиграть… Шанс я тебе дам, но не более чем шанс… Да и какой тебе был бы прок, если бы эту золотую медаль или часы ты заполучил бы нечестно? Ведь в собственных глазах ты так и остался бы раз и навсегда пропащим человеком — никогда бы ты не смог стать настоящим спортсменом. А теперь давай забудем об этом разговоре.

Однако сам Георгий так и не смог о нем забыть. Клуб «Ираклис» чувствовал себя неуверенно и пытался спастись в последнюю минуту, выставляя Иванова. Так или иначе, но Георгий не сделал самого опасного рывка у финиша и проиграл несколько сантиметров спортсмену из Кавала.

Вообще-то в Греции спортивная борьба носила более острый характер, чем в Польше, иногда переходя просто в драки. Широко разрекламированный матч между ватерпольными клубами «Ираклис» и «Пиреус», чемпионами северной и южной Греции, вызвал огромное оживление и мог привести к тому, что некоторых из участников болельщики могли либо искалечить, либо потопить. Матч проходил между двумя шхунами, на палубах которых собралось множество зрителей. Поскольку в команде Пирея оказались грубые игроки, Георгию и его коллегам пришлось как-то призвать их к порядку. Делали они это незаметно, затягивая грубиянов под воду и там уже давая им изрядную нахлобучку. Болельщики Пирея быстро заметили, что их любимцы утратили свою напористость и отказались от рукоприкладства. Поняв, что произошло, они решили помочь своему клубу — и на игроков из Салоник с палубы полетели кирпичи и бутылки. Несмотря на все это, под градом сыпавшихся камней, игроки «Ираклиса» победили, отделавшись незначительными ушибами…

В следующем году варшавские ватерполисты с нетерпением дожидались приезда Иванова. С этим сезоном у команды были связаны большие надежды. Предстоял целый ряд соревнований внутри страны, поговаривали также и о выезде за границу. В таких условиях появление хорошего бомбардира давало возможность с бóльшим правом рассчитывать на успех.

— Ура! Приехал, не подвел! — встретили Ирека радостные возгласы.

И настала, быть может, самая счастливая пора в жизни Ирека. У него были впереди два свободных месяца, которые он мог

целиком посвятить спорту, он снова находился среди своих, заметки в спортивных газетах выделяли его, польское водное поло не без его участия превращалось в важную отрасль спорта, на которую уже можно было рассчитывать и в международных соревнованиях. Кроме того, в этот период Георгий получил возможность насладиться Польшей и ее прелестями. Целая банда веселых друзей ходила в кино и дансинги, в варшавское Общество гребцов и в Офицерский яхт-клуб. Определились и чисто «водные» симпатии, Ирека нравилась Марыся, сестра спортсмена Маковского, а другой член команды, Ястжембский, женился на Рыбичковой, дочери одного из руководителей яхт-клуба. Варшавские спортсмены хорошо запомнили мускулистую фигуру юноши из Греции и Бельгии, не выступающего иначе как в форме ССС — польского Студенческого спортивного союза — и мечтающего о форме сборной команды Польши с белым орлом на груди.

Имя Георгия Иванова уже называлось в числе европейских асов водного поло. В спортивных кругах он приобретал все большую известность, почти равную известности турка Седата Сора, испанца Кроурры, румына Барбу или канадца Гриффита.

Пришла победа и в Бельгии. На почтовой открытке с видом на антверпенскую Гран-Пляс он написал:

> «Милая мама! Я, кажется, пьян. Пишу тебе из Антверпена, где после соревнований (я пришел первым!) состоялся ужин в нашу честь… Пока, мамочка!»

— Это очень хорошо, — обрадовался пан Ян. — Но только как там обстоят дела с учебой? Не пишет?

— Ты был бы рад вообще лишить ребенка всех радостей жизни! — обиделась пани Леонардия.

Ламбрианидис умолк и принялся еще старательнее чистить тряпочкой, смоченной в вазелине, старинную икону из Трапезунда.

А в Салоники ехала золотая победная медаль. И вообще число подобных медалей все возрастало, Ирек набрал их уже добрые три горсти…

Наконец 15 октября 1938 года в руках нашего героя оказался долгожданный пергамент с подписями членов экзаменационной комиссии, ректора и члена правительства. Из этого документа было видно, что Агрономический институт природоведческого факультета Католического университета в Лувене присуждает Иванову титул магистра агрономических наук, утверждая при этом, что он специализировался дополнительно по этнографии, политике и хозяйству Бельгийского Конго. Некоторые

выражаемые юношей сомнения относительно применяемых в колонии методов ведения хозяйства значительно повлияли на снижение оценки его знаний, поскольку из 100 возможных очков сторонника реформ присудили только 58,4 вместо ожидаемых 80. Но и этого было вполне достаточно для свершения надежд.

В тот же день Георгий торопливо писал на открытке: «Сдал… Все в порядке… Жду денег…» Пани Леонардия прослезилась от счастья, пан Ламбрианидис облегченно вздохнул. Вложенный в пасынка капитал начинал приносить дивиденды. Будучи торговцем, пан Ян, несмотря на самую искреннюю любовь к Иреку, не мог не отметить, что с завершением учебы с него слагаются и отцовские обязанности.

На обратном пути в Грецию молодому инженеру выпал случай помочь некоей пожилой даме, которая довольно беспомощно вертелась на будапештском вокзале. Георгий даже приостановился, услышав столь знакомо звучащие слова:

— А, холера бы вас взяла, никак не поймут человеческого языка! — ворчала женщина, особа явно энергичная, но на этот раз абсолютно упавшая духом из-за полнейшей невозможности объясниться с венграми. Георгий предложил ей свою помощь, и они тут же разговорились. Она была чистейшей воды варшавянка, которая ехала к своей дочери, живущей в Афинах. Поскольку пани впервые в жизни отправлялась в заграничное путешествие, она сразу же вцепилась в молодого земляка и не отпускала его до самых Салоник. Георгий помог ей при пересадке в Белграде, а в награду за помощь пользовался солидной кошелкой с различными польскими лакомствами, запасенными предусмотрительной пани в дорогу: фаршированными цыплятами, рубленными котлетами, крутыми яйцами, огурцами и яблоками, не упоминая уже о гречневой каше и грибах, которые везлись в качестве гостинца для дочери в далеких Афинах.

Это была пани Бальцерова, урожденная Милославская и Стефановская по первому мужу. Последующие ее мужья были известны в Варшаве среди любителей бегов, а самая старшая ее дочь, Маня, также вышла замуж за жокея Эдварда Шеня, с которым она и выехала в Грецию, где Шень получил место жокея или тренера при Афинском ипподроме. Георгий припомнил этого «земляка» Шеня, но пани Бальцерову больше интересовали греки — какие они: добрые или злые, стоит ли им доверять, похожи ли на поляков?.. Таким образом, тем для разговоров хватило до самых Салоник. Любопытная и решительная пани нравилась спутникам своим ростом, дородностью.

С другой стороны, как выяснилось из все более откровенных признаний пани Бальцеровой, дочь доставляла ей немало хлопот.

Нет, речь идет не об Антусе, которая еще в 1926 году вышла замуж и тоже, конечно, за жокея Устинова, а именно о Мане, Марианне, о той, что в Афинах. Дело в том, что этот ее муж, этот Шень, ради которого Маня поехала за тридевять земель, оказался, что тут говорить, мужем, скажем прямо, неважнецким. С самого начала по письмам Мани можно было понять, что счастливой ее никак не назовешь…

Полное лицо пани Бальцеровой покраснело от волнения, а солидный подбородок начал угрожающе подрагивать, когда она, отерев платочком слезу, продолжала:

— Вот мы и решили, чтобы Маня возвращалась в Варшаву. А тут и оказалось, что это невозможно, потому что — сами знаете — пришла беда, отворяй ворота… Вы только представьте себе, она влюбилась! И в кого бы вы думали? В какого-то грека, ну, что вы скажете! Фамилия его Янатос… Может, вы его знаете? Он мясник и держит в Афинах лавку…

Пани Бальцеровой пришлось несколько умерить свое негодование, поскольку Георгий напомнил, что его мать также вышла замуж за грека. Но с этой минуты тема для разговора была установлена до самого конца путешествия: пани Бальцеровой хотелось знать абсолютно все о греках, о их жизни, а в первую очередь об их отношении к женщинам. Георгий послушно рассказал все, что ему было известно на эту тему. Распрощался он уже с несколько успокоенной пани Бальцеровой, а потом с юмором вспоминал об этом приключении. Во всяком случае, в тот раз он никак не мог пожаловаться на голод в пути, как это иногда с ним случалось. Дома он поразил мать отсутствием аппетита, настолько обкормленным приехал он в этот раз.

Позднее, во время одного из посещений Афин, он познакомился с дочерью пани Бальцеровой Марианной, которая развелась с Шенем и вышла замуж за Димитриоса Янатоса. И вот именно к этой польке, Марианне Янату, и направил свои шаги Георгий, прибыв тайно в Афины в 1941 году.

IV
«NON VERBIS, SED GLADIIS»

Гитлер выкрикивал свои последние угрозы, государственные мужи Запада высказывали все более туманные и умиротворительные формулы, на которые должен бы был опираться их компромисс с Третьей империей. Однако время слов уходило в прошлое, наступал период меча, пожаров, разрушений и слез. В эти трагические годы, 1938—1939, если можно было бы знать правду и предвидеть будущее, следовало бы просто опустить руки в отчаянии…

В это время молодой инженер и великолепный спортсмен бурно шел к финишу в осуществлении своих жизненных планов. Прежде всего он не почил на лаврах. Ему удалось поступить на годичные курсы усовершенствования в Парижский агрономический институт заморских территорий. В институт этот допускались не более двух десятков выпускников всех высших учебных заведений Франции, Бельгии и Германии.

После летних спортивных триумфов, после варшавских каникул Париж показался Георгию скучным и негостеприимным. Регулярно посещать лекции Георгий начал только в ноябре. В самом же начале — непредвиденный расход: плата за право допуска к занятиям вырвала из его бюджета 250 франков, столько же понадобилось выложить и за первый квартал, право пользоваться лабораторией обошлось ему в 275 франков, а тут уже и второй квартал — новые 250 франков. Каждый экзамен, помимо нервного напряжения, обходился еще в 100 франков. Финансовое положение отчима было неважным, а скудные запасы молодого инженера уходили, как вода в песок, — то нужны были консультации, то требовались приборы, то предъявлялся счет за разбитую лабораторную посуду, а то и просто на традиционные чаевые швейцарам… Одна только комната, кстати сказать, неотапливаемая, съедала 300 франков, самое скромное питание — 600… Не хватало уже ни на фрукты, ни на театр, визит к зубному врачу был аварией, а повторение несданного экзамена — катастрофой. А именно это и произошло с экзаменом по химии, которую он сдавал уже давно, на первом курсе в Лувене, и успел уже основательно забыть.

«Никогда еще не случалось мне так мрачно праздновать рождество, как в этом веселом Париже», — шутил он позднее. Канун рождества Георгий просидел в зале пригородного кинотеатра, а потом вернулся в свою комнатенку и мерз два дня,

потому что лили холодные проливные дожди. Развлекаться в Париже мог только тот, у кого были деньги или друзья…

Зато здесь Георгий почувствовал аромат своей будущей работы. Он восхищался огромными теплицами с экваториальными растениями, бесчисленными коллекциями и экспонатами, представляющими картины африканской жизни, — одним словом, всем тем, с чем европейцу придется столкнуться в тех краях, начиная от природы и вплоть до медицины, от верований и обычаев африканцев до истории миссионерской деятельности. Нашел он здесь также и свидетельства эксплуатации темнокожих, поразительные доказательства тщетности их надежд на более счастливое будущее. В этой связи он строил планы какой-то еще не вполне ясной ему самому деятельности в пользу негритянского населения. Может, удалось бы организовать что-нибудь и учредить в Польше стипендию для будущих инженеров-африканцев… Пусть бы они учились в польских университетах строить машины, дороги, суда…

Помня о предстоящих задачах, Георгий раздобывал новейшие книги по самым различным отраслям знаний, которые пригодились бы ему в Африке. Он постоянно носил с собою и заучивал французско-суахильский разговорник, чтобы продвинуть вперед медленно идущее изучение языка суахили.

Тем временем политическая обстановка становилась все более напряженной. Георгий понимал грозящую миру опасность, и его поражала наивность товарищей, которым казалось, что война грозит Франции исключительно только из-за Гданьска и так называемого Данцигского коридора, в то время как было совершенно ясно, что устремления Гитлера и его зарвавшихся почитателей распространяются на всю Европу, на целый мир, и притом на целую «1000 лет»!

— Не было бы ничего дурного или неестественного, если вы и в самом деле подставили бы шею ради Польши, — пытался втолковать он своим коллегам, — ведь в предшествующей войне за вас сражались англичане, американцы, бельгийцы, сербы, греки, да и поляки тоже…

Против этого, однако, выступало большинство студентов. Юноши из националистских группировок считали, что одна только Франция является колыбелью культуры Европы и поэтому заслуживает помощи со стороны остальных наций. «Pologne, ça ne compte pas»[1], — заметил один из них, а второй доказывал, что Германия в конечном счете не так уж к не права в своем стремлении к мировому господству, если осуществлять его она будет рука об руку с Францией.

«Вообще, ни один идеал для большинства французских

буржуа не представляет собой такой ценности, чтобы ради него стоило пожертвовать жизнью, — так заканчивал молодой инженер свое письмо, адресованное одному из знакомых в Польше по поводу ситуации во Франции. — Да и вообще, — писал он, — самые различные идеалы и идеи, якобы исповедуемые моими коллегами, чаще всего служат лишь прикрытием страха обычных мещан, беспокоящихся за свою собственную шкуру, и мало кто здесь заслуживает того, чтобы рассматривать его всерьез…» — жаловался он, не предполагая, что это частным образом высказанное мнение сможет ему со временем повредить. И в самом деле, до сих пор единственным отношением французов к немецкому диктатору были пока что лишь насмешки, карикатуры и игрушки вроде резинового поросенка, который при нажатии превращался в «фюрера». В политике же знаменитого французского «эспри» явно недоставало.

Наступил 1939 год, с которым молодой инженер связывал столько надежд. «Всего каких-нибудь несколько месяцев, — давал он себе торжественное обещание, — и я выеду в Конго, где буду занимать приличную должность… Со временем куплю матери домик под Варшавой, чтобы она могла приезжать туда сколько захочет, не рассчитывая на помощь родственников, а кузину Лилю она сможет взять к себе и выдать замуж за приличного парня…» Так он строил далеко идущие планы, а пока что вводил режим строжайшей экономии: конспекты лекций вел на оборотной стороне выброшенных в типографии контрольных оттисков, в содружество студентов-поляков записался только в качестве «почетного» члена (то есть без вступительных взносов и уплаты членских), наконец, ему пришлось отказаться от часов и фотоаппарата. Перед ним стояли две главные цели: завершить занятия в Институте агрономии и обеспечить себе небольшую сумму денег для каникул.

31 июля профессорский совет института признал Георгия Иванова агрономом заморских территорий, выдав ему диплом за номером 751. Узнав, что экзамены сданы им успешно, молодой инженер решил больше не ждать. Еще в мае, почти с последнего экзамена, он помчался на восток. В Будапеште, едва успев перевести дух, он уже оказался на парных тренировках с венграми, которые устроили для команды АЗС спортивный лагерь на острове Маргит. «Ура! Приехал, не подвел!» — радостно приветствовали Георгия его старые друзья, столь отличные от расчетливого Косты Пандоса и рафинированных французских коллег. И здесь, в тренировочном лагере в Венгрии, как и в июне на Лазенковской улице в Варшаве, он чувствовал себя среди друзей, среди своих, с которыми бы только жить да жить.

Радостно похлопывали его по спине «патер фамилиас» секции плавания АЗС Барановский и опекун водного поло Хенцинский, обнимали оба Казика — мастер Бохеньский и отличный ватерполист Карпинский, радовались его приезду верные друзья из команды Ленерт, Маковский, Гумковский, Рупперт вместе со всеми веселыми и гордыми «азетэсовцами», для которых мужество и спортивная закалка казались лучшим ответом на нависшие над страной тучи. Он чувствовал, что уже успел побрататься с ними во время прошлого трудного сезона и во время пребывания в тренировочном лагере на Белянах, куда потихоньку он успел сбежать из Лувена.

Сразу же поляки бросились в битву с соперничающими клубами. Прежде всего с «Легией», которой они «влепили» 6:0, а потом с катовицким ЕКС, где счет был ни больше ни меньше как 10:0. Единственные соперники на пути к званию чемпионов Польши отпали быстро и весьма убедительно. Подтвердилось мнение венгерского тренера Райка, который еще в прошлом году высказался следующим образом: «Бохеньский — лучший организатор атак, Маковский играет умнее всех, у Зубовича сильный бросок, однако все их положительные качества объединяет в себе Георгий Иванов, подающий большие надежды на будущее… Ему, правда, следует только не выступать с «сольными номерами», как это было на матче с Финляндией, в противном случае соперникам удастся прекрасно подстраховать подобного солиста…»

Наконец пришло и время расставания: молодому инженеру еще раз приходилось ехать во Францию за дипломом. Однако все эти радостные, великолепные дни все более омрачались тенью приближающейся военной угрозы, миллионы сердец сжимались от горестных предчувствий. В середине августа юноша уже мчался в Салоники попрощаться с матерью. Собирая по дороге различные не предвещающие ничего хорошего наблюдения, он машинально повторял про себя любимое отцовское изречение, девиз рода Ивановых: «Non verbis, sed gladiis», что можно было перевести: «Делом, а не словами», или: «Мечом, а не словом». Пассивным свидетелем событий он отнюдь не собирался оставаться…

Уже в пути он написал три письма, и все адресованные в Варшаву: к капитану Белому в отдел пополнений, к майору Маевскому и к полковнику Левандовскому, с которым он недавно познакомился. В письмах этих он просил о приеме в армию, только бы поскорее, только бы не оказалось слишком поздно…

Георгий проснулся свежим, веселым, восстановившим свои силы. «Наконец-то я дома», — подумал он, услышав в открытое

окно крики уличных торговцев.

— Стафилия, стафилия, — тянул продавец винограда, а вслед за ним на разные голоса: — Карпазия ме то махери (то есть арбузы на разрез), даматес, пиперис, ангуриа…

Выглянув из окна, Георгий увидел нагруженного фруктами ослика. Следом за разносчиком ехал на своем ослике рыбак, расхваливающий «фресика псариа» недавнего улова, а еще дальше катила телега мусорщика.

— Скупидиа, скупидиа, — неслось по всей улице Маврокордато, и можно было видеть, как из соседнего домика выбежала стройная девушка с большой корзиной мусора. Георгий с трудом узнал в ней Пенелопу, дочь старого рыбака Бугаса. «Здорово выросла», — поразился он, и тут же ему припомнилось все то, с чем он сюда приехал.

Мать… Она будет в отчаянии, пытаясь отговорить его. Он об этом знал. Все матери одинаковы: не хотят отпускать сыновей на войну, но до этого целыми годами воспитывают их патриотами!

Предвидения его оказались правильными. Мать все время повторяла одно и то же:

— Я считаю, что тебе незачем торопиться… Жалко твоих способностей… Во всяком случае, не на фронт… Ты мог бы и в штабе…

Ежи шагал из угла в угол, дожидался почтальона, как спасителя, выскакивал к нему на лестницу, а от материнских уговоров у него только разгоралось нетерпение. Он знал, чего ему хочется, — если уж не героизма, то по крайней мере добросовестного исполнения своего долга. Его место над Вислой, а не здесь… Но из Варшавы не шло ни официального уведомления, ни частного приглашения.

«Поеду сам», — решил он. И если Георгий не оказался в сентябре в растерянных толпах тех тысяч, которые тщетно пытались найти свое место в рядах польских призывников, то благодарить ему за это можно было только пани Леонардию с ее тактикой оттяжек. Пока что он удовольствовался лишь отправкой трех новых заказных писем с оплаченным ответом: в них он просил о ясном и точном приказе — где и к кому ему надлежит явиться. В варшавских штабах и военных управлениях в то время получали множество подобных обращений от поляков, пребывающих за границей. Штабисты в ответ только недоуменно пожимали плечами: что, мол, воображает о себе этот ура-патриот? Неужто считает, что без него здесь не обойдутся?

В эти беспокойные дни 1939 года поляки, работающие в табачной монополии и в ЛОТе, собирались в кафе Флоца на главной улице города. Поляки рассаживались по одной стороне

зала, а местные немцы — по другой. Соотечественники и поклонники Гитлера вели себя вначале провокационно, пока к ним не подошел однажды офицер греческой полиции и не заявил довольно вежливым тоном:

— Мы, греки, являемся в данный момент нейтральными хозяевами и хотим, чтобы у нас был мир и порядок. Нам не хотелось бы, чтобы какая-либо из сторон спровоцировала беспорядки. Однако если это произойдет, то за последствия вы, господа мои, отвечайте сами. Вон тот высокий и отлично сложенный блондин, к которому вы относитесь столь вызывающе, великолепный спортсмен… И я не советовал бы вам с ним связываться…

«Великолепный спортсмен» и действительно готов был взорваться в любую минуту. Больше, чем провокации местных фашистов, его удручало отсутствие известий из Варшавы. Он написал, наконец, военному атташе в Афинах, однако и тот хранил молчание. Направил с оказией послание к полковнику Богдану Квецинскому — военному атташе в Лондоне. И этого своего знакомого он просил походатайствовать за него перед военными властями в Варшаве за право сражаться на родине. Безрезультатно…

На рассвете 1 сентября из репродукторов послышались гортанные истерически-приподнятые сводки немецкого командования о вторжении на территорию Польши. Столь же победные сводки появились и на газетных полосах. А три дня спустя крохотная польская колония, собравшись у Ламбрианидисов, со слезами радости встретила весть о вступлении в войну Англии и Франции. А еще несколько дней спустя Георгий услышал страшную весть: Варшава в осаде, правительство и президент будто бы спаслись бегством. Тем временем из посольства в Афинах пришло спокойное чиновное письмо, требующее от инженера представить свои анкетные данные. Юноша тут же заполнил анкету, выслал ее и снова принялся ждать. А в это время через Салоники начали двигаться первые беженцы.

Война в Польше была проиграна.

Вестниками поражения были высшие офицеры, важные чиновники, деловые воротилы. Они ехали собственными машинами или спальными вагонами, их элегантные саквояжи и чемоданы пестрели яркими ярлыками, женщины появлялись в самых дорогих греческих магазинах и ресторанах. После формирования польского эмиграционного правительства во Франции и зародыша новых вооруженных сил Иванов отправил новую партию писем, на этот раз в Париж. Совершил он и поездку

в Афины и там, встретившись в посольстве с молодой Марианной Янату — дочерью пани Бальцеровой, с которой познакомился в дороге, — решил вместе с ней помогать проезжающим через Грецию полякам.

«Исход» поляков из Румынии и Венгрии, где возникли огромные скопления интернированных, а позднее и из самой Польши, через так называемые «зеленые границы», в Югославии разбивался на два потока. Часть поляков пыталась пробраться во Францию через Италию, многие же выбирали направление на Турцию и Грецию, откуда они уже плыли во французские порты в самой Франции или в Сирии. В Салоники приехал назначенный руководителем тамошнего эвакуационного центра офицер и поселился в отеле «Средиземноморье», где и начал свою работу, а Георгий Иванов в качестве бесплатного его помощника делал для него всю практическую часть работы. Она заключалась в опеке над транспортами поляков, о которых посылались специальные уведомления.

Каждое путешествие на вокзал в Салониках требовало специальных приготовлений и было делом чрезвычайно трудоемким. Майор обычно отправлялся спать, когда Георгий и еще один младший офицер, оба навьюченные чемоданами и свертками, начинали свое утомительное путешествие через весь город. Поезда ходили не по расписанию, а указанное в уведомлении количество людей на практике сильно расходилось с фактическим. В некоторых случаях дежурство в ожидании балканского экспресса длилось до самого утра, а иногда приходилось снабжать продовольствием значительно большее число солдат, чем было указано в телеграмме из Белграда или Софии. Но Георгий был подготовлен к подобным случайностям: в привокзальной камере хранения он постоянно держал запасной мешок с консервами и папиросами, но иногда бывало и так, что приходилось ночью искать хлеба или денег. Ему так и не удалось упросить майора, чтобы тот выделил какой-нибудь небольшой резервный фонд, и даже наоборот — майор очень часто не выдавал и того, что он сам собственноручно внес в смету; в таких случаях юношу спасали деньги, взятые в долг у знакомых железнодорожников. Так или иначе, но пани Леонардии постоянно приходилось подбрасывать что-нибудь для земляков, догадываясь по мрачному лицу сына о его хлопотах. Беженцы ехали дальше напоенные и накормленные, с небольшим запасом денег в греческой валюте, приободренные и благодарные своим неожиданным и мимолетным опекунам. Встречались и больные, которых Георгий снимал с транспорта, оповещая при этом Красный Крест или больницу, что опять требовало множества

забот и означало новые расходы.

Высокий и худой майор, находившийся на своем боевом посту в ресторане отеля, неохотно принимал подобного рода донесения.

— А, не стоило с ним возиться, — осаживал он своего «подчиненного». — Это совсем не входит в наши задачи… Проталкивать, проталкивать дальше, не миндальничать…

— Так ведь у него же аппендицит, — пытался втолковать ему Георгий.

— Доехал бы и так! В конце концов сейчас война! — поучал майор. — Ну да ладно, если желаете, можете и дальше играть роль доброго самаритянина, это ваше личное дело… Мы не можем без конца расходовать государственные деньги, тем более что в наши задачи входит исключительно эвакуация: нам нужны солдаты, а не пациенты…

Подобно многим другим таким же офицерам, сам он со своей дражайшей половиной вел жизнь беззаботную и удобную, если не сказать роскошную.

Но работа не кончалась с уходом очередного транспорта. В ту же самую ночь, вернувшись домой, Георгий садился за составление рапорта. Майор требовал не только подробнейших данных о каждом из проезжающих, но требовал также и каких-то характеристик. Только позже Георгий понял характер пронырливых офицеров из так называемой «двойки»: они хотели знать, о чем люди из каждого транспорта разговаривают, как их оценивает комендант транспорта, сильно ли они ругают сентябрьское командование, каково их отношение к новому верховному главнокомандующему и как они вспоминают предыдущего.

Сначала в своей работе Георгий пользовался услугами Тиноса Пандоса, но очень быстро заметил, что молодой грек даже польских беженцев рассматривает как источник мелких заработков, и отказался от подобной помощи.

Правда об идеализированной отчизне и о ее гражданах быстро доходила до сознания работника эвакопункта в Салониках. Простые люди, младшие чины или молодые подхорунжие видели причину позорного поражения в сентябре главным образом в плохом руководстве государством и армией. Они признавали, что перед лицом столь сильного противника, как гитлеровская Германия, в то время выстоять было трудно, но просто кипели от ярости, вспоминая позорное растяпство, с которым им приходилось встречаться буквально на каждом шагу во время этой самой короткой из всех польских войн.

— Без министров и штабов мы бы продержались дольше, —

утверждали они.

Пораженный инженер, в свою очередь, прислушивался к разговорам и людей образованных, высших офицеров или представителей интеллигенции, кандидатов в новые эмигранты.

— Польша оказалась в наихудшем месте Европы… Ах, если бы можно было перенести Польшу в какое-нибудь иное место! — мечтал один, а другой самым решительным образом заявлял:

— Сразу же после войны эмигрирую и выхлопочу себе английское или, на худой конец, французское гражданство… Хватит с меня забот с этой Польшей…

Георгий Иванов, сын русского, юноша, который вел такую длительную борьбу за формальное и фактическое польское гражданство, кипел от сдерживаемого возмущения, слушая такие высказывания. С отвращением думал он: «И это польские офицеры! Майоры, полковники… Они готовы отречься от родины… И до чего же глупы при этом! Неужто они так ничего и не знают о той борьбе и о тех страданиях, которые выпали на долю других народов — греков, армян, сербов?.. Им, видите ли, плохо на земле отцов и дедов… Да что же они думают? Что, став английскими или французскими гражданами, они будут жить вечно? Считают, что смерть за родину не имеет смысла?»

Такие случайно услышанные разговоры приносили ему огромное огорчение. Иногда он просто отказывался верить в то, что носители столь славных в Польше фамилий так низко пали в своем патриотизме. Различные недобрые вести о продажных министрах или депутатах сейма, о политических интригах или о вредных для национальных интересов сговорах отдельных клик он поначалу склонен был считать просто сплетнями. С юношеским прямодушием и с любовью к Польше, не обремененной никакими расчетами, он никак не мог найти места для сотен неприятных фактов, вокруг которых должна была бы появиться ржавчина неверия и сомнений.

Единственной защитой против одолевавших его мыслей и тревог вновь оказались занятия водным спортом. Теперь он вернулся к рейсам по заливу. И вообще он заметил, что после изрядного физического напряжения, особенно на воде, сжимаются и становятся мелкими всяческие заботы и огорчения как личного, так и общего порядка, уступая место новому наплыву оптимизма.

Однажды Георгий задержал в Салониках и взял с собой на «Леонардию» некоего Высоцкого, юношу исключительно симпатичного и высокой культуры, который привез ему первые известия от друзей в оккупированной Польше. Георгий долго слушал мрачные вести с родины, а потом опять решил про себя возобновить ходатайства о приеме в армию. Наконец он

пожаловался Высоцкому о своих заботах: вот он ведет в Салониках удобную жизнь чиновника, в то время когда ему следовало бы как можно скорее стать в ряды сражающихся.

И пока они, разговаривая так, мчались в блеске солнца и соленых брызг, Высоцкий, помолчав, сказал:

— Слушал я вас и все понимаю… Но если быть до конца откровенным, то я уже перестал верить в Польшу…

— Так что же вам тогда остается? — воскликнул яхтсмен и резким поворотом руля как бы подчеркнул свое несогласие.

При отъезде Высоцкий крепко пожал ему руку и припомнил инцидент в заливе:

— Вы спрашивали, что мне остается? Ну что же, разве что только умереть с честью… А что касается вас, если вы можете, продолжайте верить дальше… С такой верой можно еще жить, даже нужно жить!

В противоположность бодрым и здоровым знакомым это был мужчина хрупкого сложения, элегантный, образованный и чувствительный. Зачем ему понадобилось заезжать так далеко только ради того, чтобы «умереть с честью», Георгий никак не мог понять.

Высоцкий между тем говорил, что он преисполнен уважения к англичанам.

— Я восхищаюсь ими, — заявил он.

— А известно ли вам, что сказал один из англичан, Байрон? — спросил инженер.

— Что ж, он много чего говорил. Вы имеете в виду мысли о горечи в прощании Чайльд Гарольда?

— Нет, меня интересует кое-что прозаическое. Он сказал — хорошенько подумай, прежде чем начнешь кем-либо восхищаться, и не забывай при этом, что восхищение является одной из форм комплекса неполноценности…

Недели через две после отправки новой партии писем из Афин пришел ответ. Начальник консульского отдела оповещал инженера, что посольство обращается к «центральным властям», то есть к эмиграционному правительству, с запросом, может ли посольство разрешить индивидуальный отъезд добровольца во Францию. В конце посольство просило, чтобы доброволец этот до получения ответа не покидал Греции.

Наконец в середине мая 1940 года посол прислал упрямому просителю письмо с указанием явиться к генеральному консулу в Салониках «в целях регистрации, а также урегулирования вопроса об отношении к воинской службе». Как оказалось, консулу было поручено пока что официально утвердить Иванова на должности

гражданского служащего при местном военном центре. Таким образом, даже сотрудничая с армией, Георгий все же продолжал оставаться лицом гражданским. Ему растолковали, что подобным образом он может принести больше пользы, а кроме того, ему было обещано засчитать службу такого вида при его зачислении в армию. Предвидя это, Иванов просил почти каждого высшего офицера, проезжающего Салоники, об именном призыве в формирующуюся в Сирии польскую бригаду. Офицеры обещали, прием, оказанный им в Салониках, хвалили, но повестки не присылали.

Так продолжалось вплоть до весны, когда Италия неожиданно

выступила на стороне гитлеровской Германии, а на Данию с Норвегией, а потом на Бельгию с Голландией, под конец же и на Францию хлынула страшная танковая и авиационная волна. В конце июня 1940 года германскому нашествию противостояли только Британские острова, поддерживаемые странами Британской империи, и многочисленные, размещенные почти по всему свету английские базы. Пробраться в Англию, где укрылось польское эмиграционное правительство, было почти невозможно. Оставалось одно — вступить в Карпатскую бригаду, которая не дала разоружить себя во французской Сирии и пробилась в Палестину, под прикрытие англичан. Георгий Иванов опять выслал слезные прошения, его энергичная натура бунтовала против создавшегося положения, его мужская гордость была уязвлена…

Наконец произошло событие огромной важности, которое почти всех жителей спокойной до того Греции сразу же втянуло в страшный водоворот войны. В тот день Георгий впервые столкнулся с ядовитой рыбой дракеной. Раненая рука начала распухать. Направляясь к берегу, незадачливый рыбак почувствовал, что у него резко повысилась температура. Дома из-за этого, естественно, поднялся переполох, однако, пока ему заливали йодом ранку, Георгий вдруг заметил, что вовсе не он является главной причиной суматохи. «Что-то случилось», — подумал он. И только когда из города вернулся отчим, все разъяснилось.

— Ну как? Неужто правда? Ирекy я еще ничего не говорила… — бросилась к нему пани Леонардия.

— Правда. На нас совершено предательское нападение! — выкрикнул Ламбрианидис. Видно было, что он просто кипит от негодования и едва владеет собой.

Тем временем радио начало передавать неприятную новость. 28 октября у берегов острова Тинос, где собрались сотни тысяч пилигримов, таинственная подводная лодка затопила судно «Хелли», на котором прибыли высокие политические лица. Граница с Албанией была уже в огне, того и гляди итальянские самолеты прилетят к порту и железнодорожному вокзалу в Салониках…

— Пропадет у меня весь уже оплаченный транспорт с мельничными приводными ремнями из Марселя, — с горечью заметил Ламбрианидис.

И действительно, вскоре крупный порт и важный железнодорожный узел в Салониках стал мишенью воздушных атак. Налеты итальянцы производили часто, но довольно вяло и не особенно метко. Как-то направленная на порт связка бомб

упала немного южнее и развалила несколько домов на берегу, а воздушной волной снесло несколько человек в море. Жертвой принудительного купания оказался также и Георгий, но сколько-нибудь серьезных повреждений он при этом не получил. Георгий спокойно подплыл к каменным ступеням набережной и переоделся в отеле. Домой ему пришлось возвращаться в слишком просторном для него костюме директора Зарембы. Все наперебой высмеивали итальянцев. Население Салоник от самолетов противника не убегало, наоборот, все жители города во время налетов высыпали на улицу и с превеликим любопытством следили за маневрами итальянских асов.

Война с Италией шла преимущественно в Албании. Георгий восхищался дисциплиной и исполнительностью греческих призывников, которые с оружием в руках шли сражаться за честь своей родины. На борьбу за свободу встал, буквально весь народ. Пребывающий в то время в заключении секретарь ЦК Греческой коммунистической партии написал письмо, призывающее греков превратить каждый мост и каждую деревню в опорный пункт сопротивления захватчикам. Письмо было настолько красноречивым и убедительным, что по приказу диктатора Метаксаса оно было опубликовано в прессе и распространено среди солдат на фронте. Одновременно с этим на родину возвращалась политическая оппозиция, до этого искавшая за границей убежища от преследований диктатуры. Таким образом, в газетах можно было прочесть и патриотическое воззвание возвращающегося из изгнания митрополита Дамаскиноса. В грозный для отчизны час главным была теперь борьба с фашистской агрессией Италии и Германии.

Греция не разделила печальной судьбы Польши и не дрогнула перед вероломным нападением. Итальянцы сначала были остановлены, а потом их начали бить. В горных местностях технического превосходства итальянцев оказалось явно недостаточно для победы над греческой армией. Одновременно с этим англичане обрушились на итальянцев в Абиссинии, Ливии, на Средиземном море…

Поражения, понесенные итальянцами в Албании и Ливии, вынудили Гитлера обратить более пристальное внимание на южное направление. Уже тогда был готов пресловутый «план Барбаросса» — нападения на Советский Союз. И это, в свою очередь, требовало полного обеспечения с юга, чего итальянцы сделать не сумели. Наоборот, успехи греков в Албании и англичан в Ливии могли с течением времени привести к поражению Муссолини, уже сейчас теряющего оккупированную Абиссинию и свои другие колониальные владения в Африке —

Эритрею и Сомали. Когда же оказалось, что помощи одних только немецких люфтваффе недостаточно, поскольку британские поставки в Египет и Грецию продолжали прибывать, Германия приступила к реализации гигантского плана захвата Балкан и Греции, а затем и к вытеснению англичан со всего бассейна Средиземного моря.

Первым сигналом назревающих событий были известия о крупных концентрациях немецких войск в итальянских портах, в Болгарии, на границах Югославии и Греции. Известия этого рода распространялись все шире, вызывая большое беспокойство как в Белграде, Афинах, Анкаре, так и в Лондоне. В этот период особенно усилились итальянские нападения на транспорты англичан, идущие из Александрии в Грецию. Атаки производились с баз, размещенных на Додеканесских островах.

6 апреля 1941 года Германия объявила войну Греции и вступила на ее территорию. Договор, заключенный между странами гитлеровской коалиции, предусматривал, что Греция будет оккупирована следующим образом: итальянцы займут Афины и Пелопоннес, к северу от них будут править немцы, под чью руку попадут Салоники и Лариса, болгарам же отойдет Кавала и пограничные территории.

Тем временем появившийся в Киренаике генерал Роммель предпринял контрнаступление. Его Африканский корпус сразу же согнал с позиций жиденькую английскую нильскую армию, кстати сказать, к тому же еще ослабленную отправкой нескольких крупных частей в Грецию. Англичане поочередно сдавали порты Бенгази, Эс-Саллум, Дерна и Бардиа, и только в песках вокруг Тобрука возник своеобразный укрепленный лагерь, который быстро превратился в осажденную крепость в пустыне. Быстро вытягивающийся в направлении Египта танковый и мотомеханизированный клин Роммеля составлял как бы южную часть огромных клещей, которыми будут стиснуты и раздавлены защитники Суэца и нефтепроводов Ближнего Востока, жизненно важных для дальнейшего ведения войны.

Северную часть этих немецких бронированных клещей составляла другая танковая и мотомеханизированная лавина, которая при мощной поддержке люфтваффе и десантников-парашютистов ударила сначала на Югославию, а затем на Грецию. Поглядев на карту, Георгий понял: направление нового удара выводит державы «оси» на Салоники, а отсюда прямо на Афины и Крит, где остается сделать один только бросок, чтобы соединить клещи на дельте Нила. Над судьбами британских коммуникаций и — что еще более важно — над судьбами огромных запасов нефти на Ближнем Востоке навис огромный

вопросительный знак. Великобритания может оказаться на грани катастрофы…

Английская сторона не без успеха, но несколько нервозно пыталась залатать дыры. В начале апреля оборона Северной Африки была изрядно ослаблена отсылкой нескольких дивизий в Грецию, а в середине апреля, когда на Эгейском море положение становилось все более отчаянным, четыре английских эсминца внезапно вынуждены были отойти, чтобы помешать прорыву немецких транспортных судов с Сицилии в Сфакс в Тунисе. Тем временем тоненькая линия англо-греческой обороны, растянутая от заснеженных гор Албании до Эгейского моря, неожиданно была смята 250 тысячами немцев, вырвавшихся из Болгарии через Тракию, и окружена другой такою же силой, которая прорвалась по югославским дорогам в долину Вардара. Пытаясь затормозить молниеносные продвижения немцев, уцелевшие англо-греческие части стягивались к историческим Фермопилам, однако результаты этой короткой военной кампании были уже предрешены. Если говорить о поляках, то в этом разгроме у них было одно утешение — что Карпатская бригада, переформированная для ведения боя в новых условиях и даже частично погрузившаяся на корабли, была вовремя не послана в Грецию.

Уже через два дня после вторжения немцев на греческую территорию польский эвакуационный пункт свернул вещички и поспешно уехал, даже не оповестив о своих намерениях Иванова. Георгию оставалось сейчас держаться англичан и американцев, которые заверили его, что возьмут с собой. Тем временем он продолжал оформлять свой выезд из страны.

Генеральный консул Великобритании, оглядев его паспорт, вызвал сотрудницу консульства и приказал ей поставить визу Иванову как путешественнику с правом въезда в Палестину с 18 февраля 1941 года. Таким образом, польский паспорт оказывался действительным для английских властей и впредь. Это, конечно, было решением проблемы, поскольку греческие власти считались прежде всего с англичанами, тем не менее прежняя позиция польского посольства в Афинах продолжала вызывать у Георгия недоумение. Он где-то догадывался, что это было делом рук майора, который таким способом хотел сделать невозможным его индивидуальный отъезд во Францию…

— Отец, прошу тебя, не тревожься обо мне. Я наверняка буду на Крите, — сказал Георгий при прощании.

Подавленный и встревоженный событиями Ламбрианидис только позднее осознал значение этих слов. «Кто знает, — думал он, — возможно, англичане уже в Салониках обратили внимание

на Ирека и нарисовали ему перспективы будущего сотрудничества… Недаром же его приглашали почти каждый вечер к английскому консулу, и, наверное, были свои причины, когда офицеры английской разведки подчеркивали свое дружеское расположение к нему… Особенно этот, как его… командор Болби… А поскольку оба они остались в Салониках до самой последней минуты, несмотря на то, что английская колонна уже покинула город, следует полагать, что их взял с собой американский консул…»

Так и произошло в действительности. Едва только яхта консула пока еще нейтральных Соединенных Штатов прошла мыс и вышла в открытое море, в город вступили немецкие бронетранспортеры и танки. Сначала они катили со стороны Вардара, позднее — с западного направления. Щупальца бронированной армады, правда, достигли Эгейского моря и захватили важнейший порт на нем, но им не удалось застать греческих и английских войск, а погасить пылающие нефтехранилища, естественно, теперь оказалось невозможным.

В Афины Иванов прибыл 15 апреля 1941 года. В армейском эвакуационном пункте при польском посольстве ему было выдано свидетельство о том, что он работал в Салониках, занимаясь эвакуацией польских беженцев вплоть до ликвидации салоникского пункта 8 апреля 1941 года. Польское посольство уже не функционировало — все в спешке бежали либо в Палестину, либо в Африку.

Следующий день, 16 апреля, прошел у Георгия, как и других выезжающих, в горячке. До отхода судна оставалось еще немного времени, поэтому инженер решил навестить пани Марианну Янату в надежде, что при ее помощи удастся передать весточку матери…

Марианна Янату только что получила письмо от мужа из действующей армии в Эпире. До сих пор муж ее не получил ни единой царапины, но ведь только сейчас и наступали дни, несущие настоящую опасность. Стараясь не думать об этом, хозяйка дома заварила кофе и принялась рассказывать:

— Как только приехала моя мама, вы помните это, я сразу осмелела, потому что Эдек, — вы знаете, мой прежний муж, жокей Эдвард Шень, — притих. Но как только он опять принимался за свое и пытался меня обидеть, тут уж мы брались за него вдвоем… Уложили мы свои вещи — и в отель. А потом — известное дело, развод и мой брак с Димитриосом Янатосом. А когда он открыл лавочку, мы и поселились все вместе…

Георгий дослушал до конца брачную историю, оставил письмо для матери и распрощался. По пути ему показалось, что в

проезжающей автомашине мелькнуло знакомое лицо польского подполковника из посольства в Афинах.

Офицер этот уже давно был на плохом счету у наиболее проницательного начальства. Не говоря уже о пехотных войсках, его недолюбливали даже в штабах, однако он довольно ловко умел втираться в доверие к высокопоставленным чинам. Поскольку со своими служебными обязанностями он справлялся безукоризненно и в бумагах его все выглядело благополучно, то обвинения подполковника в двуличности, стяжательстве и аморальности кружили скорее вокруг да около. В конце концов он был офицером II отдела, так пусть эта польская разведывательная служба сама и заботится о соответствующем подборе своих кадров.

Офицера не поразил ход сентябрьской кампании. Поражение он предвидел и был к нему подготовлен. Заблаговременно перевел все деньги из Польши за границу, затем с чемоданами, полными нарядов, и хорошо набитым бумажником он всплыл в военном атташате в Греции. Развив лихорадочную деятельность, он несколькими удачными ходами укрепил свою позицию у новых польских властей в эмиграции и назначил людей, которые должны были заниматься переправкой поляков через Грецию, Турцию и Сирию.

Удирая из Афин почти в последнюю минуту, подполковник переменил решение и, вместо того чтобы ехать прямо в Пирей, приказал свернуть на улицу, где жили Янатосы. Он придумал, как избавиться от неловкого положения, в котором он мог оказаться в очень недалеком будущем: в обмен на переводимые на его имя значительные суммы он обязан был организовать в Греции разведывательно-диверсионную сеть, а одновременно с этим и секретную связь с Польшей. «Где же эта моя организация?» — вопрошал он себя. Однако продолжал рассчитывать на удачу, на какой-то счастливый случай. В конечном счете, поскольку он считал совершенно очевидным, что немцы завладеют всем миром, ему нужно было только переждать до того времени, когда это произойдет. Но, с другой стороны, как ему объяснить отсутствие греческой сети, если его бездеятельность выплывет наружу? «Ни единого агента!» — горевал он, и тут-то у него промелькнула спасительная мысль. Одного агента, а вернее, агентку, эдакое «парс про тото» — часть вместо целого, он все же мог заполучить… Искреннюю патриотку, честную женщину… Да, это действительно мысль!

И опять ему повезло, он застал Марианну дома, и притом одну, без прислуги. Она отворила ему дверь и не узнала. Однако подполковник мастерски выходил из подобных ситуаций. В его

черных выразительных глазах блеснули настоящие слезы, когда он проговорил:

— Дорогая пани, я пришел к вам в качестве представителя высочайших правительственных органов Польской Республики… Мы переживаем трагический момент… Известно ли вам, что здесь скоро будут немцы?

— Значит, это правда? — горестно воскликнула она и прижила руки к груди, как бы защищаясь от зловещего известия.

Подполковник кивнул с самым торжественным и значительным видом.

— Да неужели же они и в самом деле победят всех? Весь мир? — прошептала она.

— Нет, дорогая пани, — из богатого набора интонаций подполковник пользовался сейчас самой убедительной. — Победить они не могут… Если все настоящие патриоты в Польше, в Греции и в других странах объединят свои усилия, немцы не победят. — Затем, доверительно наклонившись к ней, он многообещающе продолжал: — Мне хотелось бы получить от вас слово, что в случае необходимости вы окажете помощь…

— Кому? — деловито спросила Марианна.

— Конечно, соотечественнику, поляку… И если таковой обратится к вам…

— Уж не от вашего ли имени? — спросила она, и в голосе ее прозвучало недоверие.

— Нет, не от моего, а от имени нашего главнокомандующего генерала Сикорского… Речь ведь идет ни больше ни меньше, как о сохранении нашей связи с родиной! — И, внезапно вскочив со стула, он проскандировал: — Вы ведь полька? Настоящая полька? Не правда ли?

Немного оробев, та ответила:

— А как вы полагаете? Думаете, только вы один и являетесь патриотом, так, что ли?

Офицер деловито вынул бумажник, из бумажника пятидолларовую банкноту и разорвал ее.

— Что вы делаете? — изумилась она.

Офицер объяснил ей, в чем дело. Следует доверять и оказывать помощь каждому, кто придет со второй половиной, подходящей к той, которую он оставляет. Пани Марианна неуверенно взяла у него из рук свою половинку, оглядела ее и сравнила номера, которые, естественно, были одинаковыми на обеих частях банкноты. Решив, что стоит ковать железо, пока оно горячо, офицер вручил ей еще сто долларов, хотя за минуту до этого собирался дать тысячу (на непредвиденные расходы, связанные со служением родине, как он ее информировал), и,

наконец, приступил к заключительному акту вербовки — взял с женщины клятву на верность Польской Республике. Ошеломленная всем этим Марианна осталась в одиночестве, а офицер, очень довольный собой, помчался в Пирей.

После исчезновения подполковника, едва только пани Янату успела прийти в себя, неожиданно оказавшись представительницей «подпольной Польши», в дверь опять позвонили. Марианна решила, что это подполковник забыл что-нибудь, а возможно, и передумал, но пришельцем оказался майор, начальник эвакуационного пункта в Салониках.

— Пришел попрощаться с вами, — заявил он прямо с порога.

Однако и этот разговор, начавшийся с военной катастрофы, быстро перешел на другие рельсы. Майор растолковал соотечественнице, что со временем дело дойдет до посылки курьеров с Ближнего Востока через Грецию в Польшу. Для таких вот курьеров офицер хотел оставить толстую пачку иностранной валюты, преимущественно югославских динаров. На этот раз не требовалось никаких клятв, майор только попросил Марианну сохранять тайну, после чего распрощался и уехал, но не так поспешно, как подполковник, хотя не раз поглядывал на часы.

На рейде Пирея среди других, еще не поврежденных кораблей и судов поджидала готовая к отплытию «Варшава». Как приятно было вновь увидеть польский флаг! Георгий совсем уже было поднялся на палубу, как вдруг заметил Тиноса Пандоса, который бросился к нему из толпы с распростертыми объятиями. Они молча обнялись, а потом Тинос прошептал:

— Видишь, вот они, твои англичане! Они всегда удирают, оставляя своих друзей на милость победителя…

— Война еще только начинается… Вернутся! — ответил Георгий. — На, мне они теперь не нужны, — и он вручил другу остатки греческих денег.

Тинос деньги взял, поблагодарил и пообещал сообщить родным, что видел отъезжающего Георгия, под конец попросил у друга фотографию «на память». Георгий растрогался и дал ему фотокарточку, на которой он был изображен в шляпе. Друзья детства еще раз обнялись, уже под гул орудий — собранная в порту зенитная артиллерия встречала новый воздушный налет.

26 апреля 1941 года, в день, когда немцы вступили в Афины, полицейское управление порта Хайфа подтвердило штемпелем прибытие Иванова и его группы.

Сразу же в польском лагере Георгий нашел множество знакомых. И это не удивительно, многие из польских беженцев, проезжавших через Салоники, запомнили услужливого и

энергичного работника тамошнего пункта.

8 мая 1941 года Георгий Иванов получил повестку, в которой ему предписывалось явиться на сборный пункт Карпатской бригады. В качестве рядового на военно-врачебной комиссии он получил категорию «А». Мечта его осуществилась, он был теперь с соотечественниками. Правда, до времени окончательного призыва в ряды польской армии он был передан в распоряжение генерального консула Польской Республики в Иерусалиме, которому Георгий был необходим в качестве переводчика.

V
«ВЫ ОБЪЯВИТЕ ВОЙНУ ГИТЛЕРУ…»

Сначала, когда его направили в распоряжение генерального консула, Георгию показалось, что это всего лишь игра случая, без какой-либо видимой связи с теми предложениями, которые ему сделал командор Болби. Однако никакой работы в консульстве не нашлось, и Георгию снова пришлось вернуться в лагерь. Там он заявил, что хочет стать солдатом, что именно к этому он стремился, ради этого он сюда и приехал. Тем не менее ему пришлось столкнуться с немалыми трудностями. Даже само право бороться за родину оказалось вещью чрезвычайно сложной…

Прежде всего возник вопрос о гражданстве. Польский заграничный паспорт, предъявленный Ивановым, как оказалось, был недействительным. «Военного билета» у инженера не было, к тому же удостоверение личности выдавалось заново. Георгий сослался на целый ряд хорошо известных ему лиц, выложил свою записную книжку, письма. Над одним из этих писем офицер из отдела, ведающего личным составом, просидел довольно долго.

— Ну вот, вы же сами видите, — гнул свое кандидат в солдаты, — ведь из письма ясно видно, что я получил польское гражданство… Ведь именно пан Маевский мне помог…

— Да, действительно, — соглашался офицер, — подпись какого-то Маевского я вижу. Но мне Маевский не известен. Маевских много…

— Это полковник, а ранее майор Маевский, — пояснил Георгий. — Из генерального штаба…

— В том-то и дело, что они там, наверху, ничего не знают о таких делах, как набор в армию… Кстати, здесь даже и печати никакой нет…

Возвращая письмо, он добавил:

— Для нас это не является доказательством. Жаль, что вы не взяли с собой акт о предоставлении вам гражданства, тогда вопрос можно было бы решить положительно. Хотя и в таких случаях мы стараемся собрать дополнительную информацию. И не следует на нас за это обижаться… Вы ведь знаете, что для нас и президент республики является всего лишь наименее подозрительным лицом. Это, конечно, анекдот, но в нем содержится доля истины….

И, утешая огорченного инженера, он добавил:

— Одним словом — бдим! Вы должны нас понять!

Не помогли никакие просьбы, удостоверения, письма,

записки в блокноте, которые, кстати сказать, сразу же забрали «на перлюстрацию». Трое офицеров, из которых двое проезжали через Салоники, где и встречались с Георгием, целыми часами расспрашивали Иванова подробно, как и остальных беженцев, ожидающих назначения. Здесь всех рассматривали как возможных шпионов той или иной державы, из-за колючей проволоки лагеря проверяемых выпускали неохотно и после заполнения бесчисленных формуляров и протоколов. Русская или болгарская фамилия Георгия вызывала еще бóльшие подозрения. Когда же он раздраженно заявлял, что всегда чувствовал себя поляком и что это очень просто доказать, офицеры только удивленно вскидывали брови:

— Пан Иванов, но какие здесь могут быть доказательства?

— В спорте я всегда выступал в форме польского Студенческого спортивного союза, — начинал он перечислять.

Во время сдачи экзаменов на аттестат зрелости я сдавал по польскому языку… Выхлопотал себе польское гражданство… Несколько раз обращался с просьбой о принятии в нашу армию. И, наконец, как многие из присутствующих здесь помнят, я добровольно работал в салоникском эвакопункте… Неужто этого мало?

В ответ те только хитро посмеивались.

— Пан Иванов! А как, по-вашему, поступал бы агент вражеской разведки, если бы он пытался проникнуть в наши ряды? А? Разве не точно так же? То, что вы долгие годы хлопотали о польском паспорте, вовсе не доказывает… Нам известны случаи, когда агент вражеской разведки раскрывал свое подлинное лицо чуть ли не после нескольких десятков лет…

— Ну, для этого я еще слишком молод! — восклицал инженер.

Следующая попытка убедить комиссию в том, что он является лояльным и полноправным гражданином польского государства, привела к еще худшим и совсем уже не забавным последствиям.

— Случалось ли вам когда-либо рапортовать из Франции о тамошних предвоенных настроениях? И не было ли в ваших донесениях, относящихся к тому времени, изложения взглядов, которые могли бы снизить боевой дух Польши?

— Неужто я стал бы сеять подрывные настроения в Польше? — поразился инженер. — Так ведь я же всегда…

Офицер, ведущий допрос, прервал его:

— Знакомо ли вам имя полковника Левандовского?

— Конечно! Я ведь уже ссылался и продолжаю ссылаться на него… В моих бумагах должно сохраниться письмо от него…

— А были ли вы каким-либо образом связаны с ним по

службе?

— Как я мог быть с ним связанным?

И тут ему напомнили: перед самым началом войны он написал именно этому полковнику письмо частного порядка. Содержание письма обошло все высшие сферы Варшавы, нашлись и такие, которые это запомнили и сообщили куда следует… Инженер подтвердил — он действительно делился своими личными наблюдениями и делал некоторые выводы. Все это он подробно рассказал. Комиссия выслушала его, и, наконец, председатель, доброжелательно кивнув головой, заявил:

— Все понимаю… Однако факт остается фактом, своим письмом вы подрывали веру во франко-польский союз.

— Я писал одну только правду, что же касается фактов… То ведь факты полностью подтвердили мои предположения, — ответил Георгий. — Сейчас у нас 1941 год, Франция разбита…

— Но в то время вы не могли об этом знать! И отправляя письмо…

— Что же я должен был писать? Ложь? Несоответствие действительному положению вещей? Я ведь очень правдиво описал свои первые впечатления от Парижа!

— Иногда следует быть предусмотрительным на будущее, не выкладывать всего, тем более в письме, — загадочно объявил майор, на этом «решающий» разговор закончился. Так или иначе, но Георгий заметил, что его личность воспринимается без особого энтузиазма. Кроме того, у него сложилось впечатление, что к нему относятся не с каким-либо особым предубеждением, а скорее с напряженным и ревнивым интересом. В конце концов было принято компромиссное решение: Георгия назначили переводчиком и писарем при лагере.

Однако и на этой должности он продержался недолго. Вот как это произошло. В палатку, где он спал вместе с солдатами Офицерского легиона, вбежал запыхавшийся адъютант из комендатуры лагеря.

— Врача! Кажется, среди вас есть хирург! Быстрее! — закричал он.

— Я хирург, в чем дело? — спросил с соседнего матраса щуплый поручик, отнесенный по совершенно непонятным соображениям к саперам. Именно в тот день его как раз наказали «палаточным» арестом за утерю лопатки.

— Очень хорошо! Значит, вы хирург? — спросил адъютант. — Быстро к пану полковнику… Он заболел, страшные боли…

В тот вечер рота саперов отдыхала от своего мучителя. По палаткам ходили слухи о том, что хирург приказал вскипятить огромное количество воды и что он вообще отдает очень

странные приказы. В каком-то из соседних взводов отыскали бывшего студента медицинского факультета, еще где-то — инженера-механика.

— Подготавливает операцию, переделывает перочинные ножи в скальпели, сам делает хирургические нитки, — передавалось из уст в уста.

Поздней ночью измученный до предела хирург ввалился в палатку. Выражение его лица было довольное. Картежники подняли головы.

— Ну как, зарезал старика? — спросил один из них.

— Будет жить… Спас этого прохвоста в самый последний момент, — добродушно ответил маленький «сапер».

Буря грянула на следующий день, когда рядом с лагерем приземлился английский санитарный самолет. Британский хирург не мог прийти в себя от возмущения: по его мнению, оперировать больного в столь ужасных санитарных условиях было просто безумием. Маленькому «саперу» сразу же устроили нечто вроде дознания, а Иванова вызвали в качестве переводчика. Но гнев англичанина улегся сразу же, как только маленький поляк произнес несколько магических латинских слов, а пациент слабым голосом подтвердил, что он сам потребовал произвести операцию.

— Вы взяли на себя огромнейшую ответственность! — заявил бригадир, с восхищением глядя на хирурга в саперском мундире.

— Переведите, пожалуйста, что мне это не впервой, — ответил хирург.

Событие имело далеко идущие последствия. Самолет вылетел в Александрию вместе с больным и врачом, но англичанин при этом справился с записью в своем блокноте и назвал фамилию Иванова. Таким образом, в полет отправился и Георгий Иванов в должности санитара и переводчика.

Уже с первых дней пребывания в лагере Георгий убедился в том, насколько бессмысленно растрачиваются знания и профессиональные навыки в маленьком офицерском кружке, который и на чужбине пытался восстановить свои довоенные привилегии. Энтузиазм и стремление к борьбе здесь использовались для возвращения офицерам их положения, власти, жалованья. Мечтой каждого офицера было попасть в ряды линейной Карпатской бригады. На более низшей ступени существовал так называемый Офицерский легион. Помимо него, была еще и II группа с более низким жалованьем и без каких-либо обязанностей, и, наконец, в Палестине слонялась без дел масса бывших командиров и важных чинов. В подобных условиях одного молодого подхорунжего, который уже после сентября

сражался в партизанском отряде майора Губалы, обвинили во лжи. Парень напрасно доказывал, что уже в партизанах ему было присвоено офицерское звание; отданный под суд, преследуемый грязными инсинуациями, он в конце концов покончил с собой.

Разочарование охватило и Георгия. Теперь уже совсем по-иному прислушивался он к рассуждениям командора Болби, который явно дожидался в Александрии его прилета. Молодому инженеру приходилось, наконец, решить, намерен ли он и далее гнить в лагерном склочном и недоверчивом мирке в качестве нежеланного гостя или же согласиться на самостоятельные рискованные и дерзкие действия против врага.

— Положение создалось такое, что один решительный агент может вершить чудеса… — искушал его Болби. — Вся Греция, несомненно, дожидается нашей инициативы… А мы намереваемся ударить по Германии с тыла, и удар этот должен быть нанесен именно в Греции… Подумайте хорошенько…

— А есть ли там уже какое-нибудь собственное, греческое подполье? — спросил инженер, которому было известно о существовании подпольных организаций в Польше.

— Вне всякого сомнения! — ответил Болби. — Нам известно о попытках объединить движение Сопротивления в подпольную армию освобождения под лозунгом народной демократии. Скорее всего оно должно объединить монархистов и республиканцев и призвать их к общим действиям. Но начинает действовать и другая организация, о которой мы знаем очень мало. Это Народный фронт освобождения, объединяющий левые силы. Следует предполагать, что им руководят коммунисты…

— Скорее это политические дела, а не военные, — заметил Иванов.

— Нет, не только. Мы получаем сигналы о целом ряде мелких группок и организаций с самыми различными программами и целями. Мы, вполне естественно, будем сотрудничать со всеми, кого сможем использовать для общих целей, но вы в качестве нашего агента будете действовать совершенно самостоятельно в глубоком подполье, опираясь в первую очередь на тех, кто был нами оставлен в Греции специально для вас.

Георгий кивнул: самостоятельные действия нравились ему больше, чем сотрудничество с совершенно неизвестными людьми.

— Мы обеспечим вас всем необходимым, — продолжал искушать его Болби. — И со временем, после того как вам удастся выполнить свою балканскую миссию, вы попадете в Польшу… Это ведь только первый этап! Подумайте хорошенько…

Георгий и в самом деле стал все чаще и чаще задумываться. Задания казались ему важными, увлекательными, ведущими к

возможному признанию, кто знает, может, и к славе. Он стал бы поляком, сотрудничающим с движением Сопротивления в Греции! А почему бы и не так? Ведь даже его любимый поэт Байрон прославился тем, что отправился на помощь к греческим патриотам и даже пожертвовал жизнью ради свободы Греции. Байрон был одержим романтическим разочарованием, но поступками его руководил благородный энтузиазм. Кроме того, в исторических источниках имелась уже определенная польско-греческая традиция. Так, например, вспоминали о поляках, которые пали в битве у Петы в Эпире в 1822 году. Тогда там сражался целый польский отряд под командованием некоего Межевского. В греческих хрониках записано также имя Грановского, который с эскадроном улан маршировал в 1821 году во главе маленькой армии греческого князя Ипсиланти; польский эскадрон первым вошел в Бухарест… Что же предстояло предпринять сейчас, когда тот же самый враг грозил уничтожением как польскому, так и греческому народам?.. А если придется погибнуть?.. Но ведь смерть в борьбе не только обязанность, но и высокая честь.

Утром он разыскал командора.

— Ай эм реди, я готов, — заявил он. — Но только одно условие: я не хочу порывать с польской армией. Не могу я отказаться от службы своему народу, своей стране.

— Конечно же! Это совершенно справедливое требование, — похвалил его решение явно обрадованный командор.

Он быстро ознакомил новообращенного с положением дел на фронтах, приведя его в «оперейшн рум» и показав ему карту военных действий. Немецкая колонна, двигавшаяся через Балканы и Грецию, сначала приостановилась на полуострове Матапан, в 100 километрах от Крита. Уже тогда можно было предположить, что остров этот станет целью дальнейших

операций, чтобы иметь возможность еще ближе сомкнуть оба конца страшных клещей. В ходе первой половины мая немецкие люфтваффе бомбардировали порт и залив Суда на Крите, стараясь помешать разгрузочным работам англичан. Со всех греческих аэродромов, спешно приводимых в порядок, в воздух поднимались бесчисленные немецкие и итальянские самолеты и со все возрастающим упорством обрушивались на Крит. Слабые силы британского королевского воздушного флота были просто-напросто выметены с двух аэродромов на Крите, в Малеме и Гераклионе. Втянутый в тяжелые бои египетско-ливийский фронт не мог уже оказывать никакой помощи. 20 мая началась массовая атака немецких парашютистов. Они высаживались под Малемом, под Канией, на полуострове Акротири. К вечеру первого дня десантных операций число высадившихся парашютистов достигло почти десяти тысяч. Как оказалось, одной из главных баз, использованных немцами для наступления на Крит, был, помимо греческих, аэродром на острове Карпатос Додеканесского архипелага. Не помогла и бдительность британского военно-морского флота — с наступлением темноты транспортные самолеты немцев совершали посадки на Крите почти с точностью железнодорожных расписаний, после чего началась новая атака.

…Георгий с интересом приглядывался к большой карте, на которой дежурный офицер морского отдела с невозмутимым спокойствием отмечал места гибели британских кораблей. Правда, итальянский флот был парализован, но к западу от Крита остались затопленными крейсеры «Глостер» и «Фиджи», а к югу — противовоздушный крейсер «Калькутта». Помимо этого, вокруг злополучного острова уже пошли на дно с полдюжины эсминцев. Англичане уже не думали о том, чтобы удержать Крит, речь могла идти в лучшем случае о том, чтобы эвакуировать и спасти хотя бы часть находящихся на острове войск. В начале июня 1941 года война достигла нового критического момента. И только три недели спустя, когда Гитлер ударил на восток, англичане вздохнули спокойнее: главные силы Германии теперь были связаны боями с Красной Армией.

Что же касается военных действий в африканской пустыне, то три отличительных черты определяли ее характер. Во-первых, это была непрерывная битва исключительно между армиями, без разрушения городов, без преследования мирного населения, без гестаповских методов. Во-вторых, итальянцам и немцам здесь противостояла истинная коалиция народов, поскольку одна только 8-я британская армия состояла из английских, австралийских, французских, польских, греческих и чехословацких воинских частей и соединений, а вооружение и

снабжение частично поступало из Соединенных Штатов. Кроме того, война здесь немного походила на войну в безбрежных океанских просторах, где очень часто приходится пользоваться буссолью и редко когда вести бои применительно к местности, чаще всего рассчитывая на быстроту и внезапность. Во время всех этих молниеносных наступлений и не менее молниеносных отрывов от врага противники в значительной степени вынуждены были опираться не только на механизированные колонны, но и на морской транспорт, действующий параллельно береговой линии. Наконец, в период стабилизации на той или иной линии фронта обе стороны лихорадочно стягивали подкрепления в живой силе, бронетанковых войсках и горючем, и тогда Средиземное море и небо над ним превращались в арену ожесточеннейших боев за преобладание на морских и воздушных путях. В зависимости от положения в Северной Африке менялся темп воздушно-морской битвы за Мальту, которая очень мешала снабжению армии Роммеля. И здесь особое значение приобретала разведывательная и подрывная деятельность в Греции, представляющей собою как бы тылы Африканского корпуса, его ближайшую базу в обеспечении живой силой и материалами.

Снабжение итальянских и немецких войск в Северной Африке осуществлялось главным образом через крупные порты — такие, как Палермо в Сицилии, Неаполь и Бриндизи в Италии, а также Пирей и Патры в Греции. Причем из двух последних портов транспорты шли в основном в Бенгази, что в Ливии. Главным заданием Георгия Иванова было оповещение о каждом судне или корабле противника, покидающем Пирей или другой какой греческий порт. Пока что информация поступала кое-как, с опозданиями, ей отводилось второстепенное значение, ей не хватало столь необходимой точности, которая могла бы обеспечить союзникам надлежащее использование своих оперативных сил в воздухе и на море. Командование военно-морских и военно-воздушных сил, как сговорившись, требовало диверсионных акций на территории Греции, но в первую очередь информации о том, когда и куда направляются неприятельские суда из греческих портов.

— Для нас важным являются сведения о передвижении даже малых судов, особенно если из них составляются флотилии. Кроме того, командование интересуют сведения относительно затопленных кораблей, как греческих, так и британских, погибших во время эвакуации с континента и с острова Крит. Некоторые из этих судов, лежащие на небольшой глубине, могли бы быть подняты и отремонтированы. Это особенно касается тех единиц, которые пошли на дно в самих портах или в

непосредственной близости от них. И наконец, не менее важны сведения относительно размещения немецких и итальянских наземных сил, особенно о позициях зенитной артиллерии, а также о перемещениях на аэродромах. И помимо всего этого, — закончил командор Болби, — у вас будет широкое поле для развертывания диверсионной работы… Вы вспоминали здесь о тех трудностях, с которыми столкнулись, попытавшись вступить в польскую бригаду… Так вот, теперь вам предоставляется более широкая возможность — вы сами объявите войну Гитлеру. Что касается необходимых средств, то мы обеспечим вас всем нужным…

Средства, предоставляемые для развертывания широких диверсионных актов, выглядели довольно соблазнительно. В каирском секретном центре Георгию показали целый арсенал. Сначала специалист ознакомил будущего агента № 1 с аппаратом, который он называл «туртл» или «черепаха», видимо из-за внешнего сходства с невинным черепашьим панцирем.

— Это, — пояснил специалист, — на самом деле чрезвычайно сильная бомба с часовым механизмом. Бомба магнитная, а это означает, что она моментально пристает к любому железному или стальному корпусу…

Для того чтобы произвести как можно большее количество подобных «черепах», диверсанту пришлось бы вступить в контакт со слесарными мастерскими и с химической лабораторией, а определенный запас запалов с часовыми механизмами пришлось бы везти с собой.

— А вот здесь, — продолжал «тренер», — вы видите куски так называемого «кардифа», или искусственного угля самой различной формы и величины. Внутри каждого куска находится небольшой, но мощный заряд взрывчатки, способный повредить котел паровоза или корабля…

Интерес слушателя все возрастал, а ему уже демонстрировали куски «мыла». Брошенное в воду, циркулирующую по паропроводам центрального отопления, в паровоз или судовой котел, такое мыло растворялось и благодаря особому составу вызывало избыточное давление, которое быстро и неожиданно переходило допустимый предел; в результате взрыв паропроводов, а иногда и всей системы; обычно же при этом портились или выскакивали из своих гнезд манометры… Под конец специалист по подрывным материалам продемонстрировал особенно интересную вещь, при этом он давал пояснения почти шепотом:

— Теперь уже вам известно, какими средствами можно пользоваться для уничтожения судов и паровых установок на

фабриках и на железной дороге. Но мы в первую очередь заинтересованы в том, чтобы привести в негодность авиацию Роммеля. Пока что мы никак не можем добиться перевеса в воздухе. Крупные партии наиболее современных американских самолетов уже как будто бы находятся в пути, однако путь этот далекий и трудный, а пока в нашей памяти еще ализоватьсвежи события в Греции и на Крите, когда люфтваффе удалось почти полностью пар наши силы… Итак, в подобной ситуации остается один-единственный выход: если мы не можем увеличить мощь своих военно-воздушных сил, следует свести до минимума вражеские силы в воздухе…

Открыв один из ящиков, специалист достал несколько зернышек коричневого цвета, напоминающих зерна кофе. Подбросив их на ладони, он продолжил объяснения:

— Они очень похожи на мелкие фасолины. Зернышки эти состоят из жира, некоторой разновидности смолы и еще одного вещества, запасами которого мы полностью обеспечены. Таким образом, фасолины можно производить на месте, как, впрочем, и большинство тех диверсионных средств, которые я вам уже демонстрировал…

— А что следует делать с фасолинами?

— Их помещают в механизмы с тем, чтобы они попали в машинное масло, то есть в картеры и маслопроводы… В зависимости от поставленной цели… Они обладают тем свойством, что растворяются после подогрева, а когда смесь достигает определенной температуры, разлагают смазочные масла. Другая разновидность этих зерен, пока еще недостаточно опробованная, приводит к засорению проводов… Во всяком случае, это новое и пока еще не известное оружие должно найти себе применение при диверсиях: на крупных производствах, занятых сборкой авиационных моторов…

И тут Георгий припомнил, что в Новом Фалироне под Афинами расположен завод авиационных моторов. Таким образом, его мысли уже были заняты разработкой будущих диверсий. Взвесив все обстоятельства, он был рад принятому решению. При таком техническом оснащении действительно можно творить чудеса…

25 мая Георгия Иванова в большой спешке освободили от несения действительной военной службы и тут же откомандировали в распоряжение англичан «на неопределенный срок». Когда Георгий заикнулся в польском штабе о том, что после выполнения возложенных на него заданий он хотел бы вернуться на польскую службу, ему ответили:

— Это входит также и в наши планы. Мы проектируем установление «радиомоста» с Польшей через балканские страны, поскольку непосредственная связь подводит… В соответствующий момент мы обратимся к вам, и тогда вы, конечно же, перейдете к нам на службу.

Начался период специальной подготовки, помимо усиленных занятий итальянским и сербским языками, поскольку Георгий предвидел, что они могут пригодиться ему в Греции.

— Идешь бороться умом, а не грубой физической силой, — говорили каждому из будущих диверсантов.

— Следует учитывать не только материальные последствия диверсионных действий, но также и их влияние на психику противника и на настроение мирного населения…

— Помни, что, действуя в одиночку, наибольший вред можно принести не диверсионными актами, а сбором точной информации и передачей этих сведений нашей разведке…

— Берегись как огня своих старых друзей и мест, где тебя знают… Ты должен появиться как совершенно чужой и новый человек…

Последнее казалось особенно трудным, поскольку каждый прежде всего рассчитывал на свои старые связи и знакомства.

В качестве личного оружия диверсант получал пистолет и складной инструмент, который заменял нож, но при нажатии пружины превращался в кинжал с достаточно длинным клинком и удобной рукояткой, который можно было использовать не только для рукопашного боя, но и в качестве метательного снаряда. Искусству метать нож учились с большим старанием, чем прочим дисциплинам, занятия разнообразились различными гимнастическими упражнениями, плаваньем, изучением японских приемов борьбы и бокса. Несмотря на жару и усталость, все старательно готовились к будущим действиям, используя каждую минуту для занятий физической подготовкой или для изучения трудной науки разведчика и диверсанта. Георгий был одним из первых во всех спортивных занятиях, требующих физической силы и ловкости, но не отставал он от своих коллег и в таких разделах, как изучение химического состава различных материалов, работа с часовыми механизмами, шифрами и кодами. Здесь пригодились ему полученное образование и студенческая практика. Труднее всего обстояло с радиоделом, но даже и здесь ему помогли занятия у харцеров и морская практика. Очень пригодилось знание иностранных языков, а великолепная память позволяла легко запоминать множество сигналов, адресов, подпольных кличек и названий. Помимо этого «багажа», он должен был взять с собой деньги, радиопередатчик и запас

«фасоли». Второй радиоаппарат, а также «черепах», «мыло» и «кардиф» должна была предоставить агенту № 1 секретная агентура англичан, оставленная в Афинах. Первым опознавательным знаком для агентов должна была служить обыкновенная расческа черного цвета с вмонтированной в нее пилкой для резанья решетки или наручников.

Во время пребывания в Александрии Георгий увидел уже готовую к военным действиям Карпатскую бригаду. Как раз во второй половине августа 1941 года началась морская операция, ставившая своей целью смену измученного тобрукского гарнизона. Вместо бригады австралийцев туда отправляли поляков. Несмотря на страшную жару, Георгий дежурил в порту во время посадки подразделений бригады на палубы миноносцев, под эскортом эсминцев отправлявшихся в короткий, но опасный рейс к «крепости на песке», как между собой называли солдаты Тобрук. Постепенная смена подразделений и отправка полутора тысяч тонн боеприпасов и продовольствия продолжалась около двух недель. Каждое утро можно было ожидать трагических вестей, поскольку на транспорты по дороге нападали подводные лодки противника, а на тобрукский порт совершали налеты итальянские и немецкие воздушные эскадры. Так, во время ночного налета на порт один из британских кораблей затонул, но «карпатцам» все же удалось счастливо высадиться и тут же занять свои позиции. Возвращающиеся из Тобрука австралийцы так описывали свое пребывание там: «Песчаные бури, мухи, вода ужасного вкуса и, наконец, постоянные бомбежки… отсутствие отдыха и развлечений».

Одного только желания принять участие в войне было достаточно, чтобы побудить Георгия к наиболее рискованным действиям. И вот именно теперь он убедился, что, работая в пользу английской разведки и совершая диверсии в Греции, он будет работать и на своих соотечественников. «Мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помешать немцам снабжать Африку», — доказывал Болби. Кроме того, англичане должны были любой ценой сохранить свои коммуникации на Средиземном море. Таким образом, считал Георгий, его разведывательная и подрывная деятельность в Греции становилась службой, направленной непосредственно на пользу польской бригады, и притом службой значительно более опасной для немцев, чем непосредственное пребывание в рядах защитников Тобрука. Теперь он уже не сожалел о принятом решении, более того — он им гордился.

Перед отъездом необходимо было дать отдельным посланцам соответствующие адреса. Для греческих диверсантов этот вопрос

решался сам собой — у каждого из них было достаточно «нор» на Крите или на континенте. Иначе дело обстояло с Георгием, которому совершенно недвусмысленно было запрещено входить в какой-либо контакт с родным домом в Салониках, где его сразу же узнали бы и «дешифровали» соседи, Вообще-то главной ареной деятельности Иванова должны были стать Афины с близлежащими фабриками, военно-морскими и военно-воздушными базами; именно там предстояло ему создать информационную сеть и установить ряд пунктов для ведения радиосвязи.

По этому вопросу командор Болби обратился к уже известному нам подполковнику из польского военного атташата в Афинах. Тот сразу же принял деловой и таинственный вид. Контакт — это мелочь. Он хотел только знать, будет ли в данном случае послан поляк? Убедившись в этом, он кивнул, дальнейших вопросов уже не задавал, а прикрыв глаза, погрузился в долгое раздумье, как бы пытаясь из огромного количества своих агентов подобрать наиболее подходящего. Наконец, подняв глаза на ожидающего ответа англичанина, он спросил:

— Когда?

— В самый кратчайший срок. Осталось утрясти последние детали. Нам необходим хотя бы один соответственный адрес…

— Но когда? — снова спросил подполковник с оттенком нетерпения в голосе. — Я говорю, когда я должен представить этот адрес?

— А прямо сейчас вы не можете?

— Нет. Это будет…

Подполковник зачем-то заглянул в записную книжку, долго прикидывал, производил карандашом какие-то подсчеты и, наконец, пообещал сообщить адрес и опознавательный знак в тот же день вечером. Таким образом, агент № 1 оказался обладателем половины пятидолларовой банкноты и, кстати сказать, уже известного ему адреса пани Марианны Янату. На всякий случай подполковник и словом не заикнулся о врученных женщине ста долларах. «Пускай англичане сами уплатят, — философски решил он. — Кто знает, может, и эта сотня вернется?.. Полька выглядит солидно и вполне порядочно… А в конце концов можно было тогда дать ей меньше или вовсе ничего не давать… Родине следует служить бесплатно…»

К моменту прощания обстановка в Египте несколько разрядилась. Во всяком случае, удачно завершились кампании в Эфиопии и Восточной Африке, в Египет стали поступать пополнения в людях и в современной военной технике, в том числе на нейтральных пока что американских судах прибыли

танки, самолеты, грузовики и бесчисленные ящики с продовольствием. Голое ранее пространство между Александрией и линией фронта теперь просто кишмя кишело различными лагерями, позициями самых различных родов войск, складами и колоннами, передвигающимися в самых различных направлениях. Линия фронта, на которой задержали Роммеля, тянулась от побережья до оазисов Сива и Джарабуб. Генерал Роммель сильно укрепил находящиеся за линией фронта позиции вокруг перешейка Халфайя и порта Эс-Саллум. Командор Болби совершил с агентом № 1 небольшую поездку по пустыне, и тогда Георгий убедился, что линия узкоколейки протянута дальше, в направлении форта Маддален. Заметил он также множество подготовленных в пустыне складов горючего и запасных посадочных площадок. Все это вселяло в него уверенность. Он ехал не с пустыми руками, но с огромным багажом — знакомство с положением, большие надежды, прекрасное знание дела: в памяти у него хранилось множество на первый взгляд незначительных мелочей, которые в ближайшем будущем могли оказаться незаменимыми в таких вопросах, как успех или неудача того или иного предприятия…

Выезжал Георгий один, но рассчитывал найти себе союзников. В качестве резерва среди целого легиона друзей у него был некий Папан — чиновник в маленьком порту Дафни на далеком полуострове Агион-Орос. Вообще «республика монахов» на склонах горы Афон с ее труднодоступными монастырями, бесчисленными укрытиями или пещерами представляла собой, как он слышал, прекрасное убежище для тех англичан, которым удавалось до нее добраться. Однако для Георгия пристанище на горе Афон оставалось крайним средством, на случай ранения или болезни. После удачного завершения своих греческих дел он намеревался двинуться на север, в Польшу.

Позывными агента № 1 был шифр «033 B», именно так должен был вызывать его каирский центр «004». Непосредственная связь с военным министерством в Лондоне должна была вестись на совершенно иной волне, и позывными были буквы «SSO».

VI
МАНЯ ИЗ ВАРШАВЫ

С того самого дня, как два польских офицера поочередно нанесли визиты Марианне Янату, молодая женщина частенько погружалась в длительные раздумья. Полученные поручения она решила выполнить с предельной точностью, не считаясь с вытекающими из этого последствиями. Прежде всего Марианна считала себя полькой и чувствовала солидарность со своим народом. Часто вынимала она и перечитывала письма сестры Тоси из Варшавы, от брата Витека из Мюнхена, от Вацека из Люблина. Правда, все ее близкие пока еще жили, но их уже лишили домов, а хороших жокеев и тренеров превратили в обычных конюхов. Более мрачные известия можно было вычитать между строк: многие из знакомых неожиданно поумирали от какой-то «злокачественной лихорадки». Прежняя Маня Бальцерова догадывалась, о чем шла речь. К тому же из Польши на родину вернулись греческие коммерсанты, принадлежавшие к семьям Кокинакки, Сергиу и Константинос, которые рассказывали об облавах, казнях, массовых убийствах. Сердце Марианны Янату и ранее было на стороне всех тех мужественных людей, которые боролись с немцами, и она всеми силами стремилась помочь им. И вот теперь такой момент настал.

После того как немцы вошли в Афины, молодая женщина сожгла письма от дорогих и близких ей людей и подумала, что, если из Польши будут и впредь поступать подобные же весточки, это может возбудить подозрение полиции. Поэтому она решила каким-нибудь способом дать знать сестре Тосе, чтобы она на какое-то время прекратила переписку. Следовало также уничтожить все сувениры, напоминающие о сердечных отношениях с проезжавшими через Грецию соотечественниками. В печь пошли все снимки с моряками, летчиками, сделанные на новогоднем приеме в посольстве.

Когда Димитриос невредимым вернулся с войны, они в первую же ночь решили изменить адрес. Пусть на улице Бенаки останется только брат мужа, она же, будучи полькой, должна поселиться в каком-то ином месте. В адресном столе постарались, чтобы в картотеке не осталось никаких следов, которые могли бы свидетельствовать о польском происхождении пани Янату. После этого приходилось только дожидаться дальнейшего хода событий.

Жизнь в Афинах, Отрезанных от продовольственных центров Европы, скоро превратилась в сплошной кошмар. Столица Греции

стала самым настоящим адом. Это уже не был город с прочно установившейся жизнью, с оживленной торговлей, с политическими спорами и сплетнями, горячо обсуждаемыми как в многочисленных кафе, так и в домах. Отошло в прошлое радостное возбуждение, вызванное победоносной албанской военной кампанией, теперь уже привыкли к горечи поражения 1941 года. Характер южанина легко воспринимал и славу и трагедию, ибо древняя история приучила их к тому, что триумфы часто сменяются поражениями и наоборот. Греция вместе с Афинами была психологически подготовлена древней и новой историей к переживаниям — трагическим или великолепным, но всегда великим.

Сначала в городе свирепствовала страшная жажда, за ней пришел голод. Из-за отсутствия воды пыль покрыла город, страшный смрад стоял не только в кварталах бедняков, но уже добирался и до зажиточных районов города. Огромные очереди за хлебом и оливковым маслом отнимали большую часть времени у растерянных матерей. Дело доходило до голодных волнений, после которых на улице стоял запах от быстро разлагающихся на солнце трупов. Огромное количество нищих и вооруженных патрулей, усталость, страх, цены, поднятые до астрономических высот, безнадежное отчаяние родителей, видящих, как их дети пухнут и гибнут от голода, — такова была афинская действительность 1941 года, и некуда было от нее деться…

Все это Марианна Янату рассказывала своему гостю — а им был агент № 1 — спокойным, почти монотонным голосом. Георгий слушал страшный рассказ со все более возрастающим возмущением и мысленно повторял себе — уже в который раз! — что он правильно поступил, прибыв сюда для отмщения.

А Маня, как ее называла пани Бальцерова, продолжала говорить:

— Голод с самого начала оккупации принял столь широкие масштабы, что встал вопрос о полном вымирании народа. Красный Крест не имел молока и лекарств даже для детей. Было принято решение выбирать в отдельных семьях самого здорового ребенка и только этим отобранным малышам выдавать скупые продовольственные пайки. Поэтому в семьях бедняков можно было наблюдать страшную по своей несправедливости картину — один здоровый и сытый ребенок среди остальных гибнущих от голода детей… За первые полгода оккупации в Афинах умерло от голода более сорока тысяч человек. Поговаривали о том, что предпочтение следует отдавать девочкам, которые, если только их удастся спасти от гибели, смогут стать матерями и дадут народу новое поколение…

При столь отчаянном положении даже наиболее спокойные и осмотрительные сторонники нейтралитета и подголоски нового греческого марионеточного правительства отказались от призывов к мирному выжиданию, и горы стали принимать все новые и новые контингента сражающихся.

Независимо от того, что происходило в Афинах и на Пелопоннесе, страшные вести доходили также и с Крита. Случилось однажды, что мальчишки одной деревеньки играли и перевернули небольшие крестики, установленные на могилах погибших немецких парашютистов. Месть захватчиков острова за «осквернение» могил была страшной. В ближайшем селении они отобрали двадцать человек мужчин самых различных возрастов и повели их на расстрел, на место казни привели также и семьи обреченных. Матерям, женам, сестрам и детям приказано было наблюдать за ходом экзекуции. Этот ужасный спектакль длился долго, поскольку палачи не приступали к делу до тех пор, пока не прекратятся стенания и крики родственников. Женщинам, которые пытались закрыть глаза руками, чтобы не видеть пыток и издевательств, гитлеровские палачи приказывали стоять по стойке смирно, плачущих детей били плетьми, старушек подымали с колен пинками. Наконец, выведенные из себя всем этим зрелищем, обреченные бросились на своих палачей с голыми руками, пытаясь перебить немцев и убежать. Началась беспорядочная стрельба, после которой в приготовленные ямы бросили трупы, а заодно и нескольких уцелевших, которые были закопаны живьем.

Воспитанные на примерах истории и философски настроенные греки не только возмущались, но и просто недоумевали столь быстрому и неожиданному преображению своих лучших туристов, художников и ученых в стадо диких, тупых и бешеных палачей…

И такой террор царил на всей оккупированной греческой территории. О Салониках пани Марианна рассказала, что в гористых окрестностях Салоник, так же как и в Аттике и Морее, формируются отряды партизан. О них доносили, например, из Галатаса, куда Георгий ездил на велосипеде во время итальянской войны, из Эдессы, где он мальчишкой спас из пропасти своего младшего брата, даже из соседней с Салониками деревеньки Арсакли.

— А что с матерью, с братьями? Не было ли от них какой-нибудь весточки? — допытывался гость.

Он узнал, что мать его пытается понемногу помогать оставшимся в Македонии полякам. Кроме того, навещают ее и поляки, загнанные в немецкие рабочие батальоны.

— Ага, — добавила, наконец, пани Янату. — Кажется, немцы переселили всю вашу семью в соседний дом на той же самой улице. А «Леонардию» арестовали, но иногда позволяют вашему брату ею пользоваться.

— А как вообще люди здесь, пали духом? — спросил пришелец.

Из рассказов хозяйки выходило, что, несмотря на террор, греки духом не пали. Доказательством тому могло служить, например, появление греческого флага на Акрополе. Немцам так и не удалось найти дерзкого смельчака, совершившего этот подвиг[2]. Об этом свидетельствуют многочисленные мелкие партизанские отряды в горах, бесчисленные анекдоты, кружащие по Афинам, и, наконец, различные дерзкие выходки по отношению к оккупантам. Греки забавлялись за немецкий счет, и счет этот зачастую оказывался немалым. От Патр до Салоник охотно повторяли различные подробности некоторых проделок, которые наносили захватчикам немалый ущерб, а авторам — славу и доход. Одним из таких распространенных приемов был спектакль «с папироской».

Нужно было только высмотреть какой-нибудь немецкий грузовик, до предела нагруженный продуктами, например хлебом или оливковым маслом. Затем следовало дождаться, когда этот грузовик остановится в заранее намеченном месте, где уже проведена соответствующая подготовительная работа. Затем к фарам автомобиля подходил пошатывающийся пьяный, вытаскивал папиросу, и начинался увлекательный для немцев спектакль — пьяный пытался прикурить от лампочки в фаре. Шофер и солдаты охраны хохотали над простаком греком, а потом, выйдя из машины, окружали его плотным кольцом и с хохотом помогали ему «прикурить». Наконец наиболее великодушный из представителей «высшей расы» вытаскивал зажигалку и предлагал огонь, но грек с маниакальным упорством продолжал тыкать папиросой в фару и, конечно же, безрезультатно. Смеху и рассуждениям относительно «варварства и темноты» греков не было конца. Насмеявшись досыта, немцы, наконец, давали пьянице прикурить и рассаживались по местам, чтобы продолжать путь. Тем временем весь груз автомобиля совершенно непонятным для оккупантов образом исчезал из-под брезентового верха. Когда же они пытались поймать подозрительного идиота, тот обычно успевал скрыться. Этот прием без каких-либо изменений применялся по отношению ко всем новым прибывающим в Грецию частям.

Рассказывая все это, хозяйка дома накрывала на стол. Пока она не спрашивала, откуда и зачем появился в доме гость.

Подобного визита она дожидалась уже давно.

Она была уверена, что Иванов прибыл к ней по поручению польской разведки. Кроме того, она относилась к нему с доверием. Когда Георгий уже успел поужинать, она, наконец, не выдержала:

— Готова держать пари, пан Георгий, что у вас в кармане имеется некая разорванная банкнота, не так ли?

Георгий подтвердил ее догадку и, вытащив бумажник, принялся в нем копаться.

— Значит, вы и об этом знаете? — улыбаясь, спросил он.

— Знаю, ведь вторая половинка у меня, — ответила она.

Вытащив свою часть банкноты, пани Янату приложила ее к поданной Георгием.

— Это не от той банкноты, — пояснил Георгий, сложив обе части.

— То есть как это не от той? — испуганно воскликнула она.

— Эта была разорвана только сегодня… Но ничего страшного…

Боясь, что проговорилась, Марианна испуганно замолчала. «Вот тебе и раз!» — подумала она. Тогда, видя ее смущение, Георгий разыскал еще одну половинку и приложил ее к банкноте. Теперь обе части идеально подходили друг к другу.

— Вчера вечером я еще был в пути, — пояснил он наконец.

Марианна кивнула и вздохнула с явным облегчением:

— Я догадывалась… Вам, видимо, нужна квартира?

— Конечно… Пока хотя бы временная, потому что мне совсем некуда деваться… Но предупреждаю, игра серьезная… Возможно, и смертельная…

— Я знаю, — ответила женщина. — И мой муж тоже в курсе дел. Вы его когда-нибудь видели?

— Кажется, один-единственный раз издалека, он был с вами… Еще перед войной.

— В таком случае, — решила она, — будет лучше, если мы ему не скажем, кто вы… Пускай думает, что поляк или англичанин, который остался в Греции и вынужден скрываться… Он так будет меньше беспокоиться за себя и за меня, потому что за укрывание пленных наказание здесь мягче, чем за помощь агентам…

Так началась новая жизнь Георгия Иванова. Димитриос Янатос, вернувшись домой, помрачнел, когда ему объяснили ситуацию, но предложил гостю выкупаться, позаботился о том, чтобы привести в порядок его внешний вид, выделил ему угол в квартире и даже слегка дрожащими руками налил ему рюмку коньяку. Зато пани Марианна была совершенно спокойна и даже

обрадована сознанием того, что вот она, простая скромная женщина, может оказаться полезной в гигантской борьбе, которую мир вел с фашизмом.

Расположившись у Димитриоса Янатоса, Георгий на следующий же день познакомился с его братом, врачом Костасом. Братья были очень похожи друг на друга: оба сухощавые, черноглазые, темноволосые, только Димитриос выделялся правильными чертами лица, а Костас — большей элегантностью и светскими манерами.

Разобравшись что к чему, врач сказал:

— Вы здесь жить не можете… У немцев поставлены на учет все проживающие здесь поляки, и о польском происхождении моей родственницы они могут легко догадаться… Необходимо соблюдать величайшую осторожность… Я сразу же забираю вас к себе…

Вторая афинская квартира Георгия оказалась идеальным убежищем. К врачу приходило много пациентов, поэтому чужой человек здесь не вызывал любопытства соседей. Кроме того, в случае немецкого обыска эмиссар из своей комнаты мог выбраться на террасу, оттуда — на крыши соседних домов, а там уже нетрудно было выскочить и на улицу.

А вот с получением соответствующим образом оформленных документов дело обстояло сложнее. Встретив пару дней спустя капитана Абадиса, Георгий еще раз убедился, что полученные от англичан бумаги имеют существенные неточности. И только маленькая, но безупречно налаженная подпольная организация, объединяющая греческих офицеров, обеспечила их великолепными удостоверениями личности. Выбрали новое, более безопасное место для встреч, чем старое кафе на людной площади. Встречи теперь происходили у здания школы Берзан неподалеку от Марсова поля. Теперь мнимый Николаос Тсеноглу, уроженец острова Крит, и Александров как называл себя Абадис, решили достать из тайника свои вещи и оружие, но главной их целью был радиопередатчик.

Обеспеченные документами, они теперь смело передвигались там, где раньше приходилось пробираться тайком. Место под сосенками оказалось нетронутым. Убедившись в этом, они вернулись в Афины за корзинами и мешками, после чего каждый из них самостоятельно отрыл свои вещи.

— Все в порядке, — сообщил Георгий.

Это была их последняя встреча. Крепко пожав друг другу руки, они разошлись каждый по своему делу. Только изредка, зашифровывая и передавая в Египет особенно интересные тексты, относящиеся к использованию противником технических новинок

в морском деле, Георгий вспоминал милого, хотя и несколько хвастливого товарища своих первых дней, считая, что авторство передаваемого текста принадлежит именно ему. Однако на этот счет не было стопроцентной уверенности, поскольку вся Греция оказалась буквально наводненной агентами, из которых каждый старался внести свою лепту в общее дело. Координация всех этих усилий, направление их в одно общее русло и использование получаемых данных как раз и входило в задачи агента № 1.

…Прошло еще несколько дней, в течение которых соответствующее оборудование, радиостанция и оружие были выкопаны и припрятаны в Афинах, а часть привезенных денег передана по назначению. Начали поступать и информационные материалы. По совету Марианны и ее мужа, которого теперь уже полностью посвятили в тайну, передатчик временно установили в подвале домика, владельцы которого выехали перед самым приходом немцев. О том, что ключи от помещения были оставлены Янатосам, никто не знал; кроме того, имелся еще и запасный вход со стороны подвалов магазина, с запущенной и почти не используемой лестничной клетки. Массивный пыльный замок, привешенный на дверь, красноречиво свидетельствовал о том, что помещение давно заброшено. Электричество подключили воровским способом от общей сети. С уехавшим хозяином дома не возникло бы никаких затруднений, если бы он вернулся, поскольку дом принадлежал родственникам Янатосов и братья им распоряжались. В связи с этим было решено, что предусмотрительнее было бы поселить инженера не у кого-либо из братьев, а где-нибудь в ином месте; собственно говоря, для Георгия следовало бы подготовить целый ряд конспиративных квартир — частые смены ночлегов затруднили бы наблюдение за ним со стороны соседей. И наконец, были сделаны первые шаги в области разведки — сводки для центра «004» передавались регулярно, в них содержались в первую очередь сведения о движении в порту Пирее и соседних военно-морских базах, а также отдельные сведения о немецких аэродромах.

Агент № 1 работал совершенно самостоятельно, а если и получал информацию со стороны, то никогда не мог с уверенностью сказать, имеет ли он дело с одним человеком или же сотрудничает с какой-то организацией или группой. Об этом старались говорить как можно меньше.

Офицеры греческого военно-морского флота, с которыми вначале связался Георгий, состояли в кружках ЭДЭС[3]. Далее он связался со студентами, портовыми рабочими и грузчиками, среди которых находились сочувствовавшие или члены греческой коммунистической и социалистической партий, объединенные в

организацию под названием ЭАМ[4]. Организация эта готовилась не только к диверсионным актам, но и к самым настоящим военным действиям, переход к которым должен был произойти в соответствующий момент. Много было и других групп и организаций, тщательно скрытых в глубоком подполье от агентов немецкой и итальянской разведок.

Население несчастной страны, зажатой в тисках голода и страха, искушаемое и деморализуемое оккупантами и одновременно с этим таящее надежды на перемены, было подвержено изменчивым настроениям, но рано или поздно перед

каждым из греков вставал вопрос: с немцами ли он или против них? А если он против немцев, то с кем ему идти и как далеко…

Немецкая и итальянская разведки особое внимание обращали не только на разведку противника, но и на предполагаемых членов левых партий — крестьянской, социалистической и коммунистической, видя в них самых упорных врагов нового режима и применяя к ним самые жестокие репрессии. Смертные приговоры, особенно коммунистам, следовали один за другим…

Через несколько дней после начала своей работы инженер вторично переменил жилье. Теперь его временно поселили у Апостолидиса, двенадцать лет работавшего с Димитриосом Янатосом. Апостолидис жил на рабочей окраине Пирея рядом с большой пивоварней, где новое лицо не могло вызвать любопытства у посторонних. В толпе рабочих, грузчиков и мелких торговцев агент № 1 чувствовал себя в полнейшей безопасности, а если чего и опасался, так это неожиданной встречи с кем-нибудь из старых знакомых. И вот это-то как раз и произошло. Георгий под вечер возвращался домой, как вдруг почувствовал, что кто-то схватил его за руку. Обернувшись, он увидел Пандоса.

…О друге детских и юношеских лет Георгий не раз думал и даже связывал с ним некоторые свои надежды. Ведь Тинос был необычайно изворотливым человеком, любил деньги, из него бы вышел великолепный платный информатор, а агент № 1 имел в своем распоряжении значительные суммы. Следовало предполагать, что уж кого-кого, но своего школьного товарища и многолетнего приятеля Тинос не предаст. Еще на пути в Грецию Георгий допускал, что, если не выйдет с адресом у Янатосов, у него в запасе останется возможность постучаться к Тиносу, адрес которого он хорошо помнил. Однако позднее предусмотрительность победила, и контакт с приятелем был отложен до того момента, когда о нем можно будет собрать дополнительные сведения. Увы, слепой случай рассудил иначе, и вот он стоял лицом к лицу с человеком ловким и чересчур сообразительным, который видел его весною все в том же Пирее, когда Георгий под немецкими бомбами поднимался на палубу судна. В подобных обстоятельствах скрывать свою роль было просто ни к чему, да и как ее скроешь?..

— Я знал, что ты вернешься, — говорил тем временем обрадованный Пандос. — Такие люди, как ты, всегда и везде только и ищут случая пожертвовать собой или по крайней мере заполучить хорошую шишку… Я уже тогда подумал, что англичане не преминут тебя использовать. Послушай, раз мы уж с тобой встретились, то должен тебе сказать, что итальянцы и немцы как раз разыскивают каких-то агентов, которые, как видно,

были засланы из Египта или Палестины… Я об этом знаю, потому что ведь нужно как-то зарабатывать на хлеб, вот я в последнее время и покупаю у немцев и итальянцев что придется из продуктов — хлеб, масло, тушенку… Заработок неплохой, продукты все рвут с руками… А тут еще итальянцы, конечно же офицеры, так и мечтают привезти какие-нибудь трофеи из Греции. Представь себе, что платят большие деньги за обыкновенный греческий штык или орден… Немцы другое дело — этих в первую очередь интересуют раскопки, куски старых ваз или осколки скульптур. Ну, вот я всем этим понемногу и занимаюсь… Погляди, какой отличный костюм справил…

Из дальнейших рассказов Тиноса следовало, что он является информатором и чем-то вроде проводника для отдельных, ловко облапошенных оккупационных солдат, но это еще вовсе не означало, что он опустился до шпионской деятельности или, упаси бог, стал провокатором. Искренность, с которой он все это выкладывал Георгию, ухватив его под руку, исключала мысль о двуличии. С другой стороны, Георгий хорошо помнил о дьявольской хитрости и изворотливости приятеля, который нередко разыгрывал перед ним целые спектакли, бравируя своими актерскими способностями. Да и сейчас, приветствуя своего Ирека, он демонстративно заключил его в объятия и поцеловал при этом. Нет, не может он быть иудой, если даже и состоит в каких-то связях с оккупантами…

Немного растерявшись от наплыва всех этих противоречивых мыслей, Георгий дошел до дома, в котором жил Апостолидис, и здесь друзья расстались, договорившись встретиться через пару дней в доме у Пандоса в районе Неа-Змирни на улице Эвдамандос, 20, рядом с фабрикой Форда.

Решение пришло только на следующее утро. Оно было продиктовано трезвыми соображениями рассудка. Правда, Георгий был уверен, что Пандосу можно доверять, однако разведывательная школа в Каире наложила на него свой отпечаток, а данные ему инструкции гласили совершенно недвусмысленно: в случае, если придется столкнуться со старыми знакомыми, хотя бы и самыми надежными, следует тщательнейшим образом замести следы. Поэтому на следующее утро Георгий выходил из дома Апостолидиса с вещами, уничтожив все следы своего пребывания там. И вот вечером, когда он, целый день провозившись со сбором, шифровкой и передачей разведывательных данных, снова постучался в двери Янатосов, ему тут же рассказали, что произошли очень неприятные события. Янатос, который этим утром хотел навестить Георгия, встретил подле дома Апостолидиса каких-то

подозрительных типов, а сам Апостолидис почему-то не явился на работу. Все это могло оказаться игрой воображения, однако тем не менее следовало забраться в подвал с радиопередатчиком и провести там ночь взаперти, мирясь с неудобствами. Пару следующих дней Иванова не было в Афинах — он наблюдал за ранее высмотренными военными объектами, а когда вернулся, усталый, перепачканный и мечтающий о постели, дело приняло и совсем уж неприятный оборот.

Как оказалось, через несколько часов после того, как Георгий покинул квартиру Апостолидиса, весь дом был окружен немцами и греческой полицией. Обыскивали квартиру за квартирой. Апостолидис в это время сидел за обеденным столом, когда с парадного и черного входов в его квартиру ворвались вооруженные автоматами немцы.

— Кто здесь живет? — выкрикнул один из них.

— Никого чужого. Здесь, видимо, какая-то ошибка, — ответил перепуганный хозяин.

Тем временем гестаповец вытащил из кармана фотографию Георгия Иванова и поднес ее к глазам Апостолидиса.

— Знаешь его? — спросил он.

— Нет… А кто это?

— Неужели ты никогда его не видел?

Апостолидис взял в руки фотографию, внимательно пригляделся к ней.

— Нет, никогда, — твердо ответил он, все еще не отрывая взгляда от фотографии.

Его все же забрали и продержали в гестапо несколько дней, а когда, наконец, выпустили, это уже был перепуганный до смерти человек, полуагент гестапо.

Таким образом, немцы узнали о пребывании Георгия Иванова в Греции, откуда-то им удалось даже заполучить и его фотографию. Трудно было поверить в предательство Пандоса, но кто же еще мог снабдить немцев фотографией? Перепуганный Апостолидис явился, наконец, на работу, но о фотографии ничего не мог толком сказать, кроме того, что Иванов на ней был очень похож на себя, только чуточку помоложе и сфотографирован при этом в фетровой шляпе…

Нужно было искать другое пристанище. Новую безопасную квартиру для Георгия начал подыскивать доктор Костас Янатос. Он отправился к Михаилу Папазоглу, владельцу туристского бюро и известному в Афинах деятелю туризма. Квартира самого Папазоглу, расположенная в центре города и часто посещаемая знакомыми и клиентами, плохо подходила для убежища. И тот, в свою очередь, отправился к своему другу Никосу Лабринопулосу,

бывшему офицеру греческой полиции, который теперь был служащим в банке. Лабринопулос среди оккупантов пользовался доверием. Это был нервный сухощавый человек, умный и осторожный.

— Нико, — сказал ему Папазоглу, — с Ближнего Востока прибыл один человек, хороший знакомый братьев Янатос. Нужно его как-то укрыть…

— Не имею ничего против, — согласился Лабринопулос, — но только нужно проверить, что это за человек… Возможно, он служит у немцев и выдаст нас в их руки?

Услышав о злоключениях Иванова, бывший полицейский добавил:

— Что же это получается? Человек в Афинах всего несколько дней — и его уже предали? Что-то не нравится мне вся эта история…

Он недоверчиво покачал головой, но, поскольку ничего нельзя было поделать, Георгия временно пристроили у кого-то из знакомых в доме. Сведения, которые удалось о нем собрать по секрету от Янатосов, были самые успокаивающие. Об Иванове еще помнили в спортивных кругах, нашлись и люди, знавшие его семью, и, наконец, кое-кто из греков, принадлежащих к подпольным организациям, подтвердил, что их товарищи, совершая рейс на подводной лодке, действительно ехали вместе с человеком, внешность которого сходилась с описываемой. Кроме того, и сам Папазоглу однажды помогал Георгию во время сеанса по радио, а Лабринопулос, все еще не освободившийся от подозрений, полностью успокоился лишь тогда, когда Никос Брусали, известный спортивный деятель, сказал ему:

— Ты об Иванове спрашиваешь? Так это же лучший спортсмен Греции, золотой парень!

Теперь нужно было решать, каким же образом было раскрыто появление Иванова.

— Мы рискуем жизнью, — говорили между собой Янатосы, Папазоглу и Лабринопулос. — Поэтому необходимо установить, с кем, кроме нас, входил в контакт эмиссар.

И тут Георгий вскользь упомянул о своей встрече с Тиносом Пандосом.

— Но, — тут же оговорился он, — я не допускаю даже и мысли о том, что он мог меня предать. Мы дружим с самого детства. Это значило бы окончательно потерять веру в человека… Уверяю вас, что любые ваши подозрения не дадут никаких результатов.

Однако греки, великие знатоки характеров и путаных путей человеческих, люди подозрительные. Переглянувшись, они

начали задавать Георгию различные вопросы. На это Георгий тоже ответил вопросом.

— Есть ли у вас брат? — спросил он Лабринопулоса.

— Есть, — ответил тот.

— Мог бы он вас предать?

— Мой брат Панделис? Конечно же, нет.

— То же самое я должен сказать и о Тиносе. Ведь это не просто приятель, он был мне почти братом. Пару раз мне удавалось выручать его из больших передряг, однажды я даже спас его, когда он тонул…

Лабринопулос сделал вид, что успокоился, но, будучи офицером полиции, целиком не избавился от подозрений и попросил сообщить ему адрес Пандоса. Инженер указал ему адрес, но тут же добавил:

— Вы не застанете его дома. Тинос поехал в Салоники. Он отправился туда, чтобы сообщить обо мне моей матери.

Прошел еще день, и Лабринопулос, посоветовавшись с Папазоглу, решил проверить, действительно ли Пандос живет по указанному адресу. На Неа-Змирни они отправились втроем — два брата Лабринопулоса и Папазоглу. Один из них должен был постучаться в квартиру, а остальные ждать в стороне. В случае, если бы Пандос оказался дома, что было бы уже довольно неправдоподобно, они договорились, что скажут ему, будто бы разыскивают какого-то другого Пандоса, биржевого маклера.

…Дверь открыла пожилая женщина. На вопрос о жильце она ответила:

— В это время его никогда не бывает дома, он всегда выезжает в город.

— А как зовут этого Пандоса, который здесь живет? Потому что нам нужен тот Пандос, который работает на бирже.

— Константинос, Костас Пандос. А где он работает, не могу сказать. Приезжайте в обед и тогда наверняка застанете его, он говорил утром, что приедет к обеду.

Результат этого визита встревожил друзей Иванова. Получалось, что Пандос лгал и вовсе не ездил в Салоники. Недоверчивый Лабринопулос понял это так: предатель сидит на месте в Афинах и дожидается результатов своего подлого доклада.

— Нет, Тинос не мог меня предать, — упрямился Георгий, когда ему обо всем рассказали.

В конце концов решили, что, может, Георгий и прав, но на всякий случай посоветовали ему соблюдать крайнюю осторожность и никого не наводить на следы, ведущие к домам, в которых он будет скрываться.

Тем временем в кладовке пани Марианны Янату постепенно громоздились весьма странные припасы. Инженер наладил связь с каким-то таинственным англичанином, который был известен в Каире под кличкой Чарли. Посланцы этого офицера появлялись в условленных местах и вручали агенту № 1 пакеты разной величины. Затем двенадцатилетняя кузина Янатосов брала у инженера эти передачи, клала их в корзинку, прикрывала овощами и несла все к тете с дядей. Девочка, недавно потерявшая родителей, жила у родственников, помогая им по хозяйству. Лучшего связного трудно было бы и придумать. Сообразительная, смелая и решительная, Эли прекрасно понимала подлинный смысл своих прогулок.

Марианна Янату по вечерам наводила порядок в своей маленькой кладовке. Она уже прекрасно знала, для чего служит «сапуни» или «мыло»; «карвуна» или «кардифский уголь»; «фасоль» и, наконец, столь невинные на вид черепашьи панцири. По-гречески их назвали «хелона».

VII
ПЕРВЫЕ ШАГИ

Требование каирских инструкторов избегать прежних знакомых было просто-напросто невыполнимым, также неприемлемой оказалась и их теория относительно самостоятельности в диверсионных актах. В одиночку можно было обдумывать планы будущих действий, но на практике разведывательная и диверсионная работа требовала множества исполнителей. Агент № 1, естественно, подыскивал их среди греческих патриотов, которые уже были объединены в подпольные организации и кружки. Так, например, братья Янатос принадлежали к ОАГ, шеф которой, бывший майор Боботинос, был посвящен в тайну, однако настоящей фамилии Георгия он не знал. Пациент доктора Янатоса, спортивный деятель Михаил Папазоглу, также состоял в ОАГ, тогда как бывшие офицеры полиции, с которыми познакомили Георгия, состояли совсем в другой секретной группе; отдельный отряд составляли также и бывшие офицеры военно-морского флота; были еще тайные организации студенческой молодежи и спортсменов, рабочие коммунистические группы. В горах и в провинции наиболее многочисленными в системе греческого Сопротивления были группы или даже целые отряды левых ЭАМ — ЭЛАС, революционные по своему духу и выступающие против греческого эмигрантского правительства в Каире и против марионеточного в Афинах. Всех их сейчас объединяла общая задача — изгнание захватчиков.

Постепенно начиная разбираться в составе движения Сопротивления, Георгий смог насчитать целый ряд мелких подпольных организаций и групп. Действовали они пока что довольно хаотически и борьбу с оккупантами поначалу понимали как чисто партизанские действия, недооценивая значения разведывательной работы. Диверсионную деятельность тоже следовало бы вести более целенаправленно, в зависимости от потребностей войны, а не ради одной только демонстрации. Все это Иванову приходилось объяснять руководителям многих подпольных групп. Георгия в первую очередь интересовали поставляемые разведывательные материалы, он же взял на себя роль посредника между ними и центром «004», стараясь направлять их деятельность таким образом, чтобы отдельные группы специализировались на определенных формах сбора разведданных и диверсий. Легче всего было получить сведения о

морском и железнодорожном транспорте, немного труднее обстояло дело со сбором данных промышленного характера; еще труднее было получать информацию с аэродромов, и уже почти никаких сведений не поступало из Арсенала в Саламине и с далеких военно-морских и военно-воздушных баз, расположенных на островах. В глубокой тайне хранились расположения штаб-квартир итальянской и немецкой контрразведок.

И все-таки стало известно, что адмирал Канарис, глава абвера, именно в Афинах обосновал свой центр, работающий на очень обширной территории — от афганских границ до западных и южных берегов Африки. В задачи этой огромной и хорошо оснащенной сети агентов входило разжигание антианглийского движения в Иране, Ираке и других странах Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, немцы стремились парализовать английское влияние в Турции, вызвать брожение в Египте и, наконец, поддержать сепаратистские настроения во всех английских владениях, особое внимание уделяя при этом Южной Африке, где и помимо их стараний была серьезная оппозиция Лондону. Влияние афинского центра достигало далекой Индии, Китая, причем для англичан самой настоящей загадкой оставалась быстрота и точность, с которой немецкая информация и распоряжения распространялись на такой огромной территории.

Афинский центр адмирала Канариса, вполне естественно, не входил в сферу интересов Иванова поскольку ему были поручены действия чисто военного характера, а никак не политические, тем не менее он не мог не знать о работающей в одной с ним стране крупной организации гитлеровской контрразведки уже хотя бы потому, что ему из-за этого приходилось соблюдать крайнюю осторожность.

Что же касается потенциальных помощников, то положение с ними в Афинах было довольно своеобразным. Союзники и сочувствующие находились буквально всюду, даже в самом ближайшем окружении министров марионеточного правительства, навязанного гитлеровцами Греции. Да что там! — даже в дирекции сотрудничающей с немцами греческой полиции. С другой стороны, подобное положение таило в себе большую опасность, ибо в такой же прогрессии могло возрасти число колеблющихся, готовых превратиться в самых настоящих предателей и провокаторов. Все сходились на том, что целиком и полностью можно положиться только на митрополита Дамаскиноса, который как бы олицетворял собой греческий патриотизм, резко выступая против захватчиков.

Митрополит Дамаскинос, гигант двухметрового роста, уже давно завоевал всеобщее уважение. Он выступал против

греческой королевской династии и против довоенного фашистского диктатора Метаксаса, в результате чего ему пришлось эмигрировать. На родину он вернулся только после того, как итальянцы развязали албанскую войну, и с того времени поддерживал в греческом народе дух сопротивления и борьбы.

Как правило, в окружении Дамаскиноса и с его ведома скрывались оставленные англичанами агенты. Георгий подозревал, что именно там и нашел себе приют таинственный Чарли вместе с запасами «черепах», «кардифа», «мыла», динамита и грозных «фасолин».

Все эти средства необходимо было «обкатать». Первым экзамену был подвергнут «кардиф». Рекомендованный директором Папазоглу юноша, член одной из спортивных команд, без особого труда подбросил кусок «угля» в тендер поезда, идущего в западном направлении. На этой чисто туристской линии, называемой Пелопоннесской железной дорогой, царили патриархальные порядки, ничем не отличающиеся от довоенных. Поэтому никто не обратил внимания на снующих подле паровоза молодых людей. Агент № 1 решил ехать этим же поездом, чтобы лично убедиться в действии «карвуны», но далеко он не заехал. Не успели еще выбраться за городскую черту, как поезд остановился и у паровоза раздались испуганные крики, моментально собравшие целую толпу зевак. Вместе с заинтригованными пассажирами инженер подошел к паровозу. Там что-то выкрикивал взбудораженный машинист. Сквозь копоть на лице можно было заметить, как он побледнел от страха.

— Смерти нашей хотят! — кричал он. — Я ведь давно говорил, что топка никуда не годится, что каждый день может случиться несчастье… Но они ведь глухие и слепые… Им бы только выжать все из машины… Конец рейсу!

Не подвел и кусок «сапуны», или — иначе — «мыла». Его подбросили в паровой котел, обслуживающий местный санаторий. Как и обещал каирский специалист, в первую очередь вылетели из своих гнезд манометры, а потом все здание заполнилось паром. Центральное отопление и прачечная перестали работать, немецким гостям пришлось выехать в другое место. Инженер решил, что оба испытания прошли удачно.

Георгий уже не сомневался в действенности остальных средств, откладывая проверку «хелоны» и «фасоли» для более тщательно подобранных объектов. Каждая из «черепах» должна была потопить судно или военный корабль, каждое зернышко «фасоли» было предназначено для уничтожения авиационного мотора. Однако пробраться самому или направить кого-либо из надежных людей на военно-морскую базу или на авиазавод в

Новом Фалироне было делом нелегким и требовало времени и хлопот. И тут без каких-либо препятствий удалось снабдить кусками «кардифа» пару ребят из руководимой Папазоглу футбольной команды, носящей название «Эндека» — «Одиннадцать», которая ездила на матчи с немцами на военно-морскую базу в Саламине. Вратарь команды ухитрился провезти «уголь» внутри запасного мяча; уже на базе куски «кардифа» были брошены на наполненную углем баржу. Теперь только оставалось ждать, какому же из судов предстоит проглотить адскую штучку. Видимо, баржа снабжала углем стоящий поблизости тральщик «Фон Крамп» или пароход, курсирующий между заливом Элефсис и Критом, куда он перевозил немецких парашютистов.

Одним из первых заданий было подробное обозначение огневых позиций немецких противовоздушных артиллерийских батарей вокруг Афин, в порту Пирее, в окрестностях Марафона и на острове Саламин. Задание не относилось к числу трудных. Любой греческий мальчишка с радостью сообщал о замеченных им позициях будь то за стеною Фемистокла или на востоке — среди могил англо-французского кладбища 1854—1856 годов, или же в центре полуострова — подле морского семафора и на прилегающем взгорье. Так же без особого труда Георгий мог передавать сведения о стоянках военных кораблей в Коринфском заливе и в заливе Элефсис, а также дислокацию угольных складов или срочно отстроенных немцами бензо- и нефтехранилищ. Удалось наладить постоянное наблюдение и за аэродромами.

Центр «004» жадно впитывал все эти донесения. Однажды Георгий, в свою очередь, спросил о своих соотечественниках в Тобруке. Ему ответили, что держатся они там великолепно, но зато уже погиб миноносец «Латона» и линкор «Бархэм», на которых «карпатцы» проделали свой рейс. Вообще, война на море к осени 1941 года особенно обострилась, в Александрии все чаще и чаще прибывали поврежденные корабли, а о некоторых в Афинах говорили как о вовсе потопленных. Коммуникациям между Мальтой и Александрией угрожала серьезная опасность, а ведь именно от них зависело военное положение на Востоке.

В сборе разведданных большую помощь оказывали разведчики-любители. Прекрасной разведчицей оказалась красивая и смелая девушка Мароззия. Ее обвиняли в том, что она таскается с немцами, танцует с ними, ее пытались уговаривать, стыдили. Но на все упреки Мароззия отвечала моралистам, что ей нравится… военная форма. Особенно ее интриговала форма «кригсмарине», поэтому она знала почти вся и все о передвижениях немецких военных кораблей. Получив какой-нибудь подарок, она устраивала своему очередному поклоннику

форменные скандалы, кричала, что покончит с собой, а немец, пораженный и польщенный этими приступами внезапной любви, смущенно повторял свое «Befehl ist Befehl»[5] и в качестве утешения рекомендовал огорченную девушку своим остающимся в Греции Друзьям. Но Мароззия была безутешной, она хотела знать все о судьбе своего любимого, писала ему письма, расспрашивала немецких моряков, не погиб ли ее милый, куда он отплыл и когда возвратится. Словом, это была самая настоящая актриса, и она играла свою роль великолепно. Подозрений она не вызывала потому, что даже самые ловкие и проницательные наблюдатели немецкой контрразведки не могли обнаружить контактов девушки с кем-либо из подозрительных лиц. Казалось, что вся ее жизнь полностью состоит из танцев, любви и отсыпаний после бурно проведенных ночей, а также из добросовестнейшего изучения немецкого языка.

Когда возникала необходимость срочно передать важное известие, Мароззия ставила на окно вазон с цветами, что являлось сигналом для связного-студента, который приостанавливался перед окошком одноэтажного домика, выслушивал донесение и повторял его еще раз про себя, чтобы лучше запомнить, а потом бежал в свою «нору», откуда это известие уже поступало к агенту № 1. Мароззия избегала ведения каких-либо записей, и поэтому ее подлинная роль долго оставалась нераскрытой немецкой контрразведкой…

Постепенно начали переходить ко все более рискованным предприятиям. Сам Георгий Иванов, а иногда и некоторые из его помощников, для того чтобы получить свободу передвижения, начали пользоваться итальянской и немецкой военными формами, по секрету одалживаемыми в химчистках, принимающих одежду у оккупантов. Довольно скоро было налажено и производство специальных военных документов, причем таких, которые не вызывали подозрений со стороны гестапо или жандармерии.

Сразу же, как только Георгий освоился в оккупированных Афинах, он обратил внимание на большие отели, а особенно на отель «Гран-Бретань», где располагался штаб люфтваффе и проживало несколько высших офицеров немецких военно-воздушных сил. Вполне естественно, что такой отель представлял собой неисчерпаемый источник информации, нужно было только подобрать туда соответствующие кадры. Директор отеля, швейцарец Шмидт, понимал, в чем дело, принимая на работу рекомендованного ему Афанасиоса Масханоса, профессионала-агента из личной охраны короля, теперь якобы обеспечивающего безопасность немцев.

Масханос, старый детектив, отличался необычайной осторожностью. Состоящая в подпольной организации бедно одетая старушка в темных очках, которая появлялась перед отелем «Гран-Бретань» в одежде нищей, далеко не каждый день приносила ожидаемые от него сведения. Георгий решил немного поторопить Масханоса и дать ему понять, что он находится на службе и имеет вполне определенные обязанности. С другой стороны, он хотел сделать генеральную репетицию своим будущим «выступлениям» в немецком мундире. Он уже давно присматривался к офицерам, изучая их манеру поведения, пока не почувствовал, что сможет «сыграть» гитлеровца или итальянца на улицах Афин. На всякий случай у него были с собой документы немца, уроженца окрестностей Торуни, бывшего гражданина Польской Республики, за которым в немецкой армии сохранялось его польское воинское звание.

Однажды вечером перед отелем «Гран-Бретань» появился великолепно сложенный немецкий офицер в сопровождении греческого врача. Обратившись к греку по-немецки, он попросил подождать его, а сам вошел в холл отеля, поздоровался с сидящими там немцами и итальянцами, затем направился к свободному столику и приказал прислать к нему кельнера Масханоса. Внимательно глядя в глаза детективу, он заговорил с ним по-гречески:

— Масханос, плохо работаешь, братец мой… Запомни — ты должен ежедневно сообщать мне имена всех прибывающих сюда: от майора и выше… Это во-первых… Во-вторых, ты должен докладывать, о чем разговаривают между собой гости… В-третьих, ты дашь мне фамилии своих коллег и горничных, если они с твоей точки зрения могут стать заслуживающими доверия информаторами… А пока что, Масханос, принеси-ка мне вермут со льдом…

Кельнер стоял как вкопанный и глядел на мнимого офицера, как на привидение. Какое-то мгновение он считал себя обреченным — ведь перед ним сидел немец, который знал его роль и знал о его контактах с подпольем. Немножко поостыв, он принес бутылку с вермутом и дрожащей от волнения рукой наполнил рюмку. Он, конечно же, догадался, кем является этот опасный посетитель. Тем временем «немец» говорил:

— Масханос, следи за нервами… Ведь ты же когда-то состоял в охране самого короля, был смелым человеком…

Немцы входили и выходили, посетитель приветствовал их в зависимости от чина небрежно или подобострастно, сердце Масханоса нервно постукивало, а гость, попивая вермут, продолжал:

— Я всегда должен знать о проводящихся здесь совещаниях офицерского состава… Мне безразлично, как ты все организуешь, но сделаешь это обязательно… Если понадобятся микрофоны, они будут тебе переданы… Но иногда проще просверлить какую-нибудь небольшую дырочку в стене или потолке…

После этого пробного выступления Георгий уже с полной уверенностью в себе посетил все этажи здания НСДАП на улице Патиссон — резиденцию гитлеровской партии, а также греческих национал-социалистов, сотрудничающих с немцами. Знакомство «с местностью» ему было необходимо потому, что именно это здание он предназначил для первой крупной диверсии.

Немцы чувствовали себя в Афинах слишком уверенно и беззаботно, народ же только сгибался под ярмом и уже ниоткуда не ждал спасения. Кроме того, Масханосу удалось подслушать разговоры о предполагаемом приезде в Афины главы гестапо, самого Гиммлера. Решено было предпринять что-то, что подняло бы дух населения, а заодно и сбило бы спесь с немцев, которые вели себя здесь слишком уж по-хозяйски.

Покушение должны были совершить два отличных молодых спортсмена, Митилинеос и Галати. Инженер вместе с ними тщательно разработал операцию, сверившись с планом здания и составив поминутный график действий. В баре на той же улице Патиссон напротив здания дежурил доктор Янатос, на людном перекрестке расположились связные, которые знали как спортсменов, так и студентку Бимбу, которая должна была принести бомбу. Перед входом в здание двое молодых людей взяли у студентки портфель с динамитом, смешались с толпой посетителей и прошли на третий этаж, где очень легко — у самой лестницы — нашли батарею центрального отопления с полкой. Один-единственный часовой у входа ни у кого не проверял документы, по коридорам сновала масса посетителей.

— Это здесь, — сказал один из заговорщиков и положил портфель на полку. Второй, как бы прикуривая папиросу, незаметно поджег свисающий из портфеля фитиль.

Инженер предупредил их, что фитиль у бомбы будет очень коротким, ибо в противном случае могли бы заметить шнур или почувствовать запах горящего запала.

— У вас останется максимум восемьдесят секунд на то, чтобы успеть скрыться, — предупреждал он их, поэтому оба заговорщика, поставив мину, помчались по лестнице как сумасшедшие. Немного перевели дух, только подойдя к воротам с часовым.

— Еще тридцать секунд, — сказал один из них, глянув на часы.

— Они уже на улице, все в порядке, — прошептали связные, которые следили за входом в здание.

Взрыв был слышен во всем городе, а в соседних домах из окон повылетали стекла. Разбегающаяся в страхе толпа слышала вой сирен полицейских машин и мотоциклов. На место взрыва съехались пожарные, полиция, армейские части, все афинское гестапо было поставлено на ноги.

Доктор Янатос вышел из бара через черный ход и сделал это вовремя, так как во всем районе немцы устроили проверку документов у жильцов и у прохожих, время от времени отправляя в тюрьмы партии подозрительных лиц. Однако заговорщиков,

связных и мужественную студентку облава так и не поймала.

На следующий день в газетах было сообщение об этом террористическом акте. Число жертв называлось самое различное — от нескольких десятков до нескольких сот человек. Сильно поврежденное здание очень нескоро привели в порядок. Теперь его посещало намного меньшее число греков, а при входе у каждого старательно проверяли документы.

«Приезд Гиммлера откладывается», — сообщил Масханос.

Следующая операция тоже была запроектирована на основе сведений, сообщенных все тем же Масханосом. Кельнер услышал, что в Афины должен приехать глава итальянских фашистов диктатор Бенито Муссолини. Сведения казались достаточно правдоподобными — ведь это было в манере Муссолини разыгрывать из себя победителя в то время, как всю работу за него выполняли немцы. Оповещенный о приезде диктатора Янатос передал эту весть Георгию и руководству группы ОАГ, которое сразу же созвало совещание с участием Иванова. Агент № 1 тут же предложил взорвать здание отеля при помощи мощного заряда взрывчатки, но кое-кто воспротивился этому в страхе перед возможными репрессиями.

Дискуссия длилась почти два часа. В конце концов восторжествовала точка зрения Иванова; он утверждал, что, если покушение увенчается успехом, это принесет союзникам большую пользу и, возможно, даже приведет в недалеком будущем к выходу Италии из союза с Германией…

В ожидании приезда Муссолини Георгий, переодетый в форму солдата-ординарца, носил в отель банки из-под нефти, наполненные динамитом. Мину собирались заложить под банкетным залом, где часто собирались на совещания офицеры люфтваффе и итальянских военно-воздушных сил и где, несомненно, прошел бы какой-нибудь прием с участием Муссолини, Было подобрано уже и место в подвале, и Масханос с отчаянной решимостью разместил там страшный заряд. За день до приезда диктатора Георгий в костюме монтера лично проверил готовность всего механизма, а также и электрическую проводку, которая должна была автоматически включить взрывной механизм.

В страшном нетерпении все дожидались следующего дня.

Однако Муссолини их «подвел». Приехать-то он приехал, но поселился в итальянском посольстве, не воспользовавшись подготовленными ему в отеле роскошными апартаментами. И снова начались трудные походы с опасным грузом, но теперь уже в обратном направлении — нужно было вынести взрывчатку из отеля. Единственной пользой от всего этого мероприятия было

подробнейшее знакомство инженера с отелем и тамошними порядками, что могло пригодиться в дальнейшем.

В соответствии с указаниями агента № 1 британские бомбардировщики произвели уже множество крупных и мелких налетов на расположенные в Греции объекты, но, к великой радости немцев и итальянцев, пока еще ни разу не пострадал большой сборочный завод братьев Мальцинотти в Новом Фалироне, откуда целыми сериями выпускались авиационные двигатели. Оккупанты приписывали это обстоятельство либо небрежности англичан, либо тщательно сохраняемой военной тайне, либо необычайно сильной противовоздушной обороне Нового Фалирона. Дело обстояло совсем иначе: Георгий давно уже передал центру «004» исчерпывающие данные относительно продукции предприятий Нового Фалирона и теперь дожидался ответного решения.

Английский штаб в Каире стал перед выбором: либо бросить военно-воздушные силы на уничтожение завода, что вряд ли бы удалось, либо применить здесь в своем широком масштабе саботаж и диверсии. В штабе рассуждали так: в случае, если удастся повредить заводы Мальцинотти, немцы передадут заказы на какой-нибудь другой, пока что не известный завод, откуда впоследствии Африканский корпус будет получать исправные моторы. Поэтому решено было не трогать Новый Фалирон, а развернуть там подрывную работу в небывалых доселе масштабах. Агент № 1 доносил, что с заводом он ознакомился, установил там связи и что с начала следующего года можно будет приступать к работе, которую следовало вести весьма осторожно, не вызывая у противника подозрений. План этот был передан в Каир и принят там с большим энтузиазмом. Георгий каждые несколько дней исчезал из Афин; только наиболее доверенные лица знали, что он встречался с рабочими и техниками фирмы Мальцинотти и даже пару дней проработал на заводе в монтажном цехе, подменяя «больного кузена». Итальянская охрана в цехах несла службу довольно небрежно, а гестаповцы редко заглядывали на завод, поэтому Иванов вернулся оттуда целым и невредимым и полным самых радужных надежд.

20 ноября Георгий зашифровал срочное донесение об отправке из Пирея двух тяжело груженных пароходов, которые сразу же по выходе из греческих вод получили солидную охрану из итальянских миноносцев. Груз состоял из горючего и запасных частей для танковых соединений Африканского корпуса. Транспорт с материалами имел очень большое значение для немцев, о чем говорил тот факт, что с момента выхода из Пирея его прикрывали даже «юнкерсы-88» с бомбовой нагрузкой. Все эти

сведения, по крупицам собранные самыми разными людьми, Георгий самым тщательным образом проверил, благодаря же болтливости итальянских моряков ему удалось даже установить, что караван этот направляется в Бенгази, если только англичане не успеют за это время занять его…

Неделю спустя пришла благодарность: британские эсминцы сумели выследить конвой на указанном курсе, после чего разогнали прикрывающие корабли и, выдержав бой с «юнкерсами», подожгли оба парохода. А еще через неделю в Грецию вернулись команды судов, которые спаслись благодаря тому, что сразу же, как только начался бой, бежали на спасательных лодках. Рассказывали, что брошенные командой горящие суда столкнулись друг с другом и взлетели на воздух от страшного взрыва горючего, боеприпасов и смазочных материалов.

Иногда бывало так, что незначительное с точки зрения Иванова известие вдруг приковывало пристально внимание англичан. Так, в декабре 1941 года он сообщил центру «004», что итальянский миноносец «Орион» случайно столкнулся с немецкой подводной лодкой У-557 и таранил ее. Это известие подтвердили и спасенные с немецкой лодки моряки, которых после аварии привезли в один из греческих портов. Донесение Георгия дало возможность британскому штабу вычеркнуть из своих списков подводную лодку У-557; теперь уже не нужно было ломать себе голову, на каком из отрезков коммуникаций можно дожидаться ее появления.

Иванов давно пришел к выводу, что в Афинах он действует не один. У англичан были здесь многочисленные замаскированные агенты. Это подтверждалось тем, что по каким-то загадочным каналам к нему попадали радиопередатчики и различные материалы с соответствующими указаниями, о чем, кстати сказать, его заранее предупреждали по радио. Во всяком случае, после рискованного похода в «Гран-Бретань», чтобы подслушать немецкое совещание, едва только он начал отчет об этом, как с изумлением узнал, что центру «004» уже известно о ходе совещания, хотя оно и состоялось всего каких-то несколько часов назад.

«Вести наблюдение за греческими портами», — приказывал центр «004».

В тот период Георгий пошел навстречу настойчивым просьбам студенческих патриотических организаций, которые просили его провести собрание для избранного круга руководителей отрядов и групп. Темой собрания было «Технические и психические средства на службе борющегося за

свободу народа». Появление докладчика в одной из университетских аудиторий было возможным только после того, как администрации были предъявлены документы, свидетельствующие о чисто научном характере предстоящего сообщения. После доклада разгорелась дискуссия, которая принесла Георгию большую радость. «Как они похожи на моих приятелей и приятельниц из спортивного союза!» — несколько раз приходило ему на ум.

В самый разгар дискуссии вспыхнула паника. Кто-то принес весть, что немцы окружили весь квартал, а гестапо проверяет выходящих из аудиторий.

Все взгляды скрестились на докладчике. Георгий заметил общую растерянность, кое-кто в отчаянии уже посматривал на окна. Прервав ход беседы, Георгий улыбнулся и сказал:

— Старайтесь вести себя естественно, так, как ведут себя студенты, обрадованные перерывом в скучной лекции…

Все внимательно следили за ним, когда он — свободно и даже несколько беззаботно — направился к выходу, где очень мило и дружески объяснил что-то немцам, показывая им свое удостоверение, целую кипу вытащенных из портфеля бумаг и книг. Видимо, он сказал им что-то веселое, потому что немцы вдруг расхохотались, а лектор вернулся к столу и объявил:

— Послушайте, нам пора уже расходиться, но спокойно — по два-три человека, не создавая толкучки… Наша следующая лекция по фитопатологии будет посвящена вопросам причины заболеваний растений, особенное внимание будет посвящено отдельным видам бактерий, грибов, плесени, лишаев, вирусов и фанерогамы… До свидания!

С этого момента миловидная студентка Габриела Минопулу почти с религиозным чувством смотрела на стройного мужчину, который своим спокойствием и выдержкой отвел такую страшную опасность. В несколько более информированных студенческих кружках уже знали, а вернее, догадывались, что докладчиком был тайный посланец союзных штабов. Передаваемая «по секрету» из уст в уста молва приписывала ему все новые и новые подвиги, и, сам не зная того, агент № 1 среди молодежи вырос уже до уровня античных героев, а его деятельность постепенно принимала эпический характер. Доведенная до крайности страна искала утешение в сплетнях и злых анекдотах о захватчиках, теперь же она искала спасения в новой легенде…

VIII
ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Тем временем пришла зима. В первых числах декабри 1941 года Георгий в четвертый раз сменил квартиру, поскольку у него создалось впечатление, что соседи стали проявлять к нему нездоровый интерес. Кроме того, недалеко от улицы, где он жил, расположилось немецкое разведывательное бюро под шифром «3000». Подробности о немецком разведцентре каким-то образом попали в руки греческих подпольщиков и были переданы Иванову симпатичным офицером греческого флота. Георгий переехал на улицу Ниовис, 19, и поселился у Панделиса Лабринопулоса, родного брата Никоса. Безработный Панделис кое-как сводил концы с концами, зарабатывая на жизнь мелкой торговлей.

Вход в новую квартиру вел со двора, тот же самый вход вел и в квартиру патриотически настроенной семьи Христоса Драпаниотиса. В подобных условиях невозможно было скрывать жильца, и вся семья Драпаниотисов познакомилась с инженером. Они догадывались, что он является крупным разведчиком, но это только усиливало доброжелательный интерес к нему. Особенно хозяйка дома Драпаниотисов всегда приходила соседу на помощь с какой-нибудь мелкой услугой, всегда ненавязчиво и к месту.

Помощью этой проницательной и милой в обращении женщины Георгий воспользовался, когда в нем созрело окончательное решение понять до конца Тиноса. В этой проверке Георгий не мог рисковать собой и своей работой, опасаясь еще одной встречи со старым приятелем. К тому же он рассуждал так: если — пусть чисто теоретически — Тинос Пандос действительно встал на путь предательства, он уже с этой дорожки не сойдет и сделает все, что в его силах, чтобы отыскать свою жертву. Зная ловкость бывшего друга, он понимал, что Пандос и с этой задачей справится. Ведь даже в самом большом городе имеются места, через которые в конечном счете каждый житель должен рано или поздно пройти. Пандос мог, подобно пауку, притаиться где-нибудь в центре, например вблизи отеля «Гран-Бретань», который как раз в это время особенно интересовал Иванова. И еще — поскольку в руках гестаповцев уже оказалась фотография Георгия, то таких наблюдателей могло быть значительно больше, и уже не один Тинос охотился бы за жертвой. Было еще одно неприятное обстоятельство, о котором Георгий пока что не говорил своим друзьям: именно Пандосу он подарил фотографию, на которой был снят в шляпе. И наконец, если

Пандос действительно оказался предателем, то он, естественно, откроет немцам его подлинную фамилию, а заодно и биографию. Так или иначе, но следовало смотреть правде в глаза. Либо с Тиносом все в порядке и его только напрасно подозревают, либо… ему следует свернуть шею за подлое предательство.

Поэтому на встречу с Пандосом Георгий пошел не один, а в обществе мамаши Эвангелии Драпаниотис. Моросил дождь, смеркалось, когда Эвангелия по просьбе Георгия вызвала Пандоса на улицу. Тот вышел очень поспешно, обрадовался приятелю, затем принялся упрекать Георгия за то, что он исчез куда-то и, по-видимому, не доверяет ему, Пандосу. Георгий объяснил свое исчезновение навалившейся работой и необходимостью скрываться от ищеек. Втроем они зашли в таверну, выпили кофе и назначили свидание на следующий день в кондитерской подле автобусной станции Ангелопулу.

— Сейчас у меня нет времени, но завтра я тебе все расскажу о твоей семье… Ведь я специально ради тебя ездил в Салоники… Ну, и кроме того, у меня есть для тебя кое-что от матери, — говорил Пандос самым задушевным тоном.

«Значит, он все-таки ездил в Салоники… Когда же это было?» — лихорадочно думал Георгий.

— Не понравился мне ваш друг, — сказала Эвангелия, когда они распрощались с Пандосом и довольно поспешно смешались с толпой.

В ту ночь, работая над зашифровкой донесений, Георгий все чаще возвращался мыслями к Пандосу. У него уже не было абсолютной уверенности в его честности. Правда, он, как и прежде, проявлял большую сердечность, но от последней встречи в душе остался какой-то неприятный осадок. Во всяком случае, Пандос лгал, утверждая, что после их первого свидания он сразу же отправился в Салоники. Сам же Георгий при этом ни словом не обмолвился ему о том, что знает о произведенном у Апостолидисов обыске.

На следующий день они опять отправились вдвоем. Оба издалека увидели дожидавшегося их Пандоса, но одновременно Эвангелия сжала руку своего спутника. Он понял — четверо мужчин, внимательно приглядываясь к ним, тронулись вслед за Георгием.

На этот раз Эвангелия быстро распрощалась, предоставив товарищей самим себе. Она заметила, что какая-то женщина сразу же пошла за ней, поэтому быстро юркнула в первый попавшийся магазин, смешалась с толпой и выбежала на улицу уже через другой выход, после чего сразу же прыгнула в отходящий автобус.

«Я, кажется, совершил огромную глупость, — подумал Георгий, — но теперь уж ничего не поделаешь…»

Друзья заказали напитки. Пандос торжествовал. Наконец-то у него в руках друг, который слишком уж был хорош всегда. Правда, он помнил, что многим обязан Иреку, возможно, даже жизнью, но что это была за жизнь. Бедность, постоянная погоня за деньгами, всяческие увертки, тогда как остальные имели все… Взять хотя бы того же Георгия Иванова… Подумаешь, велика заслуга, имея богатого отчима, окончить заграничный университет!.. И легко побеждать на соревнованиях, если сама природа наградила тебя бычьей силой и ловкостью… О том, сколько сил приходилось затрачивать Георгию на получение диплома или для того, чтобы войти в отличную спортивную форму, Пандос не думал, зато в его голове промелькнули все те моменты, когда он страшно завидовал своему другу. А завидовал он всему: поездкам за границу, спортивным лаврам, доброжелательному отношению салоникских рыбаков, успеху у девчонок на вечерах в клубе «Ираклис»… Болью в сердце отдавалась самая горькая обида, нанесенная ему очень давно, еще в школе, когда черноокая Терпсихора сказала, что он, Пандос, держится при Георгии, как шакал при льве… Правда, это сказала сопливая девчонка, но слова ее запали глубоко в сердце самолюбивому Пандосу, он помнит их до сих пор, они до сих пор не отомщены. Интересно, помнит ли об этом Ирек?..

Он пристально поглядел на приятеля и спросил:

— А помнишь ты ту девчонку… из лицея?

В горле у него пересохло, и он даже не смог закончить фразу, а тем временем Георгий, оживившись, спросил:

— Ты говоришь об Эпи? Ну, конечно, помню! Я ее встретил…

— Она махнула на тебя рукой и вышла замуж, а потом уехала со своим англичанином, — злорадно ответил Пандос. — Но я другую имел в виду… Такая черненькая, помнишь?

Оказалось, что никакой другой Георгий не помнил. Это еще больше раздразнило Пандоса. Девушка назвала Георгия львом, а он не соизволил даже запомнить ее… Выскочка! Ну ничего, недолго осталось ему разыгрывать из себя национального героя…

Разговор перешел на другие темы.

— Ты принес письмо от матери? — спросил Георгий.

— Нет, — ответил Пандос. — Видишь ли, я солгал тебе, дело в том, что в Салониках я не был…

— Почему?

— Это чересчур долгая история… Я тут влип в трудное положение.

— В какое положение? Может, ты служишь немцам? — сурово

спросил Георгий.

— А если и так, то что? — с вызовом спросил Пандос.

— Родину предаешь?

— Почему же? Может быть, я это делаю для того, чтобы добывать нужные сведения и передавать их, например, хотя бы тебе… Я как раз именно об этом и хотел поговорить с тобой, но здесь речь пойдет о деле, а не о каких-то там глупостях… Сколько тебе платят англичане? Я сейчас дам тебе такие сведения, которых ты вовек не добудешь. Впрочем, не будем тут разговаривать, пойдем куда-нибудь, где поменьше народу…

Приятели вышли на улицу Мавроматеон и направились в сторону сквера с памятником королю Константину I. Пандос сначала о чем-то думал, потом заговорил о том, как немцы и итальянцы организовывают воздушные переброски из Греции в ливийскую пустыню. Он назвал цифры: сколько ежедневно доставляется горючего, сколько боеприпасов, когда вылетают и каким путем возвращаются самолеты. Обещал, что уже на следующий день он сможет сообщить часы и даже курсы, по которым осуществляются эти воздушные перевозки, а потом каждое утро будет добывать новые интересные сведения. Они подходили как раз к памятнику, когда из окружающих постамент кустов выскочили солдаты с автоматами. Направив на друзей оружие, они скомандовали: «Хенде хох!»

Сначала Георгий подумал, что произошло обычное недоразумение. Вместе с Пандосом он поднял руки вверх.

— Удостоверение у меня в правом кармане, — сказал он офицеру по-немецки.

Тут он заметил, что Тинос опустил руки. Два немца приставили автоматы к животу Георгия, а об удостоверении никто и не спросил. Тут же от площади с места резко рванули два автомобиля. Они подъехали и с пронзительным скрипом тормозов остановились рядом. Редкие прохожие бросились в разные стороны, но на них никто не обратил внимания. Друзей посадили каждого в отдельную машину, при этом Георгий заметил, что Пандоса не особенно стерегут, тогда как его немцы держали за руки. И наконец, он увидел самое страшное — Тинос, его друг Тинос со смехом кивает в сторону Георгия и что-то растолковывает немцам, которые вместе с ним садились во второй автомобиль.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений: друг детства оказался подлым предателем. Извечная история Иуды повторялась сегодня в своем банальном и трагическом варианте. Потрясение было настолько сильным, что Георгию даже его арест показался вещью второстепенной… Тем временем автомобили

свернули на улицу 3 сентября, где размещалось главное управление афинского гестапо. Комендантом там был уже прославившийся на всю Грецию Йозеф Эрнст, а помощниками Бург и Цимбас.

…В тот вечер напрасно дожидались Георгия к ужину в квартире Лабринопулоса. Он так и не появился. Сразу же были оповещены Папазоглу и братья Янатос, а также и все остальные сотрудники эмиссара. Драпаниотис сообщила, что оставила его вдвоем с Пандосом в кондитерской. Тайное наблюдение за домом Пандоса выявило, что Пандос также не вернулся домой. Однако завербованный гестапо Апостолидис установил и сообщил подпольщикам, что Пандос, хотя и был задержан вместе с Ивановым, сразу же был отпущен и только для видимости не пришел ночевать домой.

Удачным для Георгия обстоятельством было то, что в этот вечер какие-то важные дела не позволили заняться Ивановым самому Йозефу Эрнсту. Он приказал только записать показания арестованного и сверить подлинность удостоверения мнимого Николаоса Тсеноглу, а самого задержанного в наручниках отправить в тюрьму Авероф. Поэтому первый допрос был довольно кратким и поверхностным, только довольно зловеще прозвучали слова Эрнста:

— Ну-с, господин Тсеноглу, у нас с вами старые счеты… Но об этом мы успеем наговориться завтра!

Товарищем Иванова по камере оказался какой-то поляк, носящий якобы фамилию Белынского, однако Георгий избегал всяческих разговоров и откровений, ссылаясь на усталость. К тому же и этот Белынский довольно скоро заснул. Георгий написал свою фамилию на стене рядом с дверью, долго размышлял над своим положением, но потом решил, что следует хорошо отдохнуть перед завтрашним напряженным днем, ибо он решил сразу же бежать, по пути на первый допрос, не дожидаясь того времени, когда он будет измучен и обессилен. Лучше уж смерть от пули, чем адские пытки, мастером которых считался Йозеф Эрнст.

Утром в камеру вошел охранник и выкрикнул фамилию Белынского. Но тот все еще спал, и тогда Георгий решился: встал и с уверенным видом вышел вслед за охранником. Заключенного передали немецкому унтер-офицеру, вместе с которым Георгий сел в легковую машину. Рядом с шофером оставалось свободное место, но конвоира не взяли — видимо, арестованный показался унтер-офицеру не слишком опасным, он даже оружие не держал наизготовку. Вскоре машина приехала на улицу 3 сентября к уже знакомому зданию и остановилась. Шофер вышел и побежал

наверх.

Георгий решил, что уходить нужно сразу же. Не успел унтер выйти из машины, как арестованный, делая вид, что тоже собирается выйти вслед за ним, неожиданно ударил немца ногой в пах и выскочил через другую дверцу, прикрываясь автомобилем от возможного выстрела. Но куда там, унтер завопил и как подкошенный рухнул на асфальт. В окнах здания появились удивленные лица немцев. Немецкие солдаты, шедшие по улице, приостановились, вытащили оружие, кто-то выстрелил, прохожие начали в панике разбегаться по сторонам. Тем временем беглец на глазах у всех быстро свернул в переулок и скрылся из глаз…

Десятки и сотни немецких и итальянских солдат совместно с греческими полицейскими участвовали в огромной и длительной облаве, сразу же начатой по приказу Эрнста. Искали в домах, погребах, магазинах, на чердаках, но безрезультатно. Зевака унтер-офицер после соответствующего разгона в наказание был отправлен на русский фронт. До поздней ночи по улицам города сновали патрули, проверяя подряд у всех прохожих документы, но ни одному из них так и не удалось больше встретить Николаоса Тсеноглу, уроженца Крита…

…Повинуясь инстинкту, Георгий не стал далеко убегать. В наручниках его распознал бы любой полицейский, шпик или тайный сотрудник полиции. Убежище нужно было найти тут же, на месте. Из переулка Георгий свернул в какой-то обширный, забитый грузовиками двор. У каждой машины на борту был нарисован красный крест. Таким образом, Георгий оказался в расположении автомобильного парка одной благотворительной организации, подкармливающей голодающих греческих детей.

Беглец успел подумать, что сестры милосердия и врачи охотно бы оказали ему помощь, но времени у него не было. Воспользовавшись первыми минутами замешательства, он, к счастью для себя, никого не встретил на своем пути. Теперь, оказавшись рядом с огромной машиной, Георгий, не раздумывая, забрался в кузов. Там лежали тяжелые брезентовые свертки, под которыми он и затаился. Распластавшись между свертками и бортом, Георгий, наконец, перевел дух. В щелку он наблюдал за пробегающими фигурами немецких солдат. Потом шум погони утих, позже начался обыск в соседних домах, в автомобильном парке были расставлены часовые, однако никому и в голову не пришло заглядывать в машины. Дожидаясь дальнейшего развития событий, Георгий смачивал слюной наручники и разминал руки, готовясь к трудной операции снятия стальных браслетов. Этому искусству он был обучен еще в Каире, но затем бросил

тренировки, придающие костям необходимую гибкость. Теперь он пообещал себе, что как только спасется, сразу же возобновит тренировки. Наконец после долгих упражнений наручники свалились.

Больше всего ему хотелось, чтобы в машину сел шофер и вывез его куда-нибудь из этого проклятого места. Но то, что он укрылся в каких-нибудь ста метрах от резиденции гестапо, и спасло его. С облегчением Георгий отметил, что посты через некоторое время были сняты.

Уже наступил вечер, когда Георгий покинул свое убежище, размял затекшие мускулы и отправился прямиком на квартиру Лабринопулоса. Прибежал оповещенный Папазоглу. Начался «военный совет», на котором обсудили создавшееся положение.

Происходило это в пятницу, 19 декабря 1941 года.

— Значит, Пандос предатель, — говорили они, покачивая головами.

— Вы были правы, — грустно признался Георгий.

Но недоверчивый Папазоглу развивал свою мысль далее:

— Согласитесь, все это выглядит как плохая детективная повесть… Вас опознают сразу же после приезда… Едва начинаете работу — и сразу же арест!.. Вы наивно верите своему мнимому другу… У нас здесь еще никому не удавалось вырваться из немецких лап, а вы сразу же совершаете побег… Ну сами скажите, неужели это все не должно вызывать сомнений? Ведь каждый здравомыслящий человек сразу же задаст себе вопрос: а действительно ли вы сидели в тюрьме?..

— В камере рядом с дверью я нацарапал свою фамилию, — ответил инженер. — Я, конечно же, не хотел бы, чтобы вам представился такой случай, но все это можно проверить…

Все рассмеялись.

Предательство, арест и удачный побег привели к ряду серьезных последствий. Первым из них было переданное из Египта решение англичан — агент должен возвратиться. Он теперь ни к чему, решили англичане. Тем временем, пока «погоревший» эмиссар получит возможность вернуться на Средний Восток, нужно было удвоить осторожность.

Через два дня после побега, 21 декабря, в афинских газетах появилось объявление о розыске «Георгиоса Иванова, он же Николаос Тсеноглу, урожденного в Варшаве 14 декабря 1911 года». Награда была огромной — 500 000 драхм, что поразило всех. В объявлении был перечислен длинный список оккупационных немецких и итальянских учреждений, куда следовало направлять все данные, касающиеся беглеца; за укрывание его или за утайку сведений о нем грозила смертная казнь и, наконец, приводились особые приметы и снимок — тот самый, который Георгий подарил Тиносу. Ни разу ни до, ни после этого греческие читатели такого объявления не видели, поэтому они догадывались, что разыскиваемый представляет для

оккупантов особую опасность. Афинские кафе встревоженно гудели, обсуждая эту новость. Теперь очень многие припомнили о том, что Иванов был чемпионом страны и Европы по плаванью, кое-кто шепотом передавал слух о том, что он был высажен с английской подводной лодки и уже успел нанести немцам колоссальный ущерб. Для измученного народа появление этих объявлений и плакатов было провозвестником каких-то грядущих перемен к лучшему, надеждой на скорое освобождение. И вот будто по команде на уличных плакатах с фотографией Георгия стали появляться надписи, сделанные краской или чернилами. Надписи были самые различные, например: «Героя не продадим, вы недостаточно богаты, чтобы купить нас», или просто: «Да здравствует Георгий Иванов!» А соседи Пандоса вдруг припомнили, что именно в эти дни перед домом предателя почему-то появился немецкий грузовик, по борта нагруженный мукой, сахаром, сырами, консервами и банками с оливковым маслом.

Объявление о розыске беглеца привело еще к последствиям более частного порядка. Во-первых, сам Георгий понял, что стоит ему теперь только появиться на улице, как его сразу же опознают, поэтому придется скрываться по крайней мере первые недели, пока его внешность немного не изгладится в людской памяти.

Сначала Георгий собирался сделать себе пластическую операцию, чтобы как-то изменить свою внешность, но оказалось, что единственный специалист в этой области уехал из Греции. А тут еще никак не хотели расти усы, вот ему и приходилось носить накладные. Чтобы изменить форму щек и разрез губ, Георгий пользовался жевательной резинкой, закладывая толстые пласты ее за щеки и на десны.

Тем временем сесть о Георгиосе Иванове разнеслась по всей Греции. Поляки, оставшиеся в Салониках, окаменели от страха. О том, чтобы отправиться на улицу Маврокордато, никто из них даже и думать не смел, за домом Георгия Иванова наверняка наблюдали полиция и гестапо. Ян Ламбрианидис сначала никак не мог понять, почему знакомые здороваются с ним издалека и прибавляют шаг, увидев его, но, купив газеты, понял все и только постарался, чтобы известие это не дошло до жены. Пани Леонардия редко заглядывала в газеты, поэтому она ничего не знала и ни о чем не догадывалась…

Предатель теперь решил заработать еще и обещанные оккупантами полмиллиона. Он пришел к выводу, что беглеца следует искать там, где ему в любом случае будет оказана помощь, то есть в родном доме. Несколько дней Тинос ходил по Салоникам, посещал старых друзей, чуть ли не обыскивал на свой

страх и риск приморские клубные постройки и пригородные кабачки, заглядывал даже в вытащенные на берег лодки, следил за стоящими в заливе на якоре катерами, но так и не напал на след беглеца. Георгия Иванова никто не видел — ни носильщики с вокзала и пристани, ни чистильщики обуви, ни бродячие торговцы, ни кондуктора трамваев, ни нищие. Без надежды на успех Пандос заглянул в отель «Медитерране», но обслуживающий персонал там был полностью заменен новым, и из-за настойчивых расспросов он был даже арестован. Властям о нем донесла буфетчица Калиопа из бара отеля — единственная оставшаяся здесь довоенная сотрудница, как видно пользующаяся особым доверием у немцев.

Объяснив свою миссию, выпущенный на свободу Тинос уже просто с отчаяния решился посетить дом Ламбрианидисов.

Но и в родном доме Ирека, по всей вероятности, никто ничего не знал, хотя газеты с объявлением о беглеце, сулящие сказочные деньги, наверняка уже дошли и сюда. Пани Леонардии доносчик, правда, не застал, Лялек, кажется, катал по заливу каких-то друзей, а маленький Лесь еще не вернулся с занятий по музыке. Дома был только Ламбрианидис. Одетый в старый халат, он протирал оливковым маслом какую-то ветхую картину на дереве. Мимоходом взглянув на Тиноса, он не прервал своего занятия, только было заметно, как напряглись мускулы на его сухом лице. «Старый лис, он наверняка будет остерегаться меня», — подумал Пандос, без приглашения усаживаясь перед хозяином дома и начиная разговор с обычных оккупационных жалоб на дороговизну, на немецкие зверства, на союзников, которые явно не торопятся с помощью угнетенным народам.

«Не ищет ли этот шакал здесь Ирека?» — в свою очередь, подумал Ламбрианидис.

Тинос оглядел столовую, прошелся по ней, заглянул в соседние комнаты — ничто не говорило здесь о присутствии постороннего человека, и вообще вся квартира была какой-то скучной и однообразной. «Явно что-то вынюхивает», — решил Ламбрианидис. «Ничего мне из него не вытянуть, слишком уж он ловкий пройдоха», — злился Пандос.

Теперь он решил попробовать с другой стороны, раскрывая перед бывшим коммерсантом свои торговые дела. Немцы, что ж, немцы — известное дело — враги, но жить-то ведь как-то надо… Он, Пандос, всегда старался быть добрым греком, но ведь есть еще и обязанности перед семьей. В конце концов не он один идет на компромисс. Люди совершают вещи и похуже, а здесь ведь речь идет только о коммерции… И доверительным шепотом Пандос признался, что ему удалось выхлопотать себе разрешение

на транспортировку двух железнодорожных вагонов с товарами между северной и южной Грецией. Это может быть оливковое масло, мука, а ценнее всего была бы соль, нехватка которой так заметна в несчастных Афинах. Таким образом можно было бы помочь бедному народу, не говоря уже о колоссальной прибыли. Может быть, господин Ламбрианидис интересуется, каким образом можно заполучить такое разрешение? Так вот, по старой дружбе он, Тинос, готов раскрыть секрет перед семьей своего друга Ирека.

Тут молодой пройдоха решил ошеломить хозяина дома заранее заготовленным бланком железнодорожной фрахтовой квитанции, выписанной на предъявителя, рассыпая перед ним одновременно самые радужные перспективы, если только тот согласится на совместную торгово-транспортную сделку. Ламбрианидис сделал все, чтобы выставить Пандоса. Глянув на бланк с явным недоверием и убедившись в его подлинности, он, правда, попытался разыграть некоторое оживление. Глаза у него сверкнули почти что натурально, как это бывает у коммерсанта в предвидении больших прибылей, но, с другой стороны, он и не переигрывал: потому что какой же коммерсант станет проявлять излишнюю заинтересованность в выгодном деле? Затем с хорошо разыгранным огорчением он сказал:

— К сожалению, я не могу воспользоваться этим отличным случаем… Я занимаюсь здесь производством искусственных жерновов, от этого дела целиком и полностью зависит благополучие всей моей семьи… Нет, я не могу и не хочу рисковать… Того, что мы тут получаем, мне пока хватает, во всяком случае, должно хватать…

— Я еще к вам заеду, — сказал на прощание Тинос, когда все его уговоры не привели ни к какому результату. Он выходил из дома в твердой уверенности, что здесь его перехитрили. С улицы он оглянулся и еще раз увидел Яна Ламбрианидиса, который с хорошо разыгранным безразличием смотрел из окна ему вслед.

«Старый жулик!» — выругался про себя Тинос, одновременно дружески помахивая рукой хозяину дома.

«Вот прохвост, кто знает, не его ли специально выслали на поиски Ирека?» — подумал Ламбрианидис, очень мило отдавая последний прощальный поклон.

За время пребывания в Салониках предатель уговорил немцев провести ряд обысков в спортивных клубах, где так легко можно было скрыться среди сложенных парусов или под лодками. Обыск помог обнаружить какие-то листовки и тайный складик провизии, но на след опасного врага так и не удалось напасть.

Пандос возвращался в Афины. В Салониках он решил не

оставаться ни одного лишнего дня, нюхом чуя, что пошел по неверному следу. «Теперь его нужно искать в Афинах», — решил он, но одновременно с этим почувствовал, как его пробирает холодная дрожь при мысли о мести Ирека.

Когда уже не осталось никаких сомнений относительно предательства Пандоса, Георгий на несколько дней погрузился в мрачное молчание. Он никак не мог понять, какими соображениями руководствовался Пандос, предавая его. Подсознательно он искал причины не только чисто материальные. Он хорошо помнил, как однажды, совершив какую-то мелкую кражу у ювелира, Тинос, не выдержав града упреков, которыми осыпал его товарищ, швырнул украденный серебряный браслет в первое попавшееся окно. А еще как-то Тинос пустил на очередные глупости довольно крупную сумму, выигранную им на тотализаторе, а в детстве, когда Георгий потерял деньги отчима, Тинос даже пошел на мелкое преступление, чтобы выручить товарища… Нет, хотя Пандос и стремился любыми средствами разбогатеть, Георгий был твердо уверен, что тот предал его не только ради оливкового масла, муки или денег.

Разрешить загадку помогли воспоминания. Перед глазами вставали кривые, неискренние улыбки Тиноса, когда тот бывал свидетелем спортивных побед Георгия, побед на конкурсе танцев или когда после опасного рейса он благополучно приводил «Леонардию» к пристани… О неискренности Тиноса Георгия уже предупреждали и Эпи, и другие женщины, и мать. С другой стороны, когда Георгий терпел поражения, например когда ему изменила его «пассия», Пандос моментально превращался в самого внимательного и заботливого опекуна и наперсника. Поэтому смело можно было делать вывод, что поступками Пандоса теперь руководило чувство ревности и ущемленного самолюбия. Будучи не в состоянии сравняться со своим другом ни в чем, бессильный в своих мечтах о больших деньгах, он пытался злобно столкнуть Георгия с его пьедестала, с пути, ведущего к славе и заслугам. Возможно, Георгий и простил бы своему другу измену, но теперь тот стал врагом Польши и Греции, предателем великого дела свободы, превратился в пособника врага. Он должен погибнуть!

— Дай мне пистолет, — попросил он Лабринопулоса, у которого находилось на хранении его оружие.

— Нет, — ответил грек, моментально разгадав намерения Георгия. — Знаю, что ты задумал. Ну убьешь ты Пандоса и тем самым поставишь на ноги всю немецкую сеть… У тебя в голове должны быть более серьезные вещи, чем личная месть.

— Пандос опасен не только для меня, но и для всего нашего дела, — ответил Георгий.

— Убить, убить, — ворчал грек. — Убить — дело нетрудное… Эта работа не для тебя. У тебя гениальная башка, отлично натренированная воля, ты являешься ценным специалистом. Борись головой, а не пистолетом, действуй так, как ты действовал до сих пор, обычное сведение счетов оставь другим.

Георгий не мог не согласиться с доводами Лабринопулоса и тем не менее при очередной встрече с Малиопулосом, связным от группы офицеров военно-морского флота, попросил у того какое-нибудь оружие. Моряк не привык к философским рассуждениям, и вскоре Георгий сделался владельцем отличного автоматического пистолета с инициалами «PN», что должно было означать «Полемикон Нафтикон», то есть военно-морской флот.

Во всяком случае, о том, чтобы беглец оставался на своей прежней квартире, теперь не могло быть и речи. Рабочий электростанции Минос Кодзиас, так-же состоявший в подпольной группе, получил приказ принять на себя заботы о мнимом англичанине.

— Согласен, но только сначала я должен с ним встретиться, — ответил осторожный Кодзиас. Договорились, что «смотрины» состоятся вечером у одной из церквей. Его узнают по папиросе в зубах, а незнакомец, то есть Георгий, в качестве пароля спросит у него, как пройти на улицу Стурнара. Незнакомец будет одет в габардиновый плащ.

Они встретились, Георгий произнес условный пароль, и уже вместе они направились на площадь Метрополии разговаривая о пустяках. И вдруг фары проезжающего автомобиля осветили лицо «англичанина». Изумленный Кодзиас даже присвистнул:

— Так вы же Иванов! Какой же вы англичанин? — воскликнул он. — И что это за секреты от товарищей по борьбе?.. Ты можешь на нас полагаться!

— Я уже и сам не знаю, на кого я могу, а на кого не могу положиться, — ответил эмиссар. — Чувствую себя как загнанное животное… Поселился я недавно у одного художника, ему сказали, что я англичанин и поэтому скрываюсь, но на следующий же день он меня узнал. Он был настолько перепуган своим открытием, что я вежливо извинился перед ним и ушел…

Первые три дня после этой встречи Георгий жил у самого Кодзиаса на улице Лукиану. От Кодзиаса он переехал к его родственнику, где укрывался в кладовке для дров и в погребе. Приходилось ждать, пока будет изготовлено новое удостоверение личности. Такие паспорта заполнялись довольно хитроумно — адрес владельца указывался фальшивый, например называлась

улица, на которой были только четные номера домов, а в удостоверении ставился нечетный номер.

И вот, наконец, совместными усилиями выход был найден. Бывший офицер военно-морского флота Кондопулос — мужчина стойкий и мужественный — согласился принять Георгия у себя. Жена и племянница Кондопулоса не знали, кем является их загадочный жилец, появившийся у них на квартире в надвинутой на глаза шляпе и с мешком капусты на плечах. Они догадывались, что это сбежавший из плена англичанин. Сам хозяин, естественно, сразу же узнал человека, которому он не раз передавал различные сведения, а следовательно, он полностью отдавал себе отчет в том, кому он дает пристанище. Всем сердцем преданный борьбе с ненавистными захватчиками, он быстро подружился с Георгием и уже до конца был самым преданным его помощником и доверенным лицом. Только с этого момента, заручившись помощью и поддержкой Кондопулоса и его друга механика Василиоса Малиопулоса, агент № 1 мог уже не только заниматься сбором разведывательных данных, но и с большей энергией взяться за широкую разработку диверсионных актов. Жизнерадостный и предприимчивый моряк Кондопулос и молчаливый механик Малиопулос теперь постоянно сопутствовали Георгию Иванову во всех его рискованных предприятиях.

IX
БОЛЬШАЯ ИГРА

Теперь Георгий носил темные, очки, ему удалось отпустить усики, кроме того, он старательно перекрашивался из блондина в темного шатена, не забывая, конечно, при этом и о бровях. Следуя совету Папазоглу и Лабринопулоса, он придавал своей фигуре сутуловатый вид, а при помощи подкладки из ватной подушки симулировал изрядное брюшко. Вообще-то центр давно обещал Георгию перебросить его на Средний Восток, но, ожидая, пока такой случай представится, он не хотел зря терять время, тем более что центр, несмотря на предложение возвращаться, по-прежнему продолжал посылать ему новые задания. А ведь опасность отнюдь не миновала. Новым тревожным сигналом было вторжение в комнату Георгия особы, которой он не знал и которой никогда в глаза не видел. Оказалось, что он раскрыт некоей мадам Караиани.

Лена Караиани, супруга почтенного купца Караианиса, была типичной жительницей Афин, матерью семерых детей. До вторжения в Грецию немцев никто бы не заподозрил в этой женщине героиню — она была просто энергичной и довольно болтливой женщиной, каких везде много. Но уже через неделю после вступления немцев в Афины произошла одна из столь обычных тогда уличных сцен: какой-то парнишка смеялся над проходящим немцем, а тот догнал его и принялся избивать.

— Ктинос! Скотина! За что ты его бьешь? Что он тебе сделал? — завопила проходившая мимо Лена Караиани, вырывая мальчишку из рук солдата. Немец отпустил парнишку и решил было заняться женщиной, но она и не думала отступать. Собралась большущая сердитая толпа, помощи поблизости не было, и немец счел за благо поскорее смыться. С того момента о «героической» Лене начала говорить афинская улица. Да и сама Караиани воспылала еще большей ненавистью и презрением к оккупантам. Тихий купец Караианис цепенел, слушая голосистые рассуждения своей супруги о фашистах, и чуть было не свалился в обморок, когда она привела к нему в дом еле стоящего на ногах верзилу. К несчастью, это был не какой-то пьяница, а — собственной персоной — один из бесчисленных Джонов Уилсонов австралийской породы, удравший из лагеря военнопленных. Событие это дало начало широким акциям, заключавшимся в похищении, укрытии, лечении и даже отправке беглецов в более безопасные места, чему Лена Караиани отдалась со страстностью

и необычайным хитроумием. В самом начале своей деятельности двадцать пять англичан из тех, что были взяты в плен на Крите и привезены в лагерь военнопленных в афинское предместье Неа-Коккинья, были молниеносно выкрадены и скрыты в различных убежищах, в том числе и в женском монастыре св. Иеронима подле Мегары на берегу залива Элефсис.

Находчивость Лены Караиани была необыкновенной. Например, связь с лагерем военнопленных была налажена ею при помощи сигналов зеркальцем из верхнего окна пекарни, находящейся вблизи лагеря. Азбуке Морзе она научилась в течение трех дней, и притом настолько хорошо, что британские моряки или пехотные сигнальщики сразу же поняли ее предложения. Желающих бежать вывозили поочередно грузовиком, кстати сказать, немецким, под видом рабочих пекарни, выпачкав их предварительно с ног до головы мукой. И вот именно эта женщина сумела добраться до Георгия Иванова, выследив каким-то загадочным способом, где и под каким именем он пребывает. Агент № 1 онемел, когда совершенно незнакомая ему энергичная женщина ворвалась в комнату, заперла за собой дверь и единым духом выложила:

— Знаю я и кто ты и чем ты здесь занимаешься, мой мальчик… Так вот, для тебя есть важные известия у некоего британского капитана Генри Саббата. Ты меня понимаешь? Ты только не бойся! Посмотри мне в глаза, меня зовут Лена Караиани, я — гречанка, мать семерых детей, афинянка по рождению, а ты сам знаешь, что это значит — быть настоящей афинянкой!.. Посмотри мне в глаза, говорю я тебе, и ты сразу поймешь, что такие глаза, как мои, не лгут… Ах, значит, ты и есть тот самый знаменитый Иванов из Варшавы? Ну, знаешь ли, скажу я тебе, ты парень молодец. Нет, ничего не бойся, Греция тебя не выдаст! Если даже и погибнешь, то станешь прославленным, а сам понимаешь, слава в Афинах значит больше чем где бы то ни было! Ох, и намучилась же я, ведь целый день тебя разыскиваю, но нашла все-таки… Нет, вы только поглядите, неужто за тебя дают целых полмиллиона драхм?.. Так вот, слушай внимательно: этот капитан Генри Саббат передает тебе весточку, которую следует сразу же передать в ноль-ноль четыре…

Инженер с трудом проглотил слюну и отер лоб. Самая глубокая его тайна, вещь, которой никто здесь не знает и знать не может — название выславшего его центра, — в устах этой болтливой кумушки! Может, он просто ослышался? Но нет, она вполне членораздельно сказала: «Миден-миден тесера».

А кумушка тем временем продолжала щебетать:

— Он мне так и сказал: опасность, по-английски данжер, по-

нашему киндинос, угрожает людям войны, ты должен передать это по-английски — мен ов во, и так он мне повторил раза три, и нужно добавить еще четыре слова: «секретное оружие итальянских аквалангистов».

«Мен ов во» могло означать только крупные военные корабли, а все остальное объяснялось довольно просто. Осенью 1941 года англичане потеряли большой авианосец «Арк Роял» и линкор «Бархэм», но успели подтянуть новые силы, против которых итальянцы не посмели выступить в открытую, несмотря на огромный численный перевес. Но кем же все-таки мог быть этот капитан Саббат? Он задал этот вопрос странной посланнице.

— Офицер британского военно-морского флота. Взяли его на Крите. На пути в Афины он высмотрел что-то важное, и именно это и содержится в его послании, которое ты передашь куда следует… Ох, уже восемь, мне нужно идти — дети ждут меня с ужином, а время теперь такое, что по улицам лучше ходить днем. Кали нихта!

— Доброй ночи, — все еще ошеломленный, машинально ответил Георгий. — Но… А капитан этот, о котором вы говорите, он что, не хотел со мною увидеться сам?

— Хотеть-то хотел, но я и сама не дура, — ответила Лена. — Да и к чему вам это? Еще схватят его немцы, а он им все и вывалит. Вы же знаете, эти англичане как дети малые; англичанин ведет себя, как джентльмен, если хорошо выспался и выбрит, а в руках гестаповцев моментально размякает… Видал бы ты этих слюнтяев. Повытаскивала я их из беды немало, теперь прячем, набралась целая коллекция… Может, подбросить какого-нибудь сапоги чистить? Здорово это у них получается! А меня немцы могли бы на куски разрезать — только и добьются, что наплюю в их фашистские морды… Ну вот, если захочешь меня видеть, запомни: лавка Караианиса, там же встречаются и твои люди… И ничего не бойся!

При посредничестве этой мужественной гречанки Георгий вскоре встретился с капитаном Саббатом. Тот действительно оказался офицером британской морской разведки. Переданное им донесение основывалось на определенных наблюдениях, сделанных во время транспортировки британских военнопленных с Крита в Пирей. Саббат считал, что немцы и итальянцы могут применить новую форму ведения войны на море, состоящую в том, что подводными лодками будут подвозить специально натренированных людей-лягушек с магнитными бомбами. В Японии такие аквалангисты способны незаметно подплывать к крупным военным кораблям и прикреплять бомбы в наиболее уязвимых для судна местах.

— Изобретение это японское, — говорил Саббат, — но я сам слышал, как об этом немцы говорили между собой.

О визите Лены Караиани Георгий рассказывал с юмором, когда после изрядного перерыва он опять встретился с Марианной Янату. Однако «Маня из Варшавы» отнюдь не склонна была смеяться над этим инцидентом, наоборот, Георгий почувствовал, что спокойную и уравновешенную женщину сейчас тревожат какие-то заботы. У нее не шел из ума Апостолидис — человек, у которого останавливался Георгий перед тем, как его в первый раз выследил Пандос.

Апостолидис сильно переменился с тех пор, и Марианна Янату прекрасно знала причину этих перемен. Дело в том, что после безрезультатного обыска его квартиры разъяренные гестаповцы сначала его только избили и отпустили, однако вскоре после этого начали систематически вызывать несчастного на новые допросы. Беззаботный ранее Апостолидис теперь помрачнел, пал духом и обязался докладывать немцам обо всем, что ему удастся заметить подозрительного. В конце концов он признался гестаповцам, что однажды предоставил ночлег какому-то бродяге, но не назвал лиц, которые уговорили его на это.

— Я мог бы погубить вас в одну минуту, но не сказал им ни словечка, — рассказывал он Марианне сразу же после очередного допроса.

— А зачем ты им вообще сказал, что у тебя кто-то ночевал? — спросила она.

— Погляди почему! — ответил он, показывая синяки на лице и кровоподтеки на спине от бича. — Выдержать это я не в состоянии! К тому же они откуда-то узнали о моем госте. Доказательств, правда, у них не было, но уж знали они точно. Пришлось мне признаться, что сделал я это ради заработка… Собственно говоря, я ведь и не соврал им… Жизнь сейчас страшно дорога, а у меня семья…

Марианна Янату дала ему 1000 драхм. С того дня Апостолидис как по графику появлялся каждую субботу за своей данью.

— Достаточно было бы мне сказать одно словечко, и вы погибли бы, — говорил он, затем брал деньги и уходил.

До сих пор, хотя его и продолжали вызывать в гестапо, он все еще берег своих друзей и кормильцев, но Марианну охватила самая настоящая паника, когда Апостолидис в один прекрасный день вдруг взорвался:

— Вас я не предам, не отправлю на смерть!. Но пусть англичанин этот, из-за которого мне приходится столько терпеть, провалится в самый ад!.. Ох, только бы мне его вынюхать!..

— Но не выдашь же ты его? — спросила она.

— Конечно, выдам! Я ведь подписал такое обязательство и выполню его. По отношению к вам я так не мог бы поступить, но его-то мне жалеть не за что!

— Он уже убежал, выехал отсюда, — поспешно ответила Марианна, пытаясь говорить как можно спокойнее.

Апостолидис ничего на это не ответил, но по его взгляду было видно, что он придерживается противоположного мнения.

Таким образом, пришлось принять решение, необходимое в подобной ситуации: агенту № 1 следовало избегать появлений в доме Янатосов, а также не показываться в лавке, где работал Апостолидис, и в районе, где он живет. Радиостанцию также нужно было, не теряя времени, перенести в другое место, и, наконец, самой Марианне арсенал диверсионных средств следовало бы поместить в более безопасное место. Апостолидис терпел и молчал, но мог окончательно пасть духом, особенно после объявлений о розыске Иванова. Не было сомнений в том, что в разыскиваемом поляке он уже успел распознать своего постояльца, навлекшего на него все несчастья. Пока что он регулярно являлся к немцам за очередной порцией побоев, а затем появлялся у Янатосов за тысячей драхм, такое положение могло толкнуть его на какой-нибудь отчаянный поступок.

Георгий ничего не знал обо всех этих делах, но решение друзей счел правильным и больше у них не показывался, поддерживая связь через маленькую Эли или Габриель; к тому же у него теперь было несколько заслуживающих доверия студентов, которые помогали ему во всех делах.

Тем временем работа шла, и каждый день приносил новости — то грустные, то приятные. Милый памяти Георгия пароход «Варшава» уже прекратил свое существование. Вместе с целой флотилией каботажных судов он долгое время трудился для гарнизона Тобрука. Плавсостава не хватало, и англичане использовали все, что попадалось под руку, даже самые тихоходные парусно-моторные суда. «Варшаве» не повезло. Вместе с двумя другими суденышками сна оказалась в одном караване, спутники ее развивали не более пяти узлов. 25 декабря 1941 года, идя вдоль берегов, тихоходный караван был атакован самолетами, а на следующий день, сразу после полудня, в «Варшаву» попала торпеда. Взрывом сорвало руль, орудие на корме и кубрик. Судно было взято на буксир, но вечером вторая торпеда окончательно добила мужественную «Варшаву».

Тем временем воздушное снабжение пустыни с подафинских аэродромов продолжалось. Каждое утро Георгий высылал донесение о вылете самолетов, а на следующий день — об их

возвращении, заостряя внимание центра «004» на значении такой постоянной формы снабжения танковых частей генерала Роммеля. По его предположениям, немецкие самолеты разгружались на большом аэродроме в Дерна. И вот, наконец, наступил радостный день — десять огромных «юнкерсов-52» не вернулись. Как оказалось, они действительно совершили посадку в Дерна после захода солнца, не подозревая, что аэродром уже захвачен передовыми частями индийской дивизии. Солдаты притаились среди обломков ранее поврежденных самолетов и поджидали, пока флотилия сядет, после чего в катящиеся по посадочной полосе «юнкерсы» полетели снаряды. Только двум самолетам удалось вновь оторваться от земли, из этих же двух только один, да и то в плачевном состоянии, вернулся в Грецию.

В этот период из многих портов и даже маленьких прибрежных городков поступали донесения о выходе в море мелких судов. Они брали с собой грузы, заботливо прикрытые брезентом, но удалось установить, что это были канистры с бензином, соляркой, смазочными маслами или же ящики с боеприпасами и запасными частями к танкам.

Выяснилось, что суденышки эти шли далеко за Бенгази, выгружая в тылах Африканского корпуса необходимые для армии запасы. Британские самолеты, подводные лодки и морские охотники уничтожали часть этих суденышек, но немцы правильно предвидели, что остальным удастся прорваться.

— Похоже на то, что Роммель готовится к контрнаступлению, — сигнализировал Георгий в Александрию, одновременно докладывая обо всем, что уже сделано на месте, чтобы помешать этой новой форме немецкого снабжения. Многие из суденышек были повреждены, команды других пообещали использовать в пути любую возможность бегства в Александрию, где постепенно собралась значительная часть греческого каботажного флота.

За это время число членов подпольной организации, помогавшей Георгию, возросло. Среди помощников Иванова выдвинулась целая группа прекрасных исполнителей диверсионных актов. Диверсии производились главным образом при помощи «угля» и «мыла», приводя в отчаяние ответственных перед оккупантами сотрудников, обслуживавших угольно-паровые установки, особенно на железнодорожных линиях. Однако запасы диверсионных средств стремительно таяли, а вместе с ними таяли и капиталы Иванова. Дошло до того, что ради экономии агент № 1 вынужден был ограничивать свои самые элементарные потребности, чтобы дать возможность диверсантам попасть к месту предполагаемой операции. Доктор Янатос

сначала продал свои золотые часы, потом подыскал покупателя и на свой дом, однако все возрастающая дороговизна поглощала и эти поступления. Центр «004» обещал, правда, высылку новых сумм, но операции просил не прекращать даже на время. К этому добавились новые трудности.

Как и раньше, у Кондопулосов возникла «проблема соседей». Попробуйте оправдать перед любопытными пребывание в доме неизвестного постояльца! Жена Кондопулоса заранее подготовила общественное мнение, заявив, что муж ее дожидается приезда своего племянника Андреаса, который должен прибыть с острова Андрос. В связи с этим Георгий быстро выучил все, что следовало знать об островах Андрос и Тинос в Эгейском море, его акцент можно было объяснить влиянием албанцев, которых много проживает в тех местах. Знакомство с иностранными языками можно было объяснить его работой в качестве портье крупного отеля «Мораитис» на Андросе. У Кондопулосов Георгия называли Андреасом, этим именем его звали и соседи, Георгию же приходилось называть супругов «дядей» и «тетей».

Тем не менее число лиц, знавших всю правду об Иванове, непрерывно возрастало. В течение пары месяцев он открылся семье Янатосов, братьям Лабринопулос, Апостолидису, полковнику Меласу, Папазоглу и так далее, Как-то, старательно подсчитав всех тех, кто знал о нем, Георгий пришел в ужас — более полусотни лиц, у которых нет ни малейшего сомнения относительно его имени и рода занятий. В конце концов с этим ничего нельзя было поделать, и единственным выходом было поспешное бегство, однако серьезной попытки выбраться из Греции агент № 1 пока не предпринимал.

И тем не менее в январе ему пришлось скрыться с глаз

соседей, которые начали угадывать в нем не кого иного, как самого легендарного Иванова. Новое убежище ему предоставила семья моряка Василиоса Малиополуса. Радиопередатчики и питание к нему тоже путешествовали с места на место. В этот период они особенно были нужны: центр «004» просил сообщать подробные сведения о немецких укреплениях на Марафоне, где начали строиться действительно солидные фортификации.

На маленькой карте Афин, с которой Георгий никогда не расставался, появлялись все новые и новые обозначения. В этот очень интенсивный, с точки зрения сбора разведывательных данных, период карманные блокноты исписывались за день или за два. Сведения в Египет передавались с различных мест, чтобы сбить с толку немецкие пеленгаторы. Многочисленные помощники непрерывно поставляли данные из портов — Пирея, Элефсиса, Навстатмоса. А после сеансов радиосвязи по ночам прилетали эскадры союзной авиации, затем вновь после каждого подобного налета таинственные радиостанции выходили в эфир: в Египет посылались донесения о результатах бомбежек.

Много внимания посвятил Георгий марафонским укреплениям. Один из знакомых Кондопулоса, некий Попадопулос, владелец строительной конторы, согласился ради общего дела приступить к работам в Марафоне. Флегматичный судовой механик Малиопулос фигурировал в качестве его помощника, а сам Георгий Иванов сделался специалистом по техническим расчетам, в случае же необходимости и переводчиком. Разрешение было получено, рабочие взялись за работу, и все пошло гладко, поскольку марафонские укрепления были укомплектованы немецкими офицерами и солдатами старших призывных возрастов. Выглядели они довольно почтенными, просто переодетыми в военные мундиры мещанами. В Грецию прибыли они недавно, афиш с портретом Иванова не видели, а молодого техника даже полюбили за шуточки и веселые карикатуры, которые он постоянно рисовал в блокнотиках, пряча неудачные наброски в карман. Георгий изрядно изменил свою внешность, окончательно сжившись с новым своим обликом Андреаса Кондопулоса, бывшего помощника управляющего отелем на острове Андрос. В Марафоне его не называли иначе как герр Андреа, когда он совершенно открыто составлял якобы необходимые для проведения земляных и бетонных работ схемы расположения укреплений, не забывая при этом условными обозначениями отмечать огневые позиции батарей и даже отдельно стоящие орудия. Позднее Георгий выпивал с немцами, распевал им немецкие марши, обучал анекдотам на нескольких языках. Когда же наступал час разлуки, с ним прощались как со

старым знакомым. По просьбе Георгия бомбежка авиацией участков марафонских укреплений была отсрочена на то время, пока строительное предприятие Попадопулоса не перейдет на другое место. Для афинян это был большой праздник, когда после мощных взрывов стало известно об уничтожении марафонских укреплений в ходе нескольких последовательных налетов.

Центр «004» опять передал благодарность и опять осведомился, когда же, наконец, агент № 1 намерен возвращаться, однако о способах вывоза Иванова не было и речи — вместо этого пообещали переслать несколько миллионов драхм. *«Доставит их Кети Логотети, разыскивать вас она будет через директора Шмидта в отеле «Гран-Бретань»,* — значилось в этом очень утешительном известии. Вся группа приободрилась, в счет ожидаемых поступлений были сделаны новые займы, работа закипела.

Англичане подчеркивали, что в наступающем «сезоне» на африканском театре военных действий их больше всего беспокоит все возрастающая мощь люфтваффе. В связи с этим внимание Иванова было теперь приковано к большим авиационным заводам в окрестностях Нового Фалирона, где итальянская компания Мальцинотти ремонтировала моторы, отработавшие свой срок, и собирала новые из поступающих из Германии частей. После монтажа отдельных блоков или даже целых моторов их высылали на Крит, где уже силами дивизионных механиков моторы устанавливались на самолетах. Остальные части готовых моторов отправлялись морем, а в более срочных случаях — воздушным транспортом, прямо на аэродромы в Ливийской пустыне.

Некоторые из участников этой новой операции потом утверждали, что Георгий вошел сначала с состав одной из групп, работавших на предприятиях Мальцинотти, именно той, которая переносила уже проверенные и опробованные моторы при помощи специальных тележек и блоков на корабли. Естественно, на этом этапе в моторы можно было подбросить уже известную нам «фасоль», «запарывающую» моторы приблизительно после часа их работы. Скорее всего так и было: вначале Георгий сделался рабочим на заводе, затем среди механиков и рабочих он организовал диверсионную группу и после этого ограничивался в своей деятельности только доставкой «фасоли».

Это была наиболее дьявольская по своим результатам и наиболее трудная для разоблачения диверсионная акция Георгия Иванова. Во-первых, «фасоль» забрасывалась в мотор уже после его опробования, на так называемой «погрузке», Когда у двигателя уже был технический паспорт, свидетельствующий о полной его исправности. Во-вторых, «фасоль» действовала не

сразу, а только спустя определенное время, когда самолет в большинстве случаев уже находился в воздухе. В-третьих, ради предосторожности не все моторы начиняли «фасолью», что поначалу заставляло немцев думать, что таинственные диверсии имели место скорей всего на Крите или на самом фронте, прямо в эскадрильях. Поэтому подвергали самому тщательному осмотру поступающие из Германии моторы, а в сборочных мастерских на Крите был установлен строжайший надзор. Несмотря на принятые меры, самолеты исчезали в море или грохались в песок пустыни, и долгое время никто не мог докопаться до истинных причин этих столь загадочных и массовых катастроф.

Завод Мальцинотти выпускал в день более 50 моторов. Это составляло полторы тысячи моторов в месяц, а за 4 месяца — около 6000. Если даже считать, что по тактическим соображениям известная часть их была пощажена диверсантами, все же следует, что жертвами диверсий оказалось от 400 до 600 немецких самолетов.

Как выяснилось позднее, действующие в Египте немецкие эскадрильи переживали все более возрастающий кризис. Он дошел до апогея во время осеннего английского наступления, когда немецкие аэродромы в пустыне роились от множества новых самолетов. Тогда-то и оказалось, что экипажи не могут доверять буквально ничему — ни моторам, ни горючему, ни смазочным маслам. Аварии, происходящие по неведомым причинам, стали кошмаром немецких летчиков, и с этим ничего не мог поделать главный эксперт генерал фон Валдау, специально присланный верховным командованием, ни даже сам фон Кессельринг, руководивший воздушными операциями немцев и итальянцев. Во время тщательных исследований причин аварий большинство экипажей люфтваффе почти бездействовали, тогда как самолеты королевских военно-воздушных сил непрестанно вылетали на боевые задания. Комментаторы сражения под Эль-Аламейном, подчеркивая эту особенность, никак не могли подобрать к ней соответствующих объяснений, хотя и признавали, что выигрыш решающего сражения и дальнейшее преследование врага были в значительной степени облегчены «параличом» люфтваффе.

Под конец и эта форма диверсий стала невозможной, по крайней мере в Новом Фалироне. Случилось как-то, что уже летом три отправляющихся в Тунис самолета получили свои моторы прямо на заводе Мальцинотти. И надо же так произойти, что именно эти моторы были предварительно «обработаны». Пилоты самолетов, длительное время находившиеся под страхом аварии, долго разогревали и пробовали свои машины. И вот все

три самолета буквально после старта грохнулись в море на глазах фалиронских рабочих.

Катастрофа такого масштаба не могла пройти незамеченной, она послужила сигналом всеобщей паники на заводе и началом яростных немецких репрессий. После пыток и полевого суда смертью храбрых пали десять фалиронских рабочих. Среди улик их диверсионной деятельности находились и зловещие зернышки, в которых немцы, к своему ужасу, узнали изобретение собственных химиков. И уж, во всяком случае, подозрительный «слесарь» в синих очках уже не мог показываться в Новом Фалироне; его теперь разыскивали по всей стране. Георгию вновь пришлось переменить внешность…

Тот, кто заставил содрогнуться Афины, Грецию и все вражеские штабы, праздновал свою нелегкую победу. Расхаживая по комнате, он время от времени потирал руки и запивал водой куски черствого хлеба. Наступили дни, когда хлеб составлял единственную пищу человека, которого оккупанты называли «врагом № 1» на Балканском полуострове.

В свободные минуты он обдумывал простой, легкий плакат с пропагандистским содержанием. На нем были видны летящие четырехмоторные бомбардировщики, а на первом плане сжатый кулак подымал большой палец в знак победы.

X
«ПАРФЕНИУМ»

Наступила прекрасная ранняя греческая весна. Вестниками ее по всей Аттике были алые, голубые и белые анемоны. А для Георгия с весной начался трудный период, ему вновь пришлось расстаться с квартирой. Пару ночей он проспал среди руин и скал, нетерпеливо дожидаясь связного. Сны ему снились тяжелые, зловещие, отравленные предчувствиями, а возможно, и опасным ароматом красивых, но вредоносных цветов. Анемоны раздражали его. Он предпочитал смотреть на парфениум. Как-то он сорвал один из этих нежных цветков и бездумно приложил к горящему лбу. Минуту спустя ему припомнилось, что по древнегреческим поверьям парфениумом лечили воспалительные процессы. Кажется, сама богиня Афина рекомендовала это лекарство Периклу, и, кажется, какой-то греческий каменщик, свалившийся с лесов при строительстве Пропилеев, был исцелен именно таким способом.

— Можешь спокойно возвращаться, — сказала хозяйка бывшего дома, найдя убежище инженера и помогая приготовить ему еду.

Тревога возникла опять из-за Апостолидиса, который после очередного допроса у гестаповцев разболелся и в жару принялся выкрикивать, что он не виновен, что страдает он из-за братьев Янатос и многих других, называя также Папазоглу и обоих морских офицеров. Однако, оправившись, Апостолидис поклялся, что ничего подобного он немцам не говорил, это пока подтверждалось отсутствием арестов или обысков. Тем не менее с этим беднягой нужно было что-то делать. «Убить», — посоветовал один из братьев Лабринопулос. Янатосы и Папазоглу возмутились таким решением и предложили выслать Апостолидиса вместе с семьей куда-нибудь в провинцию, но выполнить это не представлялось возможным из-за отсутствия денег.

Хозяйка принесла не только плохие вести. Так, она сообщила, что в Новом Фалироне операции продолжаются, приблизительно каждый третий мотор начиняется «фасолью». Донесения центру «004» отправляются регулярно. И вот еще какое-то новое предложение Каира относительно «М. С. 109».

Георгий с головой ушел в расшифровку текста, который требовал от него выполнения нового задания. Предыстория этого задания была связана с сообщением одного информатора, работавшего на побережье. Тот сообщил, что в греческих водах

появилось новое немецкое судно. Информация была подвергнута проверке, затем зашифрована и передана центру «004». Спустя какое-то время Георгий еще раз вернулся к этому вопросу и дополнительно сообщил, что указанное судно представляет собой подводную лодку, поставленную на причал не в обычном месте стоянки военных кораблей в Саламинском заливе, а пришвартованную в Скараманга, в Элефсисе, на некотором отдалении от Арсенала. *«На подводной лодке замечен опознавательный знак, состоящий из букв М и С, а также цифры 109. Повторяю: М. С. 109, —* гласила телеграмма Георгия, отосланная неделю назад. *— Похоже, что лодка поставлена на ремонт и отойдет, по-видимому, не скоро».* Казалось, что известие такого рода не может взволновать англичан. Однако все произошло наоборот…

Наступили первые мартовские дни — жаркая пора как в метеорологическом, так и в военном смысле. На далеком Тихом океане одна за другой рушились под натиском японцев англо-американские позиции, а на Средиземном море продолжалось единоборство авиации и флота борющихся сторон за два главных пути, скрестившихся в этом районе: Гибралтар — Суэц и Сицилия — Триполи, в первую же очередь — Мальта. В Северной Африке в любой день могло начаться новое контрнаступление генерала Роммеля, который спешно латал прорехи в людях и технике, накапливал боеприпасы и горючее. При создавшемся положении англичане больше всего интересовались регулярно выходящими из Пирея и Патр караванами судов. Но вот оказалось, что малоинтересное сообщение о незаметной, да к тому же еще и ремонтируемой подводной лодке очень взволновало англичан.

Вопросы относительно загадочной «М. С. 109» посыпались градом, после чего был получен категорический приказ принять любые меры для ее уничтожения. И сейчас Георгий расшифровывал депешу, призывающую агента № 1 вплотную заняться этим делом, расценивая его как главное задание.

Отправляясь в Скараманга, Георгий вновь изменил свою внешность. Офицер-подпольщик из греческой полиции снабдил его удостоверением моряка греческого торгового флота на имя Кириакоса Париссиса. С таким документом, в черной матросской робе и порядком потрепанных брюках, подстриженный ежиком и плохо умытый, Георгий мог и в действительности сойти за бродягу или моряка, выгнанного с какого-нибудь торгового суденышка. Информатор сопровождал его до места назначения, стараясь познакомить спутника с местностью, на которой предстояло ему действовать. Самое главное было найти

правильный тон при первом же разговоре с лейтенантом немецкого военно-морского флота, неким Адольфом Кингелем.

— Если сумеешь ему понравиться, он примет, если же нет — все пропало, — говорил грек, указывая дорогу к бараку, в котором размещалась администрация.

Кингель оказался довольно проницательным руководителем отдела найма рабочей силы. Вопросы его были меткими как с точки зрения профессиональной, так и с политической. Внимательно просмотрев удостоверение кандидата, он спросил:

— Можешь обслуживать дизельные моторы? Как ты поступишь при плохой подаче горючего?

Георгий ответил по-немецки, что, если говорить откровенно, он уж не такой особенный специалист. Он предпочел бы, например, место переводчика. Работа полегче! Да и вообще…

— До вчерашнего дня, — продолжал он, — я работал на судах… Но ведь все хотят жить, и уж лучше медленно подыхать с голоду, чем сразу утопиться… Если подыщете для меня что-нибудь подходящее, дайте знать…

Георгию хотелось произвести впечатление человека беззаботного, а возможно, даже имеющего за собой кое-какие грешки.

— Я люблю жизнь, — дерзко заявил он, подмигивая в глубь барака, где раздавался стук пишущих машинок, и протянул руку за удостоверением.

Немец задумался и придержал документ.

— Ты пойдешь туда, куда я тебя назначу, — строго сказал он. — Место получше будет позже. Ты откуда родом?

Следовало немного сбавить тон. Поняв это, пришелец выпрямился и почти по-военному доложил:

— Родился в Египте, возле Александрии, но выехал оттуда уже давно, потому что меня разыскивала английская полиция.

— Почему разыскивала? — спросил немец, незаметно приглядываясь к странному типу, явно подходящему для разных темных делишек.

В ответ бродяга только пожал плечами.

— А чего тут рассказывать, герр лейтенант? Честное слово! Когда тебе восемнадцать, много ли нужно для хорошей драки. Завелись из-за девушки с английским сержантом. А я люблю пожить. С греческим моряком в таких делах лучше не заводиться. Сам ведь виноват… Вот и пришлось мне бежать в Пирей. Было это еще до начала войны. А как началась война, так я уж решил за лучшее не показываться в Александрии и остался здесь. У англичан, сами знаете, руки длинные…

— Знаешь иностранные языки?

В ответ кандидат обрушил на него целый поток слов на греческом, французском и английском языках. Это были ругательства и соленые словечки, известные в портах всего мира. Немцу понравилась плутоватая наглость лжеморяка. Глянув еще разок в удостоверение, он уже более мягким тоном сказал:

— Немцы, Париссис, любят тех, кто их любит, хорошенько запомни это… Если проявишь себя, мы тебя не оставим без помощи. Пока что получишь место в цехе. Вижу, что ты хитрюга и лентяй, со временем направим тебя на более легкую работенку, а пока что придется тебе поработать и заслужить доверие. Понимаешь?

Скорее всего он думал о новом работнике как о будущем осведомителе, а пока что выправил ему пропуск и приказал проводить в цех. Так началась краткая карьера Иванова на предприятии в Скараманга.

Подводную лодку, действительно украшенную свеженамалеванным опознавательным знаком «М. С. 109», можно было спокойно осматривать во время обеденного перерыва, когда рабочие уничтожали свои скудные завтраки на свежем воздухе. Инженера поразили следующие три факта. Экипаж подводной лодки состоял из немцев, однако среди них вертелись три сухощавых итальянца с хорошо развитой мускулатурой и явно спортивной внешностью. Иногда они усаживались в моторную лодку и исчезали в направлении маленького островка Кирадес, откуда возвращались изрядно усталые, таща за собой на судно какие-то тщательно запакованные свертки. Когда Георгий помогал им, ему вдруг пришло в голову, что он имеет дело со своими коллегами — пловцами или с ныряльщиками, использующими в занятиях какую-то дополнительную аппаратуру. Но неужели сейчас, во время войны, находясь, по-видимому, в составе экипажа подводной лодки, они могли заниматься только спортом? Наверняка нет! Предупреждение капитана Саббата, переданное настырной Леной Караиани, превратилось в твердую уверенность. Сам Георгий, перебрасывая на территорию доков части магнитной бомбы, часто прятал их в песке или между грудами железного лома, и ему не раз приходили в голову различные идеи, например раздобыть где-нибудь легкий скафандр и специальные перчатки с ластами, что позволило бы ему достаточно быстро опускаться на нужную глубину. Идеи эти возникали в ответ на практические потребности. Магнитную бомбу следовало прикреплять к корпусу корабля по меньшей мере в метре или двух от поверхности воды. Кроме того, еще в Египте, во время тренировок, Георгий на собственном горьком опыте узнал, что не оснащенные

перчатками руки можно легко поранить о корпус судна, покрытый острыми ракушками и ржавчиной.

В свете подобных размышлений лодка «М. С. 109» могла служить в качестве средства транспорта для пары готовых на все аквалангистов. Перед глазами инженера предстала картина английских крейсеров и броненосцев, спокойно стоящих в Александрийском порту. Да, дело именно в этом — теперь он понял тревогу англичан и их требование ликвидировать загадочную подводную лодку и ее пассажиров.

Используя обеденные перерывы, Георгий незаметно собрал бомбу. Однако уже на пятый день он решил ускорить срок акции, потому что наступал один из гитлеровских праздников и почти вся команда отправлялась после обеда на берег. Место старта было высмотрено заранее, готовая к действию бомба, закопанная в песок, лежала неподалеку от помоста. После работы Георгий спрятался в корпусе старой, выпотрошенной моторной лодки, где решил дожидаться темноты. Он надеялся, что в связи с праздником часовые в воротах не сразу спохватятся, что один из сотен рабочих остался в доках. Притаившись в дырявом и тесном убежище, диверсант старался сдержать дрожь — наступал холодный и слишком ветреный для предстоящего купания вечер. Кроме того, ветер поднял изрядное волнение на море. Шум ветра и плеск волн как нельзя лучше помогут выполнению задания… Медленно тянулось время, Георгий еще раз продумал и распланировал все, начиная с первого шага в сторону воды и кончая бегством после установки мины.

…Наступила полночь, когда пловец выполз из своего укрытия, откопал мину, тщательно проверил взрыватель, прикрепил опасный груз на спине, сбросил и старательно закопал в песок брюки, а затем в одной рубашке и плавках, дрожа от холода, а еще больше от возбуждения, медленно погрузился в воду. На минуту Георгию показалось, что в воде теплее, чем на воздухе. Место старта он облюбовал неподалеку от лодки, но продолжал плыть по выгнутой дуге вдоль помоста, пользуясь его тенью и радуясь плеску волн, ударяющих в камни набережной и деревянные столбы. С момента погружения в воду Георгий высмотрел силуэт стоящего на палубе часового и уже затем не отрывал от него взгляда. Часовой был ему не опасен; оперевшись о поручни, он грустно глядел в сторону набережной. Кроме него, в доках никого не было.

Приближалась решающая минута. Вот уже над пловцом появился корпус подводной лодки, закрывая обзор, и только одна Малая Медведица дружески подмигивала спокойному миру. Ночь была очень тихая, без гремящих огнем английских налетов и

нервного блеска прожекторов. Немцы могли вволю наслаждаться праздничным отдыхом! Плывя все медленнее и осторожнее, бывший ватерполист не мог сдержать торжествующей усмешки. В двух метрах от корпуса лодки он набрал в легкие воздуха и нырнул, еще раз подумав о необходимости соорудить нечто среднее между перчатками и ластами. Напрягая под водой зрение, Георгий разглядел смутные очертания винтов и осторожно нащупал руль глубины. Именно здесь нашлось место, идеально подходящее для мины. Нырять вторично не пришлось — пловец быстро сорвал со спины смертоносный груз, приложил его к корпусу и убедился, что мина присосалась наглухо. У него нашлось еще несколько секунд для того, чтобы оттолкнуться от шероховатой поверхности лодки и медленно всплыть. Полярная звезда продолжала спокойно светить над головой. На палубе никого не было…

Составленный заранее и тщательно продуманный до мельчайших подробностей план состоял в том, чтобы благополучно возвратиться назад и укрыться в одном из укромных местечек, где и дожидаться прихода рабочих. Трудовой день начинался в шесть часов утра. Затерявшись в толпе, Георгий мог бы быть свидетелем взрыва, который согласно установке взрывателя должен был произойти в семь часов утра. Так было запланировано ранее, однако сейчас Георгий изменил свое решение. Следя за Полярной звездой, он взял направление чуть левее и принялся рассекать воды залива Элефсис, быстро удаляясь от Скараманга.

Давно Георгий не плавал с таким наслаждением. Ему казалось, что он опять отважный спортсмен, не имеющий ничего общего с тревожными делами войны. Проплыть пару миль в море он давно считал сущим пустяком, акул же в окруженной сушей воде залива, пожалуй, не могло быть. Он плыл размеренными, плавными движениями довольно быстро. Издалека поблескивали красные огоньки на высокой башне, иногда вспыхивали далекие отсветы от паровозов и фар автомашин на прибрежном шоссе, ведущем в Мегару. Пловец направлялся к этому городу, что без документов и одежды составляло большой риск, однако он предпочитал появиться голым на улицах Мегары, чем встретиться лицом к лицу с разъяренным Кингелем. Подсознательно, чутьем разведчика он чувствовал, что подозрения должны были пасть на него, может быть, именно потому, что он так понравился немцу. Раздвигая руками темную волну, Георгий обдумывал последствия своего приключения. Возможно, двигаясь вдоль берега, ему удастся добраться до Мегары, возможно, в купальнях на пляже ему удастся найти какие-нибудь лохмотья, забытые или

брошенные там… Удостоверение личности на имя Париссиса уже сослужило свою службу и могло спокойно гнить в песке на базе Скараманга, запасное удостоверение личности он взял с собой, храня его в прорезиненном мешочке, прикрепленном к плавкам. Он глянул на водонепроницаемые часы — до рассвета оставалось совсем немного времени. И тогда Георгий перешел на свой знаменитый кроль. Вдали от пристани ему уже не нужно было соблюдать осторожность. Да и кто в конце концов смог бы разглядеть дерзкого пловца, затерявшегося в центре большого залива в густом предрассветном мраке?..

Спустя четыре часа Георгий коснулся ногами грунта и осторожно вышел на берег среди скал и камней уже за Элефсисом, у подножья высокого берега, как бы вырастающего из волн и тянущегося в сторону Мегары. Он отыскал среди скал углубление и улегся в защищенном от ветра месте, достал из мешочка несколько конфет, пососал их, отдышался и решил немножко вздремнуть после пережитого напряжения. Далеко, за невидимыми отсюда Афинами, начало восходить солнце и золотить вершины гор на восточном горизонте. Ближе начинала голубеть вода только что пересеченного им залива, вырисовывался силуэт острова Саламин, и где-то там серела покинутая им база Скараманга. Напрягая зрение, Георгий мог уже разглядеть мол и стоящие подле него суда, среди которых должна была находиться обреченная на гибель лодка.

Георгий посмотрел на часы. 5 часов 15 минут. Оглядевшись вокруг, он подыскал себе более уютное местечко, устланное мягким песком, и почувствовал прикосновение первых лучей солнца. День обещал быть теплым, солнечным, возможно, и жарким. И тут отдых Георгия был прерван — по воде до него докатился звук взрыва. Быстро взглянув в сторону Скараманга, он увидел только стелющийся над помостом дым.

— Черт, слишком рано! — выругался он. — Хороши все эти бомбы, а часовой механизм и того лучше…

И тут до него дошло: хорош был бы он сейчас на совершенно пустой базе, лицом к лицу с немецкой облавой.

Теперь необходимо было самым срочным образом раздобыть какую-нибудь одежду. Возможно, розыски диверсантов будут вестись повсюду по берегам залива. Георгий решил подняться наверх, на скалы, и поглядеть, нет ли поблизости какого-нибудь селения, но тут раздался шум авиационного мотора. Был ли это разведывательный самолет или просто случайный полет, трудно было решить. На всякий случай беглец укрылся в расщелине. И, видимо, вовремя. Едва только скрылся самолет, как вдоль берега медленно прошла моторная лодка. Было видно, как с ее борта два человека внимательно осматривают в бинокли побережье. Наверняка это были те самые итальянцы! Самолет вновь вернулся

и стал низко кружить над скалами и селениями, а на близлежащем шоссе понеслись мотоциклы и автомашины. Со всех сторон! Переждав, пока эпицентр облавы переместится в сторону, Георгий взобрался на крутую скалу и прыгнул с нее прямо в воду, хотя высота прыжка и была поистине рекордной. Он решил проплыть еще несколько сот метров, до того места, где между шоссе и берегом стояло несколько окруженных заборами домов. Там можно было сыграть роль любителя утренних купаний — ведь ничего иного ему сейчас не оставалось, разве что попросить убежища в женском монастыре св. Иеронима, где еще раньше нашли себе приют несколько пленных англичан.

Позднее, вернувшись на одну из своих квартир в Афинах, беглец не очень распространялся о дальнейших своих приключениях в тот памятный день 15 марта. Сохранилась версия, что, встретив немца, он убил его, переоделся в немецкую форму и вернулся с попутной грузовой машиной, сидя рядом с шофером и минуя несколько проверочных постов на шоссе. Другие будто бы видели его — измазанного машинным маслом и угольной пылью — в роли помощника машиниста на паровозе, сбавляющем скорость у станции Пелопоннесской железной дороги. Третьим больше пришлась по душе версия о том, что Иванову оказал помощь рыбацкий катер поблизости от Мегары. А возможно, он, пока не стихли облавы, укрывался в монастыре св. Иеронима? Так или иначе, но после краткого отчета о том, что он переплыл залив Элефсис, Георгий умолкал и даже самым близким своим сотрудникам не рассказывал о том, как ему удалось выбраться из столь трудного и отчаянного положения. В этот период он все еще вел борьбу по чисто спортивным правилам: до сих пор ни разу не воспользовался ни пистолетом, ни типичным оружием диверсантов — кинжалом.

Что же касается пресловутой «М. С. 109», только позже догадались, что потопленная Георгием подводная лодка носила фальшивые опознавательные знаки. Намалеванные на борту буквы и цифры должны были ввести в заблуждение разведку союзников. В действительности же на дно пошла лодка У-133, которая должна была отправиться со специальным заданием, наверняка затем, чтобы подбросить в окрестности Александрии итальянских аквалангистов, снабженных точно такими же магнитными минами, которыми начинил ее Иванов.

Требования центра «004» относительно усиления диверсионной деятельности на море указывали на то, что в Африке готовятся к решительным действиям. Генерал Роммель требовал для своего корпуса подкреплений: танков, самолетов,

горючего. Из Италии один за другим выходили караваны судов — у английских самолетов, подводного и надводного флота хватало работы. Иногда крайне необходимые для армии Роммеля грузы приходилось отправлять по два-три раза, прежде чем они достигали места назначения. Кроме того, английская авиация непрерывно и во все возрастающих масштабах бомбардировала порты отправления в Италии и Сицилии, а также — и при этом наиболее интенсивно — Триполи и Бенгази, где производилась выгрузка. Поэтому немцы все чаще стали использовать греческие гавани. Кроме того, нельзя было допускать, чтобы, например, греческий морской охотник или истребитель служил немцам. В данном случае речь шла о великолепном греческом боевом корабле «Василефсе Георгиосе», иначе — «Короле Георгии». Этот истребитель водоизмещением более 1400 тонн и скоростью в 37 узлов был построен на шотландской верфи. Немцы в начале войны потопили его во время одной бомбежки, позднее подняли со дна и ввели в доки Арсенала, где долгое время ремонтировали корабль, но уже 21 марта 1942 года судно было официально включено в военно-морской флот Германии, сначала как «Z. G. 3», что означало «Церштерер Грихиш 3», а позднее под названием «Гермес».

Итак, еще в марте за Саламинским проливом в бывшем морском арсенале греческого военно-морского флота, или в Навстагмосе, как его называли сами греки, велись какие-то крупные работы. К работам этим — починкам и ремонту — нельзя было относиться пренебрежительно. С момента вторжения оккупантов на территорию Греции прошло уже десять месяцев — время, достаточное для поднятия затопленных судов и кораблей. Разведка доносила, что по меньшей мере три из затопленных ранее кораблей были введены в доки; пройдет еще месяц, и тающему немецко-итальянскому флоту на Средиземном море придет новое пополнение…

На этот раз получить нужные пропуска и удостоверения оказалось делом весьма сложным, однако тут пригодились отличные рекомендации, выданные комендантом марафонских укреплений. Попадопулос и его мнимый племянник брались за любые поручаемые им работы по ремонту судов, очистке набережной и водного бассейна от различного лома. Вторая часть работ была особенно изнурительной — последствия сначала немецких, а затем и английских бомбардировок ликвидировались кое-как и наспех. Особенно заинтересованы были немцы в очистке территории от всяческих обломков и железного лома, которые мешали даже самым мелким судам пользоваться доками. Для выполнения хотя бы части этих работ Попадопулос и его

помощник перебрались на остров Саламин, где младший из них безустанно нырял для подсчета кубатуры лежащих на дне развалин, старший же наблюдал за работой механиков, слесарей, столяров и маляров или вербовал в Пирее и на Саламине рабочих, а также торговался с немцами за каждый пункт нового договора. Немцы с восхищением следили за смелыми подвигами молодого техника, а с главой «фирмы» вскоре пришли к обоюдному согласию, не слишком заботясь о том, сколько драхм по их приказу и от их имени выплатит марионеточное афинское правительство. Все эти работы продолжались вплоть до того времени, когда, наконец, отремонтированный «Король Георгий» не отправился в Пирейский порт, где принял на борт недостающий комплект команды, а также сотни две летчиков и немецких парашютистов, возвращающихся на Крит.

…Георгий никогда не раскрыл тайны, где и когда удалось ему прикрепить «Королю Георгию» свою знаменитую магнитную «черепаху». Во всяком случае, «Король Георгий» затонул от взрыва, вместе с ним погиб также и итальянский морской охотник, который шел следом за судном в качестве эскорта. Греция торжествовала!..

Только после катастрофы выяснились некоторые обстоятельства. Прежде всего специальные комиссии установили, что ремонт судна чрезмерно затягивался, однако каждая такая оттяжка получала свое обоснование, а трижды проведенные пробные рейсы обнаруживали все новые и новые недостатки, которые соответствующим образом заносились в протоколы. Таким образом, помимо загадочного исчезновения двух предпринимателей, трудно было утверждать, что здесь имели место саботаж или диверсия. Тайна гибели корабля так и осталась неразгаданной… Немцы приписали ее деятельности вражеской подводной лодки, которой, по-видимому, удалось пробраться в окрестности порта. Подобные случаи уже имели место, да и к тому же в итальянском флоте уже имелись специальные команды ныряльщиков, предназначенных для подводных рейсов к английским базам. Что могло помешать англичанам использовать это же средство в борьбе с противником? И все же, несмотря на подобные соображения, в воздухе витала тень незримого саботажа. Несколькими месяцами спустя «Король Георгий» был вновь поднят немцами и отремонтирован. Окончательно он погиб под английскими бомбами только 7 мая 1943 года недалеко от тунисских берегов…

После своего второго подвига Георгию Иванову пришлось на некоторое время вновь вернуться в Афины, так как повышенная бдительность немцев и итальянцев делала его дальнейшее

пребывание на побережье довольно рискованным занятием.

Он вновь поселился у Кондопулосов, где заботу о нем возложили на себя жена Кондопулоса и ее племянница Деспина. Иногда он возвращался простуженный и кашляющий, со сбитыми в кровь ногами, выпачканный в грязи и усталый до невозможности, но чаще всего — сияющий от счастья, как бы после хорошо выполненного задания. Женщин пробирала дрожь, когда Георгий в хорошем настроении, проходя мимо немецких или итальянских солдат, шутливо цеплял их, то предлагая папиросу, то, наоборот, прося у них закурить или же рассказывая им анекдот.

Поражала его выдержка. Как-то он сидел с девушками на лавке перед входом на радиостанцию в Запионе, которая давно вызывала у него большой интерес. В эту минуту проходящие мимо итальянские охранники заговорили:

— Глянь-ка, у него две красивые девушки, а у нас ни одной…

— Зато у вас два пистолета, а у меня ни одного! — крикнул Георгий им вслед по-итальянски.

Солдаты обернулись, и произошел обмен замечаниями, шутками, папиросами; немного позже новое знакомство помогло Георгию пробраться на радиостанцию и совершить там небольшую диверсию…

В другой раз друзья остолбенели: на месте встречи агент № 1 сидел на скамейке, ведя оживленнейший спор с двумя немецкими солдатами. Вообще Георгий выработал новую тактику поведения — по отношению к оккупантам он стал эдаким добродушным и беззаботным товарищем, настоящим благожелателем, как бы совершенно позабыв о том, что за его голову назначена полумиллионная награда, теперь, кстати сказать, еще больше увеличенная…

Так проходила весна 1942 года — весна голодная, жаркая и безнадежная для страны. В это время Георгий совершил еще одну рискованную диверсию. Подпольщики из Пирея сообщили ему, что испанское транспортное судно «Сан-Исидор» загружается ящиками с боеприпасами, в последнюю минуту оно должно принять на борт также и живую силу. Стоящий у набережной в течение дня пароход на ночь отводился на середину бассейна, по-видимому в целях безопасности. Почти с каждой из подходящих к заливу улочек можно было вплавь добраться до корабля, если бы этому не мешали лежащие на воде полосы света и отблески портовых огней. Вода в заливе была полна мусора, мазута и нечистот, но Георгий махнул на все это рукой и выбрал наиболее удобное место, с которого можно было бы легко стартовать. Одновременно Георгию пришлось следить за тем, чтобы не

напороться на морской патруль. Георгий быстро спустился по железным скобам набережной к воде, осторожно опустился в воду, осторожно поплыл и еще осторожней нырнул в тени высокого борта парохода. Видимость была настолько плохой, что ему пришлось все делать на ощупь. Георгий сорвал с груди «черепаху» и прицепил ее прямо над самым винтом, после чего, соблюдая такие же меры предосторожности, вернулся на берег. Неприятную минуту он пережил только тогда, когда на набережной, у самой таможенной будки, столкнулся с какой-то насмерть перепуганной парочкой.

— Не удивляйтесь, — успокоил он их, — мне пришлось слазить в воду, потому что где-то здесь я потерял дорогую удочку…

Вернуться в Афины он уже не решился и просидел до утра в театральном дворе среди груды старых декораций. Грязный, как последний бродяга, он наблюдал, как «Сан-Исидор» под фалангистским флагом взял курс в открытое море. На этот раз бомба была поставлена с большим допуском…

…От «Сан-Исидора» немецким морским охотникам удалось выловить одного-единственного члена экипажа — болтливого капитана, который проговорился о грузе судна и времени его отправления. В портовых кафенионах о нем рассказывали потом, что приключение в греческих водах начисто отбило у него охоту к морской службе и что в Испанию он уже вернулся по суше…

— Меня не будет дней пять, — заявил как-то Георгий перед очередным своим исчезновением из Афин. Как всегда, он был спокоен и сдержан, но хозяева заметили в его лице новое выражение. Он как бы ожидал чего-то необычного. И действительно, агент № 1 принял рискованное решение, которое придало ему энергии. Дело в том, что он решил предпринять молниеносную поездку в Салоники.

Центр «004» имел там своего агента, однако при царящем в эфире хаосе тот никак не мог наладить связи с Каиром, а тем временем англичан очень интересовал порт Салоник и аэродром Серее. Таким образом, еще один категорический запрет командора Болби — «не показываться в Салониках» — перестал играть роль. Наоборот, Георгию дали понять, что только он один в состоянии наладить эту столь необходимую связь с Салониками. В решении ехать в Салоники сказалась и страшная тоска Георгия по матери, хотя он ясно себе представлял, чем это может для него обернуться.

…Георгий отправился в Салоники с удобствами, в спальном вагоне, с самыми надежными документами, в офицерском мундире, перед которым греки испуганно расступались, а

железнодорожная жандармерия лихо щелкала каблуками. Несмотря на это, путешествие было довольно рискованным предприятием из-за вполне определенного сходства между мнимым офицером и разыскиваемым диверсантом. Но, с другой стороны, Георгий на собственной практике убедился, что легкий грим, а особенно немецкий покрой делают его совершенно иным даже для знакомых. Рослый, светловолосый, с холодным взглядом, вызывающе пренебрежительным по отношению к окружающим, он прекрасно играл роль одного из миллионов гитлеровских «сверхчеловеков».

Комната для него была заказана по телефону из отеля «Гран-Бретань». В отель «Медитерране» он входил с легким страхом, поскольку здесь он бывал много раз еще во время работы на польском эвакопункте и его могли узнать многие из обслуживающего персонала. Однако Георгию было дано недвусмысленное указание, что контакт следовало установить именно здесь. С облегчением Георгий убедился в том, что служащие в отеле были теперь новые: он впервые видел лифтера и коридорных. Персонал наперегонки соревновался в поклонах перед немецким мундиром и и исправно давал нужную информацию на немецком языке. Только позднее выяснилось, что предназначенный для офицеров Третьего рейха отель обслуживался специально проверенными людьми, присланными сюда из Германии и Австрии. Из греков здесь оставили только одну особу — царящую в баре мадам Калиопу. Мнимый офицер с явным облегчением отослал прислугу и, заперев дверь на ключ, вздохнул несколько свободнее.

Распахнув створки окна, он увидел салоникский залив, повитый ранним утренним туманом. В направлении мыса видимость была лучше, и Георгий, взяв бинокль, быстро высмотрел силуэт родного дома, а потом и соседской виллы. Увидел, что на террасе полощется развешенное на ветру белье, а выходящие на море окна распахнуты. Сын долго дожидался, не покажется ли в каком-нибудь из этих окон фигура матери, а затем перевел бинокль на залив. Вода в заливе лежала идеально гладко, мгла затушевывала очертания далеких волн, но в стороне, ближе к югу, солнце разогнало утренний туман, и там были видны подымающиеся в воздух и идущие на посадку самолеты. По-видимому, здесь велось обучение новых экипажей люфтваффе. «Я им покажу учения!» — зловеще проговорил стройный немецкий офицер, еще раз внимательно оглядывая залив.

В дверь постучали. Это была известная всем Салоникам мадам Калиопа из бара. У Георгия по спине побежали мурашки, когда она осведомилась у него о дороге, хорошо ли он спал и что

он желает на завтрак. Она, конечно же, сразу узнала его. Не предаст ли?

— Здесь был Пандос, сразу же после твоего побега… — прошептала она. — Ходил к вам… Вам туда нельзя…

— А что с Пандосом? — спросил Георгий.

— Исчез. Наверное, проходит обучение у немцев. Я сейчас приведу к вам нашего друга. Говорить здесь можно, не опасаясь, в комнате нет аппаратов для подслушивания.

«Другом» оказался английский сержант, который никак не мог справиться со своим радиопередатчиком. Георгий сначала от своего имени вызвал Каир, а потом, сверив еще раз позывные и волну, передал рацию сержанту. Прошло не более полусуток, как загудели далекие моторы, а с окружающих Салоники возвышенностей ударила немецкая зенитная артиллерия. На учебном военном аэродроме Серее в небо взвились клубы дыма.

«Все бомбы легли на цель», — мог теперь доложить Георгий.

Под утро следующий воздушный налет, более мощный, чем первый, разрушил до основания ангары, машины и взлетные полосы. Англичанин моментально свернул свою станцию, и они расстались. Теперь, когда новое задание было выполнено, Георгий не мог отказать себе в удовольствии заглянуть в родные места. Может, это было и неосторожно, но тоска оказалась сильнее благоразумия. Ноги сами понесли его по длинной улице до поворота на Маврокордато. Подле еще запертой угловой лавки с продовольствием и зеленью Георгий приостановился, глядя вниз, на знакомые два ряда домов, за которыми уже просвечивало синее море.

Это был слишком ранний час, и сын даже не мечтал увидеть кого-либо из семьи, а тем более мать. Он полагал, что дома все еще спят. Тем временем пани Леонардия после ночных налетов, которые подняли на ноги все Салоники, заснуть уже не могла. Побродив по комнатам, она вынесла из дома ведро с мусором, потом, выйдя на террасу, стала смотреть на все еще подымающиеся над аэродромом клубы черного дыма. Затем она вспомнила, что за повседневными делами совсем забыла о церкви. «Еще успею», — подумала она о заутрене у монашек и, отыскав ветхий молитвенник, тихо, чтобы не будить спящих, вышла из дома. Георгий был так растроган посещением родных мест, что не сразу заметил мать, а увидев ее, не поверил своим глазам. Горячий туман застлал ему глаза, он повернулся и пошел в обратную сторону. Мать даже и не взглянула на высокого, стройного немца, вдруг неожиданно ссутулившегося у нее на глазах…

После того как в Афинах была смонтирована четвертая радиостанция, Георгий Иванов доложил ее кодовое название: «Парфениум». Каир подтвердил получение радиограммы и запросил, что же, собственно, означает это слово. «Цветок, приносящий облегчение», — радировал в ответ Иванов.

XI
СИГНАЛЫ

«Свидание» с матерью, чувство удовлетворения от хорошо выполненного задания — все это укрепило энергию Георгия в самый трудный период его деятельности, когда надвигающееся лето готовило новые большие события. В Афинах Георгий застал депешу с требованием обратить особое внимание на порт Патры и острова архипелага. В Патрах немцы собрали огромные запасы горючего и боеприпасов, используя под складские помещения даже госпитали и госпитальные суда; на Кикладах и Спорадах оккупанты мобилизовали целую флотилию парусных лодок и мелких шхун, на которых они собирались перебрасывать в Африку необходимое генералу Роммелю снаряжение. Георгий снова направил запрос: когда же, наконец, состоится его переход на польскую службу, одновременно сообщая об абсолютном отсутствии денег, так как обещанная Кети Логотети с ее пятью миллионами драхм оказалась неуловимой. Тем временем сам он готовился в путь. Путешествие это предполагалось как некая инспекторская поездка по проверке диверсионных агентур, но на всякий случай агент № 1 взял с собой две «черепахи» и запас динамита. На этот раз он отправился не по суше; имело смысл попробовать морской жизни, а заодно и поближе познакомиться с положением в Коринфском канале, который давно уже «просился» на какую-нибудь крупную диверсию.

Георгий ехал под видом моряка, снабженный новыми документами, на большой парусной лодке. Они вышли из Зеа в Пирее при легком вечернем бризе. Маршрут был хорошо знаком, и Георгий с удовольствием выполнял несложные матросские обязанности. Как в давно прошедшие дни, он радовался морю, солнцу, соленому морскому ветру. Однако мечты о какой-либо диверсии на Коринфском канале оказались напрасными — ночью никаких лодок в канал не пропускали; агент № 1 мог только издали любоваться лакомым куском — знаменитым мостом, соединяющим Аттику с Пелопоннесом.

«Здесь нужно действовать не с моря, а с суши», — решил он утром, глядя, как в пятидесятиметровой вышине над ними проплывают тяжелые балки моста. Однако он все же попросил, чтобы его высадили на берег в пятидесяти километрах от цели, в плохо охраняемом немцами небольшом порту Эйон, откуда по всему миру перед войной расходились транспорты со знаменитым коринфским изюмом и который теперь совершенно

опустел.

Отсюда Георгий направился к Патрам, радуясь возможности еще раз побывать среди убогих полей, голых гор, под солнцем и ветром. Шоссе проходило по обрывистым склонам горы Видиа. Справа голубело море, слева рассыпались по склону бесчисленные крестьянские поля, еще выше под порывистым морским ветром шумели деревья. С динамитом в мешке и с пистолетом в кармане путешественник чувствовал себя уверенно, им овладело даже какое-то дерзкое веселье. В таком настроении он подошел к расположившейся на вечерний привал итальянской колонне машин. Шоферы собрались в хвосте, у самой последней машины, с кузова которой раздавали провиант; охрана толпилась здесь же, весело перекрикиваясь, готовясь к ночевке на свежем воздухе, а два офицера осматривали в бинокли великолепный пейзаж. Проходя мимо машин, Георгий несколько раз потянул носом воздух и произнес слово «бензин», после чего послюнил палец и определил направление ветра. «Нужно начинать с головы колонны», — подумал он.

Показались передние машины. Зайдя за одну из них, Георгий сунул руку в карман, как вдруг перед ним неожиданно вырос охранник.

— Дай папиросу, — нашелся Георгий.

— А ты ответь мне, как называется эта гора! — крикнул ему итальянец.

— Она называется, она называется вот как! — ответил Георгий и сильным ударом кулака свалил охранника наземь.

…Этой ночью он уже не мог идти по шоссе, приходилось по бездорожью пробираться к Риону, но еще добрых два часа позади раздавался страшный грохот взрывов, а зарево над горящей колонной провожало его своими отблесками до самого горизонта. Георгий догадался, что на грузовиках, помимо горючего, была взрывчатка.

В Патры он пришел только к вечеру следующего дня и еще до захода солнца успел осмотреть указанный ему объект. Оказалось, что самым крупным судном, стоящим в порту, был небольшой корвет. Георгий испытал даже некоторое разочарование, потому что, судя по присланной из Александрии депеше, можно было подумать, что речь идет о большом военном корабле. Очень скоро все стало на свои места: команда корвета напропалую хвасталась тем, что им удалось потопить английскую подводную лодку. Рядом с корветом белели борта госпитального судна. «Ни одного раненого на судне нет, — сообщил Георгию связной патрской подпольной организации, — его целиком загрузили танками и боеприпасами».

Сразу же было принято решение использовать обе имеющиеся «черепахи», что и сделал Георгий после очередного заплыва. К сожалению, изготовленные в Афинах мины оказались слабыми, и оба судна, вместо того чтобы затонуть, отделались повреждениями. Правда, паника среди немцев и итальянцев поднялась страшная, а все население города вышло порадоваться виду наполовину затопленных и накренившихся набок судов. Георгий же просто места себе не находил от ярости. Ведь не затем он совершил рискованное путешествие к Патрам, чтобы результаты диверсии оказались столь незначительными. Георгий припомнил теперь предупреждение одного из подпольщиков, который в очень осторожной форме намекал, что лучше было бы взять ведение денежного хозяйства из рук Панделиса Лабринопулоса, который и производил расчеты с изготовителями «черепах». «Хорошо еще, что запасы «фасоли», используемые в Новом Фалироне, были привезены, — с горечью думал Георгий. — В Греции в погоне за прибылью умудряются подделывать даже секретное оружие…»

Патры были важным стратегическим пунктом, в котором, к сожалению, никак не удавалось наладить работу агентуры. Только теперь, когда Георгий лично ознакомился с местной организацией, обнаружилось, что подбор сотрудников на основании их довоенной репутации в новых условиях вещь довольно рискованная. Представители зажиточных слоев общества вообще не любили рисковать жизнью, кроме того, в мирное время на поверхность чаще всего выбиваются люди ловкие, беспринципные, умеющие приспосабливаться. Сейчас же Георгию нужны были смелые, преданные делу люди, молчаливые и инициативные. Одного из них он нашел сразу же — им оказался подпоручик Делиос Панос; как раз он-то и помог Георгию повредить оба судна. Агент № 1 в течение почти двух недель знакомил его с секретами современного военного саботажа, условился с ним о коде, которым они должны будут пользоваться для связи, — в будущем он рассчитывал снабдить смелого молодого человека радиопередатчиком и шифром, чтобы тот мог непосредственно сноситься с египетским центром, когда Иванов покинет Грецию.

Пребывание в Патрах подходило к концу, когда одна из местных подпольных организаций сообщила, что из Афин должен прийти поезд, груженный боеприпасами. Диверсия на железной дороге давала возможность окончательно нагнать страху на оккупантов, и без того уже обеспокоенных предыдущими акциями. Кроме того, Георгию хотелось показать Паносу, как нужно закладывать мины на трассе. Вдвоем они отправились на

маленькую железнодорожную станцию, куда добрались часа в два ночи. Взятыми у железнодорожников ключами они развинтили рельсы, после чего Георгий довольно подробно продемонстрировал подпоручику, как закладывается заряд и как следует маскировать разрыв в рельсах заранее подготовленными полосами темного картона. Поездка была неудачной, поскольку поезд не появился ни в назначенное время, ни позднее; только около десяти часов утра показался паровоз с контрольным вагоном. По-видимому, кто-то уже успел поднять тревогу, машинист ехал медленно, а перед развинченными рельсами остановился. Не слишком расстраиваясь, диверсанты вернулись в Патры и под видом рабочих проникли на аэродром, где спрятались от глаз охраны, а с наступлением темноты подожгли транспортный самолет, подготавливаемый к рейсу в Северную Африку. Попутно удалось взорвать двадцать бочек «роммелевского» бензина…

Подпоручик Панос заверил отъезжающего шефа, что он по назначению использует каждый кусочек из оставленного ему динамита и каждую зажигательную гранату. И действительно, после визита Иванова диверсии в районе Патр оживились настолько, что это с благодарностью отметил центр «004». К сожалению, Паносу было трудно подыскать достаточное число надежных помощников и за многое ему приходилось браться самому. Однажды он был выслежен и арестован итальянскими карабинерами в подвале, где печатал подпольную газету. Известие об этом привез в Афины один из соратников Паноса. Журналисту Стефаносу Паносу, который тяжело перенес известие о гибели брата, Георгий говорил:

— Этиенне! Наступит день, когда мы все вместе возложим венок на могилу Неизвестного солдата на площади Конституции в Афинах. Тогда мы будем горды тем, что выполнили наш долг перед страной, цивилизацией, свободой.

Это было время усиления немецких репрессий, о которых все время доносили из Польши, каждая весть о совершаемых немцами злодеяниях на родине тотчас же ставила Георгия на ноги, даже если он валился с ног от усталости. Он говорил себе: «Это вам за Освенцим!», «Это за расстрелы на улицах и облавы!», «Это за замученных братьев!», «За Варшаву!», «За сожженные польские деревни!»

…Воспользовавшись любезностью уже знакомого хозяина парусной лодки, Георгий решил отправиться на остров Наксос, где его дожидалась маленькая подпольная организация, руководимая бежавшим из плена английским сержантом и

дезертиром из итальянской армии. Англичанин был женат на гречанке, уроженке Кипра, и хорошо говорил по-гречески; дезертир оказался далматинцем, а следовательно, ярым противником гитлеризма, фашизма и вообще немцев и итальянцев. Втроем они развили бурную деятельность между расположенными близко друг от друга островами Наксос, Парос, Тинос, Андрос и другими вплоть до Эвбеи, собирая много ценных для англичан сведений. Наконец пришел долгожданный день, когда на острове Парос была готова флотилия, состоящая из нескольких десятков мелких суденышек. Все эти парусные лодки, катера, шхуны глубоко сидели в воде; они были тяжело загружены, даже на палубах везли покрытые брезентом ящики с боеприпасами и бесчисленные канистры о бензином и смазочными маслами для Африканского корпуса Роммеля. На каждом из суденышек были размещены по три не очень уверенно чувствующих себя немецких солдата; хозяева лодок расхаживали с битком набитыми бумажниками, но их лица были озабоченными, — все только и дожидались команды, чтобы поднять якоря. Где-то в пути к ним должны были присоединиться корабли конвоя.

Как назло, последняя ночь перед отплытием выдалась тихая, лунная, теплая — так обычно бывает в Греции в летние месяцы. О том, чтобы незаметно подплыть к сгрудившимся в кучу суденышкам, не могло быть и речи — в зеркале залива отражалась каждая звезда; кроме того, люди на палубах не спали, да и на берегах залива было множество любителей ночных прогулок. В подобном положении Георгий предложил единственно возможный вариант. За пару золотых, которые были у него припрятаны на черный день, он приобрел старую лодку, погрузил на нее несколько купленных у немца канистр с бензином и заранее заготовленную петарду с фитилем. Под утро, когда видимость ухудшилась и со стороны моря повеял легкий ветерок, трое диверсантов подожгли фитиль и пустили лодку в сторону флотилии. Теперь вся тройка бросилась бежать, однако Георгий остановился на склоне горы среди руин римского театра и принялся наблюдать.

…Лодка незаметно приближалась к судам, сначала не вызывая никакого интереса. Оставалось каких-нибудь пятьдесят метров. Георгий еще раз прикинул длину фитиля, расстояние и силу ветра, как вдруг их плавучая бомба озарилась яркой вспышкой взрыва.

— Преждевременно! — испугался Георгий. Еще через минуту до него докатился грохот взрыва, а затем крики, переходящие в страшный шум и панику. Напрягая зрение, сквозь дым и пламя

Георгий разглядел удивительную вещь: пылающая лодка вдруг помчалась к судам, как бы притягиваемая таинственным магнитом. То, что произошло позднее, было похоже на праздничный фейерверк, сопровождаемый всеобщей паникой, как при землетрясении.

…Потом Георгий в одиночестве скрывался в древних мраморных карьерах вблизи монастыря Минас. Диверсанты договорились заранее, что каждый из них будет искать себе пристанище независимо от остальных. Убежище было выбрано Георгием из-за того, что рядом был источник; кроме того, здесь было сравнительно безопасно и даже какая-то добрая душа положила у родника десятка полтора черствых церковных булочек. Вечером четвертого дня Георгий рискнул выйти из убежища. Однако стоило ему только показаться среди людей, как его сразу же заметили итальянские карабинеры и, не обращая внимания на объяснения, повели к своему коменданту.

Теперь агента № 1 могло спасти только присутствие духа. Он попросил коменданта поговорить с ним наедине. Имея дело со старым сержантом полиции, Георгий прекрасно знал, как вести себя с такими людьми.

— Я не грек, — сразу же заявил он. — Sono ufficiale del esercito polacco… Я польский офицер. — И тут же вытащил несколько последних золотых монет и разложил их на столе. — Я борюсь с немцами, которых вы тоже не любите, — добавил он. — После того как будет выиграна война, польское правительство выплатит вам еще пятьсот суверенов, могу вам написать обязательство…

Пораженный сержант с большим интересом приглядывался к блестящим суверенам, потом начал осторожно задавать вопросы, наконец, на столе появилась бутылка вина.

— Невозможно, невероятно! — восклицал пораженный итальянец.

Так они проговорили часа два. Полицейский все еще колебался, но, наконец, и сам вынужден был признать, что в конечном счете война проиграна… Одним словом, Георгий Иванов направился в сторону Афин, обеспеченный не только хорошими документами, но даже и переодетый в форму итальянского карабинера.

В Афинах его ждало приятное известие: нашлась Кети Логотети, которая должна была вручить ему присланные из Каира пять миллионов драхм! Не теряя времени, Георгий решил идти за долгожданными деньгами.

— Не пойдете ли вы со мной? — спросил он доктора Янатоса.

Он приглашал с собой врача, поскольку хотел сразу же

передать ему всю сумму; кроме того, связная Логотети, кажется, была больна, и вся задержка произошла якобы из-за этой болезни. Вместе они пошли в сторону площади, где доктор Янатос остался ждать в маленьком скверике, а Георгий вошел в подъезд одного из близлежащих домов.

В отлично обставленной квартире его приняла уже немолодая женщина, которую можно было бы определить как «бывшую красавицу». Она оказалась здоровехонькой, очень уверенной в себе особой, но тем не менее вздрогнула, когда гость представился:

— Я — номер первый. Пришел к вам за деньгами. Мне говорили о пяти миллионах…

— У меня этой суммы здесь нет, — ответила хозяйка дома, пытаясь преодолеть замешательство.

— В таком случае где и когда? — спросил Георгий.

Она взяла карандаш:

— Сообщите мне ваш адрес, и я дам знать…

— Боюсь, что это невозможно, мадам.

— В таком случае я дам объявление в газетах, что у меня пропало удостоверение… Дайте мне какую-нибудь цифру…

— Хорошо. 4502, — ответил он. — Удостоверение номер 4502.

— А что это за цифра? — спросила она, записывая. Георгий заметил, что пальцы ее при этом слегка подрагивали.

— Это номер моего читательского билета в университетском читальном зале в Бельгии, — пояснил он. — А что мне следует предпринять, когда я увижу объявление в газете? И в какой газете вы дадите объявление?

— Придете за деньгами, — ответила она уже совершенно спокойно. — А объявление я помещу в газете «Проиа».

— Мне следует прийти сюда?

— Да. Дорога вам уже хорошо знакома. А кто вам указал этот адрес?

— Мои люди, — улыбнулся Георгий, — найдут в Афинах кого угодно… А что еще привезли вы с той стороны моря?

— Они вышлют за вами подводную лодку. Заверяю вас, — объявила связная.

— Хорошо. Я жду.

— А место уже установлено? — спросила она.

— Мы договорились об этом с командиром «Сандерболта». Он согласился со мной, что место я выбрал очень удачно.

— А, капитан Кроуч, кажется, отличный знаток своего дела, если уж он одобрил, то значит все в порядке!

По-видимому, мадам Логотети прекрасно знала фамилии

английских командиров.

Женщина записала что-то себе в блокнот, после чего заверила Георгия, что доставит деньги не позднее недельного срока. Только потом, уже продумывая разговор, Георгий Иванов понял, что он почти выдал свое настоящее имя. Если бы, например, Логотети работала на немцев, то достаточно было бы заказать короткий телефонный разговор с Бельгией, чтобы выяснить, какие люди перед войной пользовались в стране читательским билетом за номером 4502. Таким образом, он совершил неосторожный поступок, к счастью, не перед врагом, а перед сообщником, выступающим на одной с ним линии фронта…

Но была ли она действительно сообщником? Спустя некоторое время стало известно, что Логотети выехала из квартиры, не оставив никакого адреса. Объявление в газете тоже не появлялось, и Георгий снова обратился в Каир.

Вскоре был получен новый ответ из центра «004». Георгий помнил, что декабрьская телеграмма оставляла за ним право выбора: «Считаем, что следует решить вопрос о возвращении на базу». После того как в Каир было сообщено о публикации объявлении о розыске, центр «004» отправил к нему депешу почти категоричного содержания: «Ждем быстрейшего возвращения». А сейчас пришел уже формальный приказ: «Возвращаться». Но каким образом?

К этому времени относятся сведения о тесных контактах Георгия с организацией «Валасаки — Левриды», помогавшей греческим офицерам бежать на Средний Восток. Переброской людей через море занимались некоторые владельцы мелких судов, используя иногда и шлюпки для перевоза беглецов с одного суденышка на другое. Процедура эта была опасной, но, во всяком случае, если такое судно напарывалось на итальянский или немецкий патруль, оставалась еще какая-то возможность избежать суровой ответственности. В конце концов связь с островами была очень плохой, и находилось много желающих пробраться на родину подобным способом. Кроме того, и немцы и итальянцы нуждались в услугах подобного рода, чтобы перебрасывать своих агентов на палестинский или африканский берег. И тем не менее в случае с Георгием Ивановым положение было совсем иным: по всей стране были разосланы объявления о розыске «опасного преступника» — в крупных портах, маленьких прибрежных деревеньках был усилен контроль, устраивались самые настоящие облавы и засады, сотни арестованных допрашивались в первую очередь на предмет всяческих акций, связанных с деятельностью Иванова, кроме того, его фотография, хотя уже несколько засиженная мухами, украшала стены всех

административных учреждений оккупантов. Диверсанта спасало лишь то, что ему удавалось хорошо менять свою внешность.

И вот теперь Георгий приходил в ярость. Очередная депеша содержала официальный приказ: «Возвращаться». А как раз накануне один из судовладельцев, узнав, что ему предстоит везти Иванова, отказал в последнюю минуту.

— Я не хочу рисковать головой, — заявил он. — Разве что за два миллиона… — добавил он тут же.

При второй попытке ожидаемое судно не пришло. И так каждый раз что-либо мешало Георгию взойти на спасительный борт рыбацкой фелюги. То лодка не могла попасть в условленное место, то капитан отказывался брать неизвестного человека, а бывало, что Георгий становился жертвой шантажа и вымогательств. Лишенный возможности выехать на Средний Восток, он опять начал подумывать о Салониках. Там, в кругу семьи и старых друзей по клубу, ему бы свободнее дышалось, там он быстрее набрался бы новых сил. Иногда, особенно в перерывах между выполнением отдельных заданий, Георгий все чаще испытывал чувство полного одиночества. Тогда находили приступы тоски и нужно было огромное напряжение воли, чтобы преодолевать их. А преодолевать их было необходимо — это Георгий хорошо знал; нигде так настороженно и с такой настойчивостью не ожидали Иванова, как в его родном городе. Шеф местного гестапо, бывший пастор Лохер, часто говаривал своим сотрудникам:

— Пускай его ищут где угодно, тем временем он достанется только мне… Я старый пастор и умею разбираться в человеческой психологии… Подобно тому как преступник постоянно возвращается на место преступления, точно так же диверсант и шпион всегда старается найти новые силы среди своих родных…

К этому времени полицейские посты на улице Маврокордато были уже сняты, а тайным агентам строго-настрого было запрещено показываться поблизости. Наблюдение велось из окон и с террас соседних домов. К тому же Лохер считал, что беглец попытается проникнуть в дом со стороны моря, через ограду морского клуба либо с какой-нибудь рыбацкой лодки. Поэтому у нового жилища Ламбрианидисов разместили внимательных наблюдателей, которые каждый день подробнейшим образом докладывали обо всем, что им удалось увидеть или услышать. Но в размеренной жизни семьи Иванова не замечалось особых изменений и не видно было, чтобы кто-либо из них проявлял беспокойство. Несмотря на это, хитрый лис Лохер время от времени навещал семью — под предлогом осмотра коллекции картин он проверял все комнаты…

Раскрытие многочисленных радиостанций союзников, работавших под самым носом у оккупантов, становилось для немцев задачей первостепенной важности. Теперь уже не только людская молва приписывала Георгию Иванову большинство диверсионных актов, теперь уже и германская контрразведка видела пружину многих диверсий в деятельности неуловимого агента, который к тому же часто оставлял свои визитные карточки в виде металлических табличек с надписью «В. В. 13». В ходе предпринимаемых облав вылавливали мелкую рыбешку, тогда как крупная рыба уходила в неизвестные укрытия. Немецкая разведка доносила из Египта, что там все еще не появлялся Георгий Иванов, которого считали одним из наиболее опасных врагов Третьего рейха; поскольку же он не был ни убит, ни пойман, а диверсионные акты, имеющие один и тот же почерк, не прекращались, немецкая контрразведка приходила к выводу, что искать его следует в Греции, и скорее всего в самой столице.

— Мы делаем все, что в наших силах, — разводил руками глава афинского гестапо Эрнст, которому пригрозили немилостью. — Мы следим за домом его родителей в Салониках, расставили наблюдателей во всех значительных пунктах в Афинах, где только он мог бы показаться, выделили чуть ли не целый батальон агентов, специально подготовленных для этого задания, пытались даже пойти на риск и заманить его в ловушку… Но он слишком хитер и слишком осторожен!

А тем временем агент № 1 ничем этой аттестации не оправдывал. В доме, где он остановился, с ужасом убедились в том, что их жилец иногда выбирается на пляж или в глубокой задумчивости наблюдает за транспортом и пешеходами с террас уличных кафе, а при случайных знакомствах и разговорах забывает о самых элементарных правилах конспирации. Никто не подозревал, что над рассеянным «эмиссаром Каира» вновь нависла угроза финансового краха: его скудных средств не хватало не то что на выполнение диверсионных заданий, но и просто на жизнь. Денежная проблема была настолько серьезной, что рядом с ней казались мелкими все остальные заботы и опасения.

И вот наступили дни самого настоящего голода. Часто сменяемые квартиры оказывались неподходящими; их владельцы, поняв, в чем дело, просили опасного постояльца поскорее освободить жилье. Иногда и сам Георгий вовремя обнаруживал грозящую ему опасность. Чаще всего она заключалась в слишком любопытных соседях. В других случаях врожденная греческая проницательность и наблюдательность помогали сразу же обнаружить в загадочном пришельце сходство с разыскиваемым

Ивановым. Часто приходилось останавливаться на квартирах у бедняков, поскольку состоятельная публика в большинстве случаев уклонялась от риска, и тогда уже не могло быть и речи о каком-либо угощении, наоборот, хозяева сами ожидали помощи от своего, жильца. Один только вид голодающих детей приводил Георгия в угнетенное состояние, заставлял сжимать зубы, звал к действию. Он тут же отдавал хозяевам все, что у него было, а сам выстаивал длиннейшие очереди за раздаваемыми бесплатно порциями жидкой похлебки из фасоли и гороха.

«Я сейчас на положении арестованного, которому велят идти на свободу, но не дают ключей от камеры…» — невесело думал Георгий.

Одновременно с этим упорно приходили на мысль полученные еще в Александрии рекомендации: в случае осложнений при возвращении он должен не забывать о монастырях на Афоне. Там уже нашло себе убежище немало английских офицеров, а недавно и сам Георгий помог перебраться в те края английскому летчику, который выбросился с подбитого самолета на парашюте во время памятной бомбежки марафонских укреплений. Георгию сообщили, что летчику удалось пробраться на полуостров, и теперь он там дожидался прибыт во время войния подводной лодки, которая должна была его забрать. Однако Георгий хорошо знал, чтоы не так-то легко выделить подводную лодку для вывоза беглецов — им пришлось бы ждать месяцами, а может быть, и годами. «Брр!» — Георгий даже содрогнулся при одной только мысли о том, что ему придется погрузиться в безделье и спячку монотонной монастырской жизни. Ведь не ради же этого он взялся за столь сложные, требующие большой инициативы и энергии дела, чтобы вдруг оказаться без надежды на дальнейшую борьбу. Он охотно бы покинул территорию, пребывание на которой становилось для него все более опасным, но уехал бы отсюда только для того, чтобы продолжать начатую борьбу с фашизмом на другом участке фронта. Нет, он не намерен укрываться в одном из монастырей горы Афон!

Но бывало, что мысль о монастырском пристанище возвращалась к нему в периоды крайнего изнеможения, когда из-за отсутствия средств его самые лучшие намерения шли кувырком. Картины спокойной и беззаботной жизни среди монахов и отшельников вставали перед ним особенно часто в дни, когда Георгий чувствовал себя как затравленный зверь, которого загоняют охотники и гончие на лесной тропе. Здесь, в Афинах, в каждом прохожем мог таиться потенциальный предатель, каждое мгновение могло привести его к гибели.

Сначала чувство опасности как бы подстегивало энергию разведчика, пробуждало в нем бдительность и волю к борьбе, но с течением времени опьяняющее чувство риска и постоянной игры, в которой ставкой была жизнь, перестало оказывать на него возбуждающее действие. Происходило даже обратное — сердце, подобно мотору, постоянно работающему на форсированном режиме, начинало сдавать. Жить и работать на столь высоких оборотах нельзя без конца. Георгию необходим был отдых. «Мое положение сходно с тем, — думал бывший ватерполист, — когда спортсмен не знает меры в тренировках и играх». Но в спорте, однако, можно было проиграть один матч, здесь же речь шла о жизни. И все-таки Георгий верил в то, что ему будет отведена ведущая роль в создании «радиомоста» через Балканы в Польшу.

И вот теперь, когда опасность грозила ему со всех сторон, а возможность провала все возрастала, он оказался в безвыходном положении. Бежать с поля боя в затхлую тишину монастырской кельи — разве к этому он стремился? Оставаясь в Афинах, он просто по своему положению продолжал осуществлять общее руководство диверсионными и разведывательными действиями. К тому же в Грецию до сих пор еще не прибыл заместитель, а его нужно было вводить в курс дел и знакомить с характером отдельных звеньев. А пока что число лиц, знакомых с агентом № 1, угрожающе возрастало. На пляже, где он до этого спокойно купался и загорал, никому не известный, теперь на него указывали друг другу и шепотом говорили, кто он. И если раньше, ловя на себе восторженные взгляды, Георгий мог относить их на счет своего атлетического телосложения, то теперь он уже читал в них нездоровое любопытство и тягу к сенсации. Он становился теперь центром внимания и прекрасно отдавал себе отчет в том, какое именно любопытство он возбуждает; то один, то другой догадывался, что это не кто иной, как повсеместно разыскиваемый, неуловимый, ставший уже легендарным в Афинах Георгий Иванов.

А лето становилось все более жарким, жизнь все дорожала, а человеческая жизнь становилась все более дешевой в глазах оккупантов. Тысячи греческих евреев были вывезены на север, навстречу неизвестной судьбе; за тысячами греков, которые уходили партизанить в горы, отправлялись жестокие погони; сотни тысяч рабочих вынуждены были влачить жалкое существование. Греция наряду с Италией становилась базой для снабжения немецких войск в битве за Египет, а сами Афины превращались в центр гигантского заговора гитлеровцев, целью которого было поднять арабский мир на борьбу против англичан. Где-то в Тегеране или в Багдаде должны были сойтись половинки бронированных клещей: один поток армий направлялся через

Кавказ вдоль берегов Каспийского моря, второй нацеливался на Александрию, Суэц и Моссул, осуществляемый Африканским корпусом. Каждые несколько дней поступали сведения о появлении в Афинах таинственных эмиссаров со Среднего Востока — попадали они сюда чаще всего через нейтральную Турцию; высокие чины гитлеровского абвера и гестапо неожиданно съезжались в подафинские санатории на интимные конференции; с греческих аэродромов производились сначала пробные, а потом и массовые заброски немецких парашютистов с заданием повредить или даже полностью уничтожить гигантский нефтепровод, принадлежащий англичанам и идущий сквозь иракскую пустыню. Об одном из таких десантов радиостанция агента № 1 своевременно сообщила — несколько десятков немецких парашютистов, сброшенных у насосной станции в Хабании, наткнулись на сидящий в засаде батальон воинственных сикхов, которые перерезали их всех до единого. С того времени в иракской пустыне значительно упали в цене немецкие часы и симпатии к немцам…

«При создавшемся положении ожидаем от вас возобновления диверсионной деятельности», — пришла депеша из Александрии. «Каждый уничтоженный галлон горючего окажет нам огромную помощь», — таков был текст другого послания. Англичане, по-видимому, совершенно забыли об отданном ими приказе возвращаться. Расшифровывая по ночам срочные задания центра «004», Иванов уже давно научился по их содержанию и форме определять общее положение на африканском фронте. В периоды относительного спокойствия Каир довольно безразлично воспринимал донесения о диверсионных акциях, главное внимание обращая на регулярность поступления разведдонесений. Но стоило только положению в пустыне принять неприятный для англичан оборот, как сразу же сыпались просьбы, иногда явно невыполнимые, об усилении диверсионной деятельности.

Некоторые «работы» не были связаны с особой сложностью. Когда один из студентов дал знать Георгию о каком-то новом загадочном строительстве, предпринятом немцами в Аратосе, выяснилось, что речь идет о метеорологической станции, снабженной новой радиоаппаратурой. Георгий отправился на место, составил карту и план, вечером передал координаты англичанам, а уже на следующую же ночь точный воздушный налет ликвидировал этот опасный пункт. Предвидя, что немцы со свойственным им упорством возобновят строительство, Иванов поручил следить за этим делом студенческой организации. И вообще, среди афинской молодежи очень много шептали об

Иванове, о его роли и охотнее всего старались ему помочь. Так, когда потребовались люди для совершения диверсий на железной дороге в окрестностях Ларисы, свои услуги предложили несколько десятков добровольцев.

Георгий совершенно не старался распространить или хотя бы поддержать окружающие его имя легенды. Однако все, что он делал, расходилось в тысячах самых различных версий, вырастая в юношеском воображении до вершин героизма. Так, например, он лично отправился на бензосклад при одном из аэродромов только потому, что никому не доверял, когда речь шла о должном применении магнитной бомбы с часовым механизмом. Неумелое использование бомбы могло привести к нежелательным последствиям, а кроме того, секрет взрывателя с часовым механизмом должен был быть сохранен. Поэтому Георгий с двумя студентами, братьями Баркас, Ангелом и Мариносом, и в сопровождении проводника, хорошо знающего местность, отправились к аэродрому. Все прошло довольно гладко — в намеченном месте им удалось пробраться через жидкое проволочное заграждение, застать врасплох караульных, которые довольно небрежно относились к своим обязанностям, и прикрепить бомбы к ближайшей цистерне. Немного страху набрались диверсанты только тогда, когда огромные клубы пламени осветили всю округу и, конечно же, поставили всех на ноги. Все же к полуночи им удалось добраться до города и спокойно разойтись по домам. Диверсия казалась Георгию довольно банальной и несложной, но стоустая молва придала делу необычайный оборот, что еще более подняло популярность Иванова. Его повсеместно считали всемогущим, вездесущим и непобедимым противником оккупантов.

…В июне возвратилась на базу в Саламин немецкая подводная лодка У-81, о чем Георгию немедленно доложили. С ее прибытием обнаружилась довольно интересная деталь — команда У-81 вернулась в удвоенном количестве. Тайное расследование довольно быстро помогло разгадать загадку. Оказалось, что У-81 действовала вместе с подобной же лодкой У-652 в районе Эс-Саллума у африканских берегов, где обе лодки подверглись сильной атаке со стороны английской авиации. Глубинные бомбы так сильно повредили У-652, что пришлось, сняв экипаж, затопить ее.

— И пошел этот плавучий гроб на дно без нас, — радостно сообщали своим девушкам моряки с У-652. Иванов же передал шифровку:

«Поврежденная РАФ У-652 затоплена немцами подле

Эс-Саллума 2 июня, команда вернулась на У-81, поздравляю».

Больше всего хотелось Георгию повторить свой подвиг в Скараманга. С некоторым раздражением он узнал, что немцы подняли со дна подбитую лодку У-133 и приступили к ее ремонту. Напрашивался довольно простой вывод: диверсию выгоднее всего совершить именно тогда, когда судно будет готово к выходу в море, как это имело место с «Королем Георгием» или с испанцем «Сан-Исидором». Кроме того, немцы вели себя намного осторожнее и сведения о появлении подводных лодок приходили теперь с запозданием. Георгий в погоне за намеченной дичью уже два раза ездил с «черепахой», но в первый раз, прибыв в указанный ему пункт на побережье, ничего не обнаружил — лодка ушла в море.

— Была она там полдня, чего-то дожидалась, — оправдывался информатор, расстроенный и сам не менее Иванова.

На второй раз ночь оказалась слишком светлой для совершения диверсии. Наконец на помощь Георгию пришла чистая случайность. С «черепахой» в заплечном мешке агент № 1 еще раз направился в Коринф. Он надеялся, что ему все же удастся обмануть бдительность немецкой охраны и прикрепить к железному мосту свою бомбу, часовой механизм которой теперь был поставлен на длительный срок — приблизительно на сто часов. Однако в стороне моста никаких изменений не произошло, поэтому он решил уже возвращаться обратно, как вдруг на спокойных водах залива увидел характерный силуэт подводной лодки: она стояла на створе скалистого мыса Тикхо. Подняв голову, Георгий увидел надвигающиеся тучи — это сулило довольно темную ночь, как нельзя лучше подходящую для исполнения задуманного.

Сумерки застали его среди скал и камней в окрестностях Мегары, где в марте ему удалось так счастливо отделаться от погони. Довольно продолжительное время Георгий сидел не шевелясь, хорошо зная, что с палубы обычно внимательно осматривают берега в бинокли. Наконец, уже в полной темноте, он ступил в воду, вышел на глубину и быстро поплыл, рассекая надвигающиеся волны. Опасный момент должен был наступить где-то минут через двадцать…

Первая задача состояла в том, чтобы правильно определить расстояние, вторая — удержать нужное направление, третья — определить скорость, с которой он плыл. Опытный спортсмен, Георгий, однако, верил в свои силы, а каждая из бьющих в лицо волн подтверждала правильность его движения. Сверившись с

часами, Георгий убедился, что теперь он уже находится где-то в непосредственной близости от лодки. Он несколько снизил темп, боясь проплыть за кормой или перед носом лодки. «Было бы шуткой дурного тона, если бы они сейчас вдруг решили отправиться в путь», — с иронией подумал он, и тут же его рука коснулась стальной обшивки. Произошло это настолько неожиданно, что у Георгия взволнованно забилось сердце. Действительно, он очутился где-то возле носа подводной лодки.

Теперь Георгий уже не терял ни секунды и не выбирал наиболее уязвимых мест, он даже не слишком глубоко нырнул. «Черепаха» приклеилась в каком-нибудь метре от ватерлинии под левым торпедным аппаратом, по крайней мере так показалось ему. Георгий настолько был обрадован выпавшей ему удачей, что от волнения потерял ориентировку и почти до самого рассвета не мог найти место, где спрятал свою одежду и корзинку.

На следующий день высланный в окрестности Мегары наблюдатель узнал у рыбаков, что подводная лодка отплыла утром в южном направлении. Наверняка это была У-372, погибшая при загадочных обстоятельствах. Ею Георгий Иванов закончил список своих подводных подвигов в Греции.

После на редкость удачных диверсий в Новом Фалироне и в заливе Элефсис, после того, как благополучно удалось выпутаться из сложного положения на острове Парос после поджога флотилии лодок с бензином и боеприпасами, в деятельности Георгия наступил период некоторого спада. Удача, ранее сопутствовавшая ему, стала изменять. Теперь не все его предприятия проходили с прежним успехом. Так, например, получилось, когда он вторично направился на уже знакомый по прежним диверсиям аэродром. Поехали они втроем: Георгий с корзинкой, в которой динамит был прикрыт листьями салата, бывший полковник Мелас и жокей Валианос. Пробираясь уже в сумерках, они неожиданно наткнулись на офицера итальянских карабинеров в сопровождении двух солдат. Офицер крикнул им, чтобы они остановились. Иванов сделал вид, что не понимает, и пошел прямо на них. Обозлившись, итальянцы подняли крик. Спутники Иванова нерешительно остановились, затем повернули назад. Валианос уже успел подумать о своей матери и жене, как вдруг раздались три выстрела. Оглянувшись, жокей увидел, что итальянский офицер свалился на землю, второй солдат шатается, а третий удирает со всех ног. Георгий был совершенно спокоен и держал раненого под прицелом, но тот уже бросил оружие.

— А теперь бежим, — сказал Иванов.

На следующий день в газетах появилось сообщение, что

неизвестные террористы убили итальянского офицера и ранили солдата. Это только разозлило оккупантов, однако главная задача Иванова так и осталась невыполненной. В другой раз Георгий, направляясь к складам горючего в Маркопулоне, вместо «черепах», запас которых подошел к концу, взял с собой обычный заряд динамита с запалом и бикфордовым шнуром. Манипулировать с такой адской машиной было значительно сложнее: одна только необходимость поджигать фитиль в непосредственной близости от огромной массы бензина уже составляла большую опасность. Именно так и случилось: когда зажигали шнур, от страшного взрыва горючего погибли два лучших помощника Георгия, отважные братья Баркас. Сам Георгий, подстраховывавший братьев, тоже чуть было не погиб. От места взрыва его отделяло всего каких-то триста метров. Ему пришлось что есть мочи бежать напрямик по полю, в то время как огненные фонтаны, настигавшие его, целыми пластами выжигали траву вокруг…

Наконец пришла весть о скорой высылке подводной лодки за Ивановым — депеша была послана в начале августа 1942 года, однако больше никаких сообщений не поступало. Можно было только предполагать, что выделенная для этой цели подводная лодка погибла еще до рейса в греческие воды — немцы хвастались тем, что им удалось затопить в окрестностях Тобрука подводную лодку «Тор». Произошло это в августе, как раз в то время, когда Георгий ожидал точного указания места, откуда его возьмут на борт, — скорее всего с мыса на острове Эвбея.

В начале сентября новая депеша снова уведомила Иванова, что в самом ближайшем будущем он будет эвакуирован в Египет, а вскоре после этого пришла шифровка с подробным сообщением о том, как это будет сделано. Приказ взять Георгия на борт был отдан командиру греческой подводной лодки «Тритон», однако мероприятие это на некоторое время откладывалось, поскольку «Тритон» был занят другими, более важными делами. Во всяком случае, теперь следовало бы всерьез подумать о том, как пробраться на остров Эвбея. Благодаря близости Афин это не представляло особой трудности. Георгий повеселел, приободрился, перспектива предстоящего отдыха придала ему сил. На Эвбею он собирался отправиться первым же попавшимся рыбацким судном из Пирея или даже на лодке из окрестностей Марафона.

…Фронт под Эль-Аламейном за это время окончательно стабилизировался. Англичане перебороли кризис и теперь приходили в себя после понесенных потерь. Обе воюющие стороны срочно подтягивали подкрепления, готовясь к

решающему сражению. Теперь, казалось, весь мир ждет результатов двух колоссальных сражений. Первое из них — у берегов Волги — решало судьбу русской кампании Гитлера, второе — у берегов Нила — судьбу Северной Африки. Фюрер все поставил на карту — огромные клещи, стремящиеся захватить весь Средний Восток, жали одновременно на Кавказ и на Египет, чтобы сомкнуться где-то в нефтеносных арабских странах, В этот необычайно трудный момент, когда миллионы людей затаив дыхание ждали решающих событий, Иванов передал из Афин поразительную весть. Он сообщил, что один из главных актеров африканской драмы пребывает сейчас в санатории под Афинами. В центре «004» ему не хотели верить, но вскоре легендарный командующий Африканским корпусом генерал Роммель разразился сенсационной речью в берлинском Спорт-Паласе.

— Можно считать, что Египет уже взят, — говорил знаменитый генерал, однако на этот раз чувство реальности изменило ему. В Африке следовало ожидать совершенно иного исхода: массы накопленных англичанами танковых сил в соединении с абсолютным превосходством в воздухе сулили Африканскому корпусу бесславное завершение его «одиссеи». Таким образом, к осени 1942 года можно было немного передохнуть всем тем, кто в тылу врага боролся на африканском фронте. Георгий Иванов-Шайнович, который не покидал своего трудного поста в критические минуты, выполнил до конца свой долг — парализовывать снабжение немцев и итальянцев с территории Греции, — теперь он чувствовал себя спокойнее. Готовясь к новым, еще неизвестным подвигам, «главный агент» на Балканах пока пользовался временным затишьем, пытаясь отоспаться за многие бессонные ночи. Последняя его квартира — он снова поселился у Кондопулосов — была наиболее удобной, и теперь можно было подумать об общем положении дел, подвести итог своей деятельности, помечтать о будущих делах. Особенно радовало Георгия то, что ему удалось устоять перед соблазном бегства в Афонские монастыри, где он наверняка нашел бы безопасное убежище, но, вероятно, полностью был бы исключен из участия в «большой игре» чуть ли не до конца войны…

Центр «004» был само олицетворение любезности. Англичане понимали, что их агента следовало бы как-го вознаградить, хотя бы морально. Так, например, Иванов с большим удовольствием расшифровал следующую депешу:

> «У-372, о которой вы сообщали в докладе от 31 июля, была обнаружена в аварийном состоянии и была окончательно потоплена нашим миноносцем 4 августа».

И вообще, когда его деятельность в Греции подходила к концу, Георгий охотно занимался подведением итогов, анализировал свои успехи и неудачи, подсчитывал нанесенный врагу урон, а урон этот оказался огромным. Поэтому Георгий со спокойной совестью ждал сигнала о возвращении. Рапорт его, даже если и есть в нем какие-то ошибки и недочеты, наверняка будет воспринят в Каире с удовлетворением. Однако еще больше Георгия радовала перспектива перехода в польскую армию. Теперь-то уж он появится там не как проситель — польскому штабу, а может быть, и самому генералу Сикорскому он представит такой отчет о результатах своей работы в Греции, что его вынуждены будут признать даже самые недоброжелательные и завистливые из польских офицеров. А в том, что он вернется, у Георгия не было ни малейшего сомнения…

— Деньги будут доставлены вам домой в ближайшие дни, — доносила ему неуловимая связная из Египта, а это означало, что он сможет, наконец, расплатиться с долгами и обеспечить своему заместителю возможность работать довольно длительный срок. В тот вечер он отослал свою последнюю депешу:

> «Подводная лодка У-559 на днях отправляется в патрульное плавание… Прошу сообщить день и часы, когда я должен явиться на Эвбею…»

Одно только тревожило эмиссара: после тщательной проверки, проведенной им совместно с Марианной и доктором Янатосом, выяснилось, что принимающий у них деньги Панделис Лабринопулос не все суммы передавал агенту № 1. С другой стороны, все тот же Панделис Лабринопулос оказал им огромную услугу: именно он отыскал таинственную Кети Логотети с ее миллионами. «Жди денег завтра утром», — пришла от него весточка.

Никто не знал, что же произошло. По-видимому, доведенный до полного отчаяния Апостолидис навестил Панделиса Лабринопулоса.

— Я не могу каждую неделю дожидаться очередного избиения, — вероятно, заявил он ему. — Я знаю, что ты тоже являешься сообщником Иванова. Мне придется выдать вас обоих… Предупреждаю, больше я уже не могу терпеть. Я не хотел бы выдавать друзей, но мне придется это сделать, если вы только сами не решите между собой этот вопрос. Награда мне не нужна, я просто не могу больше выносить адские мучения…

Вероятно, перепуганный Панделис долго совещался с братом; выход из создавшегося положения представлялся им в договоренности с итальянцами, которые вели себя в покоренной

стране намного мягче немцев. Несмотря на отсутствие явных улик, можно считать доказанным, что цепная реакция предательства шла по линии Пандос — Апостолидис — Лабринопулос и проходила под влиянием таких сил, как зависть и корыстолюбие, корыстолюбие и страх, страх и оппортунизм.

Не ожидая ничего плохого, Георгий разговаривал в тот вечер с Малиопулосом. В тот вечер его познакомили еще с одним из членов подпольной организации.

— Стоматопулос, член нашей организации. А это мистер Джордж, наш коллега, — представил их друг другу Малиопулос.

— Хэв а сигаретт, — угостил нового знакомого мнимый англичанин.

Грек взял сигарету, поблагодарил, а потом, прикурив, заметил:

— От всей души желаю вам, чтобы мне не пришлось отдать вам долг вежливости, угощая вас вашей… последней сигаретой!

Как оказалось, Стоматопулос в качестве офицера греческой полиции очень часто присутствовал при исполнении смертных приговоров.

— Не проходит и дня, чтобы они кого-нибудь не расстреляли, — докладывал он. — Я, конечно, обо всем, что приходится мне видеть, докладываю дважды. Один раз своему начальству, второй — своей организации. Уверяю вас: каждый день гибнут лучшие сыны Греции. Как долго это еще может продолжаться?

Георгий с облегчением подумал о своем близком отъезде. В понедельник 7 сентября 1942 года, когда Иванов, теперь уже в третий раз, пользовался гостеприимством семьи Кондопулосов, его напрасно дожидались к ужину. Пришел он только в полночь. Тихонько приоткрыв дверь, он спросил Кондопулоса:

— Дядя, ты не спишь?

— Нет. Входи…

Уже с порога Георгий сказал:

— Есть хорошая новость… Пришли большие деньги…. Завтра расскажу.

— А что будет у нас завтра на обед? — спросила практичная Амфитрити, жена Кондопулоса.

— Я принесу рыбу и фасоль, — сказал капитан.

— Фасоль лучше попридержать до зимы, а мы пока что обойдемся одной рыбой… Знаете, я просто умираю от усталости! Спокойной ночи! — сказал Георгий.

Утром 8 сентября Кондопулос встал в плохом настроении. Был вторник, а вторники греки не любят, считая их тяжелыми

днями. А тут еще и Амфитрити подлила масла в огонь:

— У меня какое-то предчувствие… Мне такое снилось…

— Глупости, предрассудки! — раздраженно прервал ее Кондопулос. — Пойду-ка я за рыбой. Мне тут обещали в одном месте.

Она поцеловала его и повторила:

— Очень плохое предчувствие…

Амфитрити привела себя в порядок, взяла сетку и вышла купить льда и газету «Проиа», которую обычно читал Георгий. Тут же на улице она встретила соседку, и та с места в карьер затараторила:

— Знаешь, мне снилось, что твой муж пьет из одной бутылки с Малиопулосом! Это очень нехорошо!

Амфитрити перепугалась еще больше. Она успела купить лед и газету и только тут заметила две подъехавшие легковые машины и грузовик с решетками на окнах кузова. Прекрасно понимая, что должен означать подобный визит, она вбежала во двор и бросилась к двери. Вслед за ней во двор ринулись итальянские карабинеры, вооруженные автоматами. Оглянувшись, Амфитрити увидела в первом легковом автомобиле офицера, рядом с ним фигуру человека, тщательно укутанного одеялом. В это время спрятанный от посторонних глаз предатель указывал карабинерам на квартиру Кондопулосов…

Часть итальянцев окружила дом, остальные, войдя во двор, направились прямо к двери. Амфитрити была уже у входа. Ее грубо схватили за волосы и удержали, тем временем двое карабинеров направились прямо в комнату мнимого племянника Кондопулосов. Амфитрити крикнула, чтобы предупредить Георгия, но получила сильный удар кулаком в губы и вся залилась кровью.

Георгий в это время не спал и был занят разбором каких-то бумаг. Итальянцы бросились на него, выхватили из-под подушки взятый им когда-то у Малиопулоса пистолет, приказали одеться и тут же наложили на него наручники. Выйдя из своей комнаты в сопровождении конвойных, Георгий заметил окровавленное лицо Амфитрити.

Он остановился и возмущенно сказал:

— Как вам не стыдно так обращаться с женщиной!

Теперь в квартиру вошли все итальянцы. Начался повальный обыск. Перевернули все вверх дном, искали даже в одеялах. В одном из ящиков нашли остатки денег Иванова и тут же их конфисковали, после чего попытались надеть наручники на Амфитрити, но, пристыженные Ивановым, бросили это занятие.

К тому времени, когда пришла очередь выводить

арестованных, на улице успела собраться целая толпа. Переводчик объявил, что схвачен сам Георгиос Иванов, и это страшно взбудоражило весь район, а через час новость разнеслась по всей столице.

Арестованного поместили в кузов грузовика, Амфитрити посадили в легковую. Три автомобиля рванули с места, но сразу же за поворотом остановились. К ним подошел какой-то мужчина.

— Sta bene? — спросил он.

— Si, si, — ответил офицер. — Sta bene![6]

Амфитрити до конца дней утверждала, что этим человеком был не кто иной, как хорошо известный ей бывший полицейский офицер Панделис Лабринопулос.

Георгий Иванов был помещен в тюрьму Авероф пока что на ее «итальянской» половине, что же касается Амфитрити Кондопулос, то после допроса ее отвезли в женское отделение в Эмбрикио. В тот же день Панделис Лабринопулос нашел в каком-то маленьком кафе удрученного и подавленного Кондопулоса.

— Надеюсь, ты не думаешь, что это я их выдал! — с упреком сказал он ему.

Однако и Кондопулос был вскоре арестован в клубе моряков. Его племянница Деспина Валлиану побежала предупредить Папазоглу, а тот, в свою очередь, оповестил остальных, однако вместо того, чтобы бежать, все оставались на местах. В тюрьму один за другим были доставлены братья Димитриос и Костас Янатос и Марианна Янату. За доктором Костасом Янатосом пришли не итальянцы, а немцы. Спустя еще два дня немцы арестовали Папазоглу. На свободе пока оставался единственный из ближайших помощников Иванова Василиос Малиопулос, который только один и готовился к бегству. В руки немцев он попал только 16 сентября 1942 года.

…Арестованных разместили по разным камерам, и они мало что знали друг о друге. Единственно, что было известно, — никто из них не предал остальных, несмотря на варварские методы допросов. Получалось так, что все аресты происходили в результате донесений прекрасно информированного предателя. Папки с делами распухали, несмотря на упорное молчание допрашиваемых. Особую ярость немцев, которые быстро взяли дело из рук итальянцев, вызывало мужественное поведение Марианны Янату.

— Полюбуйтесь, пожалуйста, — вот вам типичная полька, — говорили они итальянцам. — Теперь вы понимаете, почему к Польше нам приходится применять более строгие меры, чем к другим странам…

XII
ПРИЧИСЛЕННЫЙ К ПОЛУБОГАМ

…И началась старая, как мир, история пыток и издевательств над человеком. Сразу же после доставки в тюрьму Георгий был посажен в камеру строгого режима. Для начала ему приказали сделать триста приседаний, а когда, вконец измученный, он свалился, немецкий унтер начал его избивать. Дни и ночи со скованными руками и ногами, он не знал ни минуты отдыха.

Переводчица-гречанка, известная в тюрьме Авероф своим активным участием в немецких допросах с пытками, охотно помогала и здесь. Ее прозвали «кровавой Маргаритой», а что касается фамилии, то назывались разные — чаще всего Христофилу.

Поначалу следствие вели итальянцы. Им пришла идея устроить показательный процесс на глазах рабочих авиазавода Мальцинотти. Несмотря на отрицательную позицию гестапо и немецкого командования, дело Иванова временно было выделено из общего процесса.

И вот однажды весенним утром арестованный оказался в том самом фабричном цехе, в котором они «обработали» три последних мотора. Судейский стол был покрыт зеленым сукном, портреты Муссолини и Гитлера выделялись на фоне флагов оккупационных держав, развешанных по стенам позади судейского стола, за барьером под охраной карабинеров, полицейских и тайных агентов молча толпились рабочие завода. Зал был слабо освещен, и Георгий не мог увидеть ни одного знакомого лица, правда, его здешние помощники и сами предпочитали «держаться в тени». Зато он вместе с судьей и палачами был ярко освещен большими лампами и прожекторами. «Как на киностудии», — усмехнулся Георгий, несколько удивленный тем положением, в котором ему пришлось оказаться. Прекрасно знакомый со всеми уголками на заводе, с проходами, которыми потихоньку от начальства пользовались рабочие, Георгий принялся строить дерзкие планы побега. Союзников у него, если он вздумает бежать, на заводе предостаточно. Это он сразу почувствовал, как только стал отвечать на вопросы судьи. Когда он назвал свою национальность — поляк, — весь зал загудел от сдерживаемых восклицаний, перешептываний, вздохов.

Многие из рабочих знали обвиняемого в лицо, только теперь они поняли, что это легендарный Иванов, нанесший оккупантам такой огромный урон. Те, кто знал о его деятельности раньше,

были изумлены не меньше первых: для них, думавших, что агент № 1 на Балканах — грек или англичанин, славянское происхождение Иванова было неожиданностью, хотя в объявлениях о розыске и указывалось, что он родился в Варшаве.

Начали зачитывать показания о «преступной деятельности» обвиняемого в Греции. В соответствии с порядком следствия зачитывали их сначала по-итальянски, потом по-гречески. Переводчик, как бы поддавшись общему настроению, когда хотел особенно подчеркнуть важность совершенных преступлений, невольно впадал в патетический и похвальный тон. В толпе рабочих дело дошло чуть ли не до аплодисментов, и только драконовские методы гестапо удержали людей от выражения восхищения и признательности. Напряжение в зале достигло критической точки, когда судья спросил у арестованного, признает ли он свою вину. Медленно и четко подсудимый произнес:

— Я не признаю ни одного из вменяемых мне в вину действий, поскольку признание означало бы раскаяние и дало бы в руки оккупационных властей новые доказательства… Но одновременно с этим я заявляю, что, будучи поляком, я боролся и до конца своих дней буду бороться за независимость своей страны и других стран.

— Иванов, вы находитесь в Греции, а не в Польше, и именно в Греции вы совершали свои преступления, — прервал его судья.

— Враг моей родины напал также и на Грецию, которая является для меня второй родиной, — ответил Иванов.

— Признаете ли вы, что сотрудничали с английской разведывательной службой?

— Моими союзниками были, есть и будут все те, кто борется с врагом моего народа.

— Следовательно, вы признаете, что были засланы сюда неприятелем?

— В Грецию я попал по своей собственной воле…

— Вы высадились с британской подводной лодки?

— Да, я воспользовался представившимся случаем.

Ввиду явного сочувствия собравшихся от публичного ведения следствия пришлось отказаться, более того — в наказание немцы отобрали у итальянцев вообще ведение всего дела. К счастью, специально прибывшие из Вены специалисты из германской военной разведки быстро прервали издевательства гестаповцев над заключенными. Военные власти во что бы то ни стало хотели ознакомиться с мельчайшими подробностями подрывной работы в таких широких масштабах: по их мнению, здесь не могло обойтись без большого числа участников и посвященных.

Тем временем Георгий не отказался от дальнейшей борьбы, все еще рассчитывая на возможность побега, хотя бы с места казни; в случае же своей смерти он хотел, чтобы дело, начатое им, продолжалось. Поэтому Георгий все или почти все решил взять на себя, только в отдельных случаях не признавая за собой вины и никогда не называя имен своих товарищей.

В ответ на задаваемые вопросы он либо молчал, либо давал четкие и конкретные ответы. Магнитные мины с часовым механизмом он привез с собой. И все они были использованы, ни одна не пропала даром! С механикой их действия он не знаком. Материалы, вызывающие разложение смазочных масел, он тоже привез с собой. Запаса должно было хватить на несколько сот моторов. В моторы этот состав он подбрасывал сам, обычно в обеденный перерыв, когда рабочие уходили из цехов. Делал он это под предлогом замены ушедших. Соучастников здесь у него не было, а если кто и был, так он не помнит ни их фамилий, ни их лиц. Каким образом удалось ему найти в чужой стране жилье, наладить отношения с людьми, получить необходимую помощь? Он объяснил, что бегло владеет греческим языком, а свой акцент он обычно оправдывал тем, что является уроженцем Додеканесских островов или острова Крит.

Когда следователи выражали сомнение в возможности доплыть к кораблям в одиночку, чтобы прикрепить миму, он предлагал эксперимент — показательное выступление — или же ссылался на звание чемпиона Европы по плаванию. Столь же правдоподобно объяснил он и взрыв здания гестапо, складов, поездов и транспортов бензина, а хорошо зная, что обе его радиостанции так и не попали в руки оккупантов, упорно отказывался от какой-либо деятельности по сбору разведывательных сведений. Наемником он не был — боролся за независимость Польши и Греции, вот и все. Ему задавали вопросы — чем, например, можно объяснить совпадение некоторых из предпринимаемых им диверсионных акций с деятельностью Африканского корпуса? На это Георгий отвечал, что, будучи человеком образованным, он и сам мог делать выводы из общего положения на фронтах, в соответствии с этим он и ставил перед собой очередные задачи.

— Формально я был послан англичанами, — объяснял он. — Однако в действительности я являюсь посланцем той Польши, которая никогда не подчинится фашистскому владычеству. Англичане только снабдили меня необходимыми материалами и предоставили транспорт; как вы понимаете, этого недостаточно, главным было мое стремление к борьбе…

Представители высшего немецкого командования, получая

сообщения о результатах ведущегося следствия, выражали желание собственными глазами увидеть мужественного молодого человека, что в конечном счете и повлияло на запрет участвовать в следствии гестаповцам с их системой пыток.

— Если бы у союзников была бы тысяча таких способных и решительных агентов, мы очень скоро проиграли бы войну, — заявил один из немецких генералов.

Таким образом, когда стало известно, что арестованному уже не избежать смертного приговора, он стал пользоваться у врагов еще большим уважением благодаря своей твердой позиции, а также из-за размеров нанесенного им ущерба. В немецких военных клубах и в афинских отелях об Иванове-Шайновиче вспоминали с двойственным чувством уважения и ненависти. Местные итальянские офицеры, несмотря на союзные связи, неприязненно относились к немцам; они бы с радостью воспользовались любой возможностью, чтобы спасти поляка. Именно в этом направлении и были направлены хлопоты митрополита Дамаскиноса и других влиятельных лиц в стране.

Тем временем все арестованные, включая и двух женщин, держались очень мужественно. Принимая на себя ведение следствия, гестапо получило также и Амфитрити Кондопулу. Из тюрьмы ее привезли в гестаповский застенок в Пирее. Входя в следственную комнату, женщина увидела на столе две плети. К делу приступил офицер, задававший вопросы через переводчицу-гречанку. И тот и другая были невыспавшиеся и раздраженные. Офицер спросил: кем был жилец Кондопулосов? Амфитрити ответила, что он представился им как англичанин. Гестаповец возразил — ведь это был Иванов, разве они не знали?

— В таком случае он солгал нам, — ответила Амфитрити.

Защищаясь подобным образом, она могла рассчитывать на более мягкий приговор: за укрытие англичанина ее могли присудить к тюремному заключению, за укрытие же Иванова грозила смертная казнь. Гестаповец налил в рюмку коньяка и пододвинул его женщине. Однако еще в тюрьме Авероф Амфитрити предупредили, что немцы подмешивают в коньяк какой-то наркотик, который лишает допрашиваемого силы воли.

— Я никогда не пью, — сказала Кондопулу. А минуту спустя она уже тщетно пыталась прикрыть голову от ударов плети — покрасневший от ярости немец долго и жестоко избивал ее.

«Если я признаюсь, что знала и укрывала Иванова, расстреляют моего мужа», — твердила про себя гречанка. Истекая кровью, она продолжала молчать, затем, едва живая, потеряла сознание и очнулась в погребе без света, где чуть не сошла с ума из-за ползающих по ней крыс. Выпустили ее только через

тридцать часов, дали немного воды и хлеба, но она упрямо продолжала повторять: «Представился нам англичанином»…

Тем временем агент № 1 пользовался любой возможностью, чтобы передать внешнему миру весточку о своей судьбе. Рядом с ним в камере находился Александрос Аргиропулос, у которого были шансы выйти на свободу, поскольку немцам никак не удавалось найти доказательств его вины. Аргиропулос с жадностью выслушивал сообщения Иванова, которые тот делал при выводах в туалет.

— Предал меня сначала Константинос Пандос, товарищ детства в Салониках, — шептал Георгий. — При встрече с ним я не скрывал своей роли, ибо и так было понятно, для чего я вернулся в Грецию. Я хотел его застрелить, но не сделал этого, чтобы не испортить вещей, для меня значительно более важных.

В другой раз, поведав товарищу по заключению о своем первом побеге, Георгий рассказал ему и о том, что он долгое время держал в тайне:

— Если тебе удастся выбраться из тюрьмы, а затем из Греции, дай знать, что некая Кети Логотети, о которой сообщали по рации, так и не доставила мне пяти миллионов драхм, предназначенных в числе прочего и на финансирование моего возвращения. На встречу со мной она пришла поздно, а когда я с большим трудом отыскал ее, заявила, что денег у нее при себе нет и что вручит она мне их при первой же возможности. Время шло, но этой Кети все не было, и, наконец, вместо нее приехали итальянские карабинеры…

Кстати сказать, после выхода из тюрьмы и еще до бегства из Греции Аргиропулос встретился с неким Галати, сотрудником греческого банка, и тот сообщил ему, что после ареста Иванова у них появился Панделис Лабринопулос с еще каким-то неизвестным и положил на свое имя огромную сумму в двадцать миллионов драхм.

Проходили месяцы, следствие заканчивалось, приближался заключительный акт драмы. Для слушания столь важного дела был выделен зал, помещавшийся в здании Парнассос, как сообщили Георгию проходящие вместе с ним по следствию греки. Он грустно улыбнулся: «С такого Парнаса, может, и в самом деле недалеко до небесных врат…» Правда, и к бессмертию тоже!

2 декабря 1942 года Афины узнали, что процесс над Георгием Ивановым и его товарищами начался. Чтобы перевезти героев, о которых говорил весь город, в здание суда, было перекрыто уличное движение и выставлены сильные кордоны из отрядов СС, армии и греческой полиции на площади Конституции, улице

Стадиу и других. Зал заседании действительно находился в Парнассосе, а следовательно, вблизи от палаты депутатов и зданий различных министерств. Около тринадцати часов два больших тюремных автомобиля в окружении эскорта мотоциклистов подъехали к Парнассосу. Собравшиеся увидели Георгия Иванова, закованного в ручные кандалы, он первым вышел из машины. За ним появился Кондопулос, затем остальные обвиняемые.

Арестованные настолько изменились за время своего пребывания в тюрьме, что их трудно было узнать. Когда они входили в зал, послышался изумленный шепот даже среди судей — невероятно, чтобы эта группка живых скелетов угрожала «тысячелетней империи». Возглавляющий конвой офицер указал обвиняемым на их места. Они расселись и огляделись вокруг. Трое знаменитых афинских адвокатов заняли свои кресла перед ними. Это были Колимбас, Зепос и Лоизидис.

Назначенный защитником Иванова адвокат Колимбас получил обвинительное заключение всего лишь за пять минут до начала слушания дела и не успел даже ознакомиться с ним. Ему не разрешили даже взглянуть на акты, поскольку там содержались совершенно секретные сведения; адвокату только представили опись основных содержавшихся в деле документов. Колимбас наклонился к Георгию Иванову и сказал:

— Я проглядел бумаги и вижу — спасения нет… Вы действительно во всем признались?

— Я ни от чего не отрекался, — ответил Иванов.

— В таком случае остается один-единственный шанс — запутать дело так, чтобы отложили его слушание…

Иванов согласился.

Адвокаты уселись слева от обвиняемых. Любопытно, что немцы предприняли особые меры предосторожности, которые не наблюдались еще ни на одном из процессов. Перед всеми входами и выходами стояли удвоенные посты охраны с оружием наизготовку, точно такие же посты были расставлены почти у всех окон зала.

Наконец члены суда заняли свои места. После проверки личности обвиняемых председательствующий объявил им состав трибунала и спросил: не будет ли каких-либо отводов личного порядка. Получив отрицательный ответ, председательствующий предоставил слово прокурору, но затем, еще раз заглянув в акты, спросил:

— А где же Панделис Лабринопулос? Я не вижу его среди обвиняемых…

Прокурор встал, подошел к судьям и что-то пояснил им

шепотом.

После обвинительной речи прокурора взял слово Иванов. Он заявил, что является поляком, сыном русского офицера, инженером агрономии заморских территорий. Без драматических жестов, совершенно спокойно и вежливо, но вместе с тем решительно он ответил на все поставленные вопросы. Его показания отличались точностью, лаконичностью и знанием дела. Георгий не пытался отвертеться или пустить следствие по ложному следу. Было видно, что он не скрывает ничего из совершенного им, считая все своим патриотическим долгом. При этом Георгий умалчивал обо всем, что могло хоть в какой-то мере отразиться на судьбе товарищей. Поражали при этом его искренность и достоинство, с которыми он держался.

После того как Георгий закончил свою речь, председатель суда заявил:

— Иванов, трибунал с должным уважением относится к вашей позиции, отличающейся смелостью и искренностью. Я, со своей стороны, должен лишь выразить сожаление по поводу того, что волею судьбы человек столь ценный оказался во враждебном нам лагере.

Обвиняемый выслушал комплимент с таким же невозмутимым спокойствием, с каким он ранее слушал речь прокурора, требующего для него смертного приговора. И снова поднялся прокурор. Он, видимо, хотел воспользоваться искренностью обвиняемого и задал каверзный вопрос:

— Иванов, ответьте трибуналу. Если бы вам каким-то образом удалось вырваться на свободу, что бы вы стали делать?

— Продолжал бы борьбу, — коротко ответил Георгий.

— С винтовкой в руках или же опять с помощью всяких подлых диверсионных средств — так, как вы это делали до сих пор?

— Я старался бы нанести врагу как можно больший урон, — ответил обвиняемый и внезапно, припомнив что-то, улыбнулся, — в соответствии с формулой, которую столь часто слышал от немецких солдат.

— Какой формулой? — заинтересовался председатель.

— Krieg ist Krieg[7], — ответил обвиняемый. Адвокаты шепотом переводили друг другу на греческий язык поговорку, которой обычно гитлеровские солдаты оправдывали все свои грабежи и насилия.

Судебное заседание подходило к концу. После выступлений адвокатов судьи удалились на совещание. Адвокат Колимбас во время перерыва хотел выразить Иванову свое сочувствие. Однако Георгий сразу же прервал его — он попросил не терять времени и

рассказать ему о политических и военных новостях.

— Есть у меня для вас известие, — прошептал адвокат. — 8-я британская армия генерала Монтгомери, которая 4 ноября прорвала немецкие позиции под Эль-Аламейном, 13 ноября взяла Тобрук. Африканский корпус бежит на запад. 7 ноября союзники высадились у Касабланки, Алжира и Орана… Фашисты попали между двух огней… Скоро в Африке не останется ни одного нациста…

— Скоро ни одного нациста не останется ни в Греции, ни в Польше! — сказал Георгий. — Они всюду попали между двух огней!

Началось зачтение приговоров. Георгий Иванов трехкратно был приговорен к смерти. К смертной казни присуждались также братья Янатос, Марианна Янату, оба морских офицера — Кондопулос и Малиопулос и, наконец, Папазоглу. Амфитрити была присуждена к 18 годам принудительных работ в «тысячелетнем рейхе».

Официальное обвинительное заключение гласило, что Георгий Иванов совершил четыре преступления, а именно — был повинен в шпионской деятельности, убийствах немецких и итальянских солдат и офицеров, хранил оружие и работал на радиопередатчике, сообщая противнику сведения разведывательного характера. Поэтому прокурор и добился для него трехкратного смертного приговора. Братья Янатос и Марианна были присуждены к смертной казни за оказание помощи преступнику, подданному вражеского государства. За это же был осужден на смерть и Папазоглу. Поручик греческого военно-морского флота Василиос Малиопулос получил два смертных приговора — за помощь преступнику и за хранение оружия. За оказание помощи был приговорен к смертной казни и капитан греческого военно-морского флота Иоаннис Кондопулос.

Собственно говоря, всю ответственность за совершенные диверсионные акты взял на себя Иванов; ни одному из остальных обвиняемых диверсии не были поставлены в вину. Зачитывая приговор, председатель подчеркнул, что он вынесен «именем немецкого народа». Звучало это юмористически: в оккупированной Греции произносился приговор от имени немецкого народа.

Приговоренных начали выводить и усаживать в машины. На этот раз улицы были пусты — над Афинами уже царила ночь, а так называемый «полицейский час» вступал в силу с вечера.

Теперь начинался трагический период ожидания смертной казни. Надежд на смягчение приговора не было. Физически развитый и сильный духом, Георгий не мог примириться с

судьбой, как это случилось с некоторыми из его товарищей. Пусть другие, если они не способны на борьбу, покорно станут перед винтовочными стволами, перепуганные и беспомощные. Георгий не мог согласиться с такой смертью.

— Мы еще увидим, — говорил он себе вполголоса.

Он знал, что сделает попытку бежать даже в момент казни. Приглядевшись внимательнее к стальным браслетам, Георгий обрадовался — ему удастся вновь выскользнуть из их объятий с помощью все того же приема, но пробовать этого он не хотел: стоило снять наручники, как все бы раскрылось. На всякий случай Георгий решил подпилить их в наименее заметных местах. Он не взялся за скрытую в расческе пилку, которой снабжали всех агентов в Каире, приберегая ее на крайний случай. Пока что, соблюдая все меры предосторожности, Георгий принялся тереть наручники о железные части нар.

— Хороша сталь! — уважительно сказал он по адресу своего тюремного ложа, когда увидел, что браслеты наручников становятся тоньше.

Возможность побега из самого здания тюрьмы выглядела довольно сомнительно хотя бы уже потому, что в камере не было окон. Попытка могла увенчаться успехом только где-то на пути к месту казни. Георгий напрягал память, пытаясь вспомнить дорогу, ведущую к стрельбищу Кесариани, где немцы обычно приводили в исполнение смертные приговоры. Он вспомнил, что на стрельбище в изобилии есть оливковые деревья и кипарисы, на окраинах — заросшие кустарником каменистые пустыри. Трудно сказать: остановят ли машину с осужденными перед Кесариани или сразу же въедут на стрельбище. Так или иначе, но, избавившись от наручников, придется либо долго бежать, либо перепрыгивать через стены и загородки. Как спортсмен, Георгий прекрасно знал, что, не сохрани он спортивной формы, вряд ли ему удастся такой пусть и кратковременный, но интенсивный марш-бросок.

Поэтому ежедневно — утром и вечером — он принимался за физические упражнения, насколько это позволяли условия тюремной камеры, ведь нужно было держать натренированными все группы мышц. Георгий делал приседания, отжимы на руках, следил за гибкостью туловища и шеи, старался сохранить эластичность мышц ног и живота, подвижность корпуса и плечевого пояса. Эти упражнения, перемежаемые медленно продвигающейся обработкой наручников, отнимали у него массу времени, но и помогали переносить тяготы тюремной жизни.

Тем временем митрополит Дамаскинос всеми силами старался помочь осужденным. Так, он обратился к премьеру

марионеточного правительства Феотокопулосу, который, в свою очередь, обратился с просьбой о помиловании Иванова и его товарищей к губернатору северной Греции Дрессену. Только Дрессен имел право приостановить приведение приговора в исполнение. В Салоники по просьбе Феотокопулоса поехал сам фон Альтембург, немецкий посол в Греции. Однако губернатор оставался неумолимым. Тогда Феотокопулос, который был женат на немке, сестре генерала фон Листа, отправил свою жену в обществе фон Альтембурга в Берлин, к самому Гиммлеру, но тот заявил, что все зависит от Дрессена. Наконец немцы дали понять, что единственная возможность спасти Иванова — это обменять его на одного из немецких генералов, находившихся в плену у англичан. Но… оповещенный об этом Лондон хранил упорное молчание.

Рождество проходило в тюрьме в торжественной по мере возможности обстановке. Греческие охранники согласились передать в камеру Георгия Иванова немного печенья и папирос, которыми поделились с товарищем по несчастью не только его самые близкие друзья — братья Янатос, Кондопулос, Малиопулос и Папазоглу, — но и другие заключенные, как, например, ожидающий освобождения Аргиропулос. Некий Папавасилопулос, который получил от семьи маленькую елочку, отрезал от нее ветку и переслал Иванову. Вечером, перестукиваясь, заключенные передавали друг другу пожелание счастливого рождества в освобожденной от врага отчизне.

Чистый голос Георгия был хорошо слышен в камерах, он распевал польские колядки, затем из его камеры послышались слова злой греческой песенки «Коройдо Муссолини», то есть «Глупый Муссолини». Из соседних камер стали подпевать, не обращая внимания на немецких охранников, пока прибывший комендант, прославившийся своими зверскими методами обращения с заключенными, не приказал всем замолчать. Несмотря на запрещение петь и переговариваться, заключенные неделю спустя отпраздновали и Новый год. Из камер доносились выкрики: «Хрониа пола!» — «Много лет!», «Зито и Эллас!» — «Да здравствует Греция!» и, наконец, «На мас зисете!» — «Живите вечно!» Из камеры в камеру передавались пожелания патриотам и проклятия по адресу предателей. Сидящие в тюрьме немцы-дезертиры присоединились к этому хору, и только выкрики охранников «Ruhe! Ruhe!»[8] заставили притихнуть блок. Так проходили последние дни Иванова и его товарищей.

Георгий находился уже в тюрьме, когда у берегов Эвбеи появилась давно ожидаемая подводная лодка «Тритон», которая

должна была забрать агента № 1 в Египет. «Тритон» вышел из Порт-Саида только 10 ноября 1942 года. Шесть дней спустя греческая подводная лодка наткнулась на немецкий конвой и торпедировала большое судно, но вскоре и сама, пораженная торпедой итальянского миноносца, пошла на дно. Об этой трагедии Иванов узнал от митрополита Дамаскиноса, очень огорченного этой новой потерей греческого флота.

Георгий Иванов находился в тюрьме и не мог знать об одном из наиболее важных последствий его диверсионной деятельности. Дело в том, что в период, предшествовавший сражению под Эль-

Аламейном, и во время самого сражения люфтваффе как бы подверглись внезапному приступу паралича. Немецкие действия в воздухе почти прекратились, несмотря на то, что немцами были сконцентрированы значительные воздушные силы. Объяснили это странное явление взятые в плен немецкие летчики и механики. Они говорили, что по непонятным причинам многие самолеты вдруг стали падать на землю. Это вызвало самую настоящую панику среди экипажей; большинство машин было «законсервировано» до обследования их технического состояния. Для союзников же подобное невмешательство люфтваффе было самой настоящей неожиданностью, о чем потом не раз упоминали в своих мемуарах участники обеих сражающихся сторон…

Митрополит Дамаскинос имел некоторые основания надеяться, что Георгия Иванова удастся спасти. Возникла возможность обмена. Немцы шли на это, все еще требуя взамен одного из своих генералов, который находился в английском плену. Не исключалась возможность подобной сделки и по отношению к остальным приговоренным. Сам Дамаскинос дал знать об этом британскому правительству и был почти уверен в положительном результате. Однако это были одни лишь предположения: ответ от англичан так никогда и не пришел. Доктор Янатос, узнав о том, что хлопоты не дали никаких результатов, решил спасаться собственными средствами. До войны он специализировался в области онкологии и именно в качестве онколога был принят в число придворных врачей, однако до того, как полностью посвятить себя изучению связанных с раком проблем, он долгое время практиковался в области психиатрии.

Из различных видов психических заболеваний в памяти у него глубоко засела та разновидность шизофрении, которая так хорошо проявляется в мании преследования. Симулировать эту болезнь трудно, почти невозможно, однако и констатировать симуляцию тоже довольно нелегко, если только мнимый больной пойдет на такие неприятные и жуткие ее проявления, как, например, поедание экскрементов и драки с надзирателями. Такие «безумства» нужно постепенно нагнетать, а в перерывах между приступами проявлять крайнюю слабость и апатию, при этом давление крови должно было понижаться.

Продумав все это, Янатос начал свою длительную и страшную борьбу. И он добился своего: из Германии был вызван известный психиатр доктор Кунц. Специалист этот долгое время наблюдал «больного» и подвергал различным обследованиям, наконец, отправил его из тюрьмы в психиатрическую лечебницу в Дафни, а оттуда — в больницу Имбрикион, где содержались

душевнобольные, представляющие опасность для окружающих. В Имбрикионе греческие врачи быстро раскрыли симуляцию и даже предлагали Янатосу бежать, но мнимый безумец опасался за судьбу родственников: им пришлось бы своими головами или по меньшей мере свободой заплатить за то, что ему удалось провести немцев. Из этой страшной тюрьмы Янатос вышел на свободу только в дни освобождения Греции.

…3 января заключенные получили приказ отправляться в баню: Георгий, за ним Кондопулос, братья Янатос, Малиопулос и остальные, кроме Папазоглу, который узнавал их голоса, когда они проходили мимо его камеры. Помимо охранников, в тюрьме дежурили «знаменитая» переводчица Маргарита Христофилу, которая с большим удовольствием присутствовала при казнях. Она говорила с одним из охранников о вероисповедании заключенных, после чего подошла к камере Папазоглу и спросила его, не является ли Кондопулос католиком.

— Католик ли Кондопулос, я не знаю, но Иванов точно католик, — ответил обеспокоенный Папазоглу.

Когда заключенные возвращались назад, один из греков, работавший в охране, шепнул Папазоглу, что немцы привезли в тюрьму четыре гроба. Приговоренные об этом ничего не знали. К утру послышались тяжелые шаги. У двери Георгия немцы остановились.

— Iwanow, r-r-raus![9] — услышали в соседних камерах крик.

Вызванный в коридор осужденный выслушал сообщение, которое ему переводила Маргарита Христофилу:

— Иванов, в помиловании вам отказано. Немецкое командование отдало приказ привести приговор в исполнение сегодня утром…

Осужденного направили в левую часть коридора, кандалы его тихонько позвякивали. В конце коридора, у камеры № 13, его ожидал специально приглашенный ксендз.

Немец подошел к следующей камере. Снова раздалось громкое «r-r-raus», адресованное на этот раз Димитриосу Янатосу. После известия о предстоящей казни тот попросил свидания с братом. Одновременно доктор Костас Янатос принялся с криком колотить в дверь своей камеры. Комендант приказал открыть дверь, и братья бросились друг другу в объятия. Димитриос отдал Костасу фотографии матери и жены, золотое обручальное кольцо.

— Костас, — сказал он, — если уцелеешь, позаботься о женщинах. И отомсти за мою смерть!

Следующими были Малиопулос и Кондопулос. Итак, теперь стало известно, для кого приготовлены четыре гроба…

Позднее Папазоглу рассказывал о последних минутах в

тюрьме следующее. Проходя мимо камеры Папазоглу, Георгий обернулся и крикнул:

— Михаил, ухожу! Да здравствует Греция! Да здравствует Польша!

Кондопулос также прокричал:

— Ясас педиа! Зито то эфос! — Живите, дети мои! Да здравствует народ!

Янатос крикнул:

— Экдикиси! — Месть!

Четвертый из осужденных, Малиопулос, шел по-солдатски спокойный, не произнося ни единого слова. Оставшийся в живых доктор Янатос также вспоминал последние слова, которые он услышал от брата:

— Запомни обоих братьев Лабринопулосов — предателей! Запомни мою смерть!

Георгий же, когда проходил мимо камеры, в которой находился доктор Янатос, крикнул ему:

— Коста, ты должен жить и отомстить за нас… Скажешь всему греческому народу, кто нас предал… Да здравствует Польша и Греция! Смелее, доктор, смелее!

Приговоренные вели себя мужественно, как настоящие солдаты, которые в уже проигранном сражении пытаются приободрить тех, кому еще осталась возможность сражаться.

— Марширен! Шнелль! Шнелль! — кричал офицер. По четверо солдат окружили каждого из приговоренных. В ту минуту все поразились, когда, шагая по коридору, Иванов вдруг бодрым и почти веселым голосом затянул какую-то песню. Греки уже знали, что это мазурка «Еще Польска не згинела». Как могли, подпевали они ему, а затем и сами запели: «Узнаю тебя по острию твоей грозной сабли…» — слова греческого национального гимна. С припевом «Гере о гере, элефтериа!» — «Приветствую, приветствую тебя, свобода!» они оказались во дворе. Всем было приказано развязать шнурки на ботинках, что должно было помешать осужденным в случае бегства.

Немцы прекрасно понимали ту роль, которую играли в подпольном движении греческого Сопротивления Иванов и его товарищи. Кроме специально расставленных патрулей, за дорогой следило и множество тайных агентов, которых умудрились разместить даже в окнах домов, стоящих по обеим сторонам улиц, где должна была двигаться трагическая процессия. В первой машине ехали офицеры, во второй находились осужденные, в третьей — наряд солдат, выделенный для расстрела.

С трудом взобрались заключенные на грузовик. Георгий держался рядом с ксендзом. Когда машины тронулись в путь, он

тихонько шепнул:

— Святой отец, прошу вас, незаметно нагнитесь и завяжите у меня шнурки… Только, пожалуйста, покрепче…

Священник просто не знал, что и думать о такой странной просьбе. Не придавая этому особого значения, он наклонился и кое-как завязал шнурки. По-видимому, взволнованному и усталому старику это давалось с трудом. Георгий только на мосту через Кифиссос почувствовал, что шнурок на левом ботинке затянут, а почти у места был, наконец, завязан и правый шнурок. Подняв на осужденного выцветшие глаза, ксендз прошептал зловещее слово: «Кесариани», — и губы его зашевелились в молитве.

— Спасибо! Но вы хорошо завязали? — спросил Георгий.

Священник согласно кивнул, правда, он тут же подивился причуде осужденного, который в такой момент может думать о подобных мелочах. Одновременно с этим ксендз заметил, что узник опустил руки, как бы забавляясь звяканьем кандалов. Тем временем Георгий начал работу рук. Ладони его сузились и вытянулись, длительная тренировка дала свой результат — кисти рук могли эластично изменять форму, а смоченная слюной кожа только кое-где сопротивлялась. Радостно вздохнув, Георгий освободился сначала от одного, потом от другого браслета. Теперь он придерживал кандалы только большими пальцами, чтобы можно было думать, что он по-прежнему закован. С минуту Георгий раздумывал, имеет ли смысл воспользоваться ими в качестве оружия, однако все зависело от обстоятельств: в каком пункте остановятся машины, в каком порядке будут выводить приговоренных, как будет вести себя конвой. С горечью думал он сейчас о своих товарищах по несчастью, сгорбившихся и угасших, на лицах которых сейчас читалось выражение крайней усталости и безразличия. Если бы он мог им помочь!

…Итак, на рассвете 4 января 1943 года перед казарменными зданиями в Кесариани остановились три автомашины, в одной из которых сидели люди, приговоренные к расстрелу. Шесть греческих полицейских, которые охраняли это мрачное место, уже поджидали их. Старший из них, Георгиос Стоматопулос, внимательно следил за каждой казнью. Поддерживая связь с Сопротивлением, он должен был докладывать подпольщикам обо всем происходящем на стрельбище. В последнее время он с особым вниманием вглядывался в лица узников, зная, что среди приговоренных находится Малиопулос, у которого он не раз бывал.

Первыми вышли из машины немцы и сразу же окружили

фургон с заключенными. В полумраке зимнего утра их лица казались мертвенно-белыми. Рядом с немцами, по заведенному здесь порядку, выстроились полицейские Стоматопулоса. Из машины поочередно начали выходить осужденные. В одном из них Стоматопулос неожиданно узнал мнимого англичанина, которого он не так давно встречал у Малиопулоса. Оба внимательно посмотрели друг на друга, потом полицейский, как бы выполняя просьбу, вытащил пачку сигарет и угостил ими приговоренных. Иванов взял сигарету, делая вид, что ему мешают ручные кандалы, однако при свете спички пораженный Стоматопулос увидел, что руки «англичанина» свободны…

Из машины вывели еще четверых осужденных, видимо принадлежавших к какой-то другой группе. Теперь немцы были заняты подсчетом своих жертв. И здесь, как вспоминали впоследствии свидетели, Георгий Иванов в великолепном, по-настоящему тигрином прыжке бросился на окружавший его кордон, сбил с ног одного из немцев, второму швырнул в лицо горящую сигарету и мгновение спустя был уже в нескольких метрах от группы. Он бежал зигзагами, но с необычайной быстротой в сторону забора, тянущегося с правой стороны от места казни. От группы деревьев его отделяло уже несколько шагов, еще мгновение — и он, вбежав за деревья и перепрыгнув через невысокий забор, окажется на заросшем кустарником пустыре, покрытом буграми. Ему удалось отбежать от растерявшихся немцев на добрые пятьдесят метров, когда раздались первые беспорядочные выстрелы. Стоматопулос тоже достал револьвер и несколько раз выпалил в воздух, торжествуя в глубине души, что наконец-то он оказался свидетелем борьбы за жизнь, наконец-то нашелся обреченный, который не покорился и не поддался страху перед смертью. И тут ему показалось, что беглец споткнулся у дерева, как бы наступив на свои шнурки. А мгновение спустя его настигли пули…

Припадая на правую ногу и зажав рану на простреленном бедре, Георгий сделал несколько шагов в сторону стены, но там силы оставили его и он упал на землю…

На выстрелы прибежал офицер, который минуту до этого спокойно сидел в машине и курил, не интересуясь расстрелом.

— В чем дело, что случилось? — крикнул он.

— Бежал. Теперь, пожалуй, придется отвезти его в тюремную больницу…

— Нет, приказано расстрелять. И приказ должен быть выполнен! Даже если бы он был мертвым, мы должны были бы расстрелять и мертвого!

Георгия притащили назад и теперь уже привязали к врытому

у стены столбу. Раненый не сопротивлялся, все оставшиеся силы он направил на то, чтобы совладать с болью. Офицер подошел к жертве, чтобы завязать ей глаза. У присутствующих сохранилось в памяти то неописуемое выражение ненависти и презрения, с которым Иванов смотрел на фашистов. К столбу подбежал старик ксендз.

— То, что вы хотите совершить, — кричал он офицеру, — является нарушением международного права… Нельзя расстреливать раненого…

Он убеждал, уговаривал, наконец, просил, но немцы продолжали свое дело, не обращая на старика ни малейшего внимания.

— Я уловил момент, — рассказывал позднее священник, — и благословил раненого. В то время Иванов уже пришел в себя…

После того как Георгия привязали к столбу, немец зачитал решение суда. Георгий слушал без малейшего интереса, только глаза его смотрели на врагов с безграничным презрением. Кровь ручьем хлестала из его ран. Когда Иванова спросили, не хочет ли он что-либо сказать ксендзу, тот коротко ответил: «Нет». Раздался залп, и голова героя упала на грудь.

6 января 1943 года греческие газеты опубликовали сообщение о приговоре и о казни группы Иванова-Шайновича. Тела жертв были похоронены на кладбище в Неа-Коккинья, а допуск к их могилам был запрещен. Однако, как рассказывал кладбищенский сторож, на могилу Георгия Иванова приходила какая-то дама, одетая в черное, и приносила цветы.

Говорят, что в день казни, 4 января 1943 года, афиняне слышали, как лондонское радио, по-видимому обеспокоенное афинскими событиями, повествовало о том, что греки являются героическим народом, ибо умеют мужественно умирать.

— Но не жалейте об этом, — успокаивала Би-Би-Си, — в мире гибнут миллионы таких отважных людей…

О том же, что Георгия Иванова и его товарищей можно было спасти ценой освобождения одного из гитлеровских генералов, конечно же, не было сказано ни слова. Посланный в Грецию агент сделал свое дело, и теперь о нем можно было забыть.

Шеф немецкого полевого суда в северной Греции приказал направить матери Иванова оставшиеся вещи казненного — две папиросы, небольшой запас белья и другие мелочи. Только после окончания войны к Яну Ламбрианидису пришла очень молодая девушка — во время оккупации она должна была еще бегать с косичками. Не говоря ни слова, она выложила на стол несколько принадлежавших Георгию предметов и заплакала.

— Я много раз носила для него различные вещи… В корзине с овощами… В кастрюльках с обедом на работу… Я одна знала о месте его радиостанции…

Ничего больше рассказывать она не захотела, и, прежде чем Ламбрианидис разобрался что к чему, девушка ушла.

Георгия Иванова уже не было в живых, когда уничтоженная благодаря переданной им информации радиометеостанция была отстроена и снова начала обслуживать люфтваффе.

— Сегодня мы начинаем мстить за Иванова, — сказала в один из январских дней студентка Минопулу, помогавшая Георгию в работе на радиопередатчике. Оставшаяся в ее руках рация агента № 1 целый день слала в эфир старательно зашифрованные тексты. Девушка сообщила центру «004» о совершенной казни и попросила заново уничтожить отстроенную немцами метеостанцию…

Ночью маленькая подпольная группка студентов не спала.

— Эпетихе! Получилось! Эпетихе! Экдикиси! — выкрикивали они, когда далекий гул оповестил о приближающихся бомбардировщиках. К полудню стало известно, что метеостанция вновь прекратила свое существование.

Однако вскоре после этого в руки гестаповцев попала и сама Минопулу, потом и легендарная Лена Караиани. Выдал ее схваченный немцами и подвергнутый пыткам англичанин Джон Аткинсон. Вместе с Караиани в тюрьму пошло около полусотни жителей Афин. Судили их за оказание помощи пленным, за сбор сведений военного порядка. Сама Лена Караиани была казнена под конец войны. Согласно своему обещанию она так и не дала врагам ни одного показания.

А что же произошло с предателем Пандосом?

После неудачной экспедиции в Салоники Тинос Пандос почувствовал себя в Греции неуютно. Георгия он прекрасно знал и понимал, что на пощаду ему нечего рассчитывать. Грозила ему смерть и со стороны других подпольщиков, поэтому он с превеликим бы удовольствием бежал и забился в какую-нибудь щель, например в нейтральную Испанию, а еще лучше — в Аргентину или Чили. Однако ему приходилось из шкуры лезть — разыгрывать перед итальянцами и немцами их преданного союзника, а они, в свою очередь, отнюдь не собирались отказываться от услуг добровольного агента. В конце концов Пандос нашел себе что-то вроде временного пристанища в немецкой разведывательной школе под Веной. Поэтому-то его и не смогли найти в Афинах. После прохождения учебного курса он был направлен абвером на «работу» в Египет, где англичане готовились к новому большому наступлению на Роммеля.

Пандос, конечно же, не избавился от склонности к расчетам. От того, кто выиграет войну, зависела и его собственная судьба. В конце концов уже к началу 1943 года он пришел к неприятному для себя выводу, что поставил не на ту карту. Поэтому для него оставался один выход: предательство. «Спустя какое-то время после того, как я окажусь в Египте, — прикидывал он, — я обращусь к этим болванам англичанам и выложу им все, что я знаю о немецкой разведке и диверсионной деятельности… Наверняка сумею понадобиться и им… И тогда я не только смогу уцелеть, но и к концу войны неплохо заработаю. Но если немцы и в самом деле придумают свое новое оружие, тогда я еще подожду…»

Итак, полагаясь на свою изворотливость, предатель собирался теперь уже предать немцев и итальянцев, если они окажутся слабыми. Трудность заключалась в том, чтобы принять нужное решение в соответствующий момент, поскольку за малейшую ошибку придется расплачиваться головой. После семи месяцев обучения Пандос попросил, чтобы его немедленно направили на Средний Восток, мотивируя это необходимостью скрыться из Афин, а также стремлением расшифровать разведывательную организацию, в которой состоял Георгий Иванов. Однако сразу же по прибытии в Палестину предатель обратился к британским властям, выдал им привезенный с собой радиопередатчик вместе с шифрами и объявил, что он, по сути дела, давно хотел служить англичанам, одновременно давая понять, что на Иванова им особенно полагаться не следует. Услуги, которые Пандос оказал британской разведке и контрразведке, спасли ему жизнь, но после войны по требованию греческой общественности британским властям пришлось его выдать. Суд над ним состоялся в Афинах только в июне 1946 года. За измену своему народу, за предательство друга он был приговорен к смертной казни, но благодаря стараниям семьи приговор был заменен заключением в тюрьму строгого режима, там, где немцы последнее время содержали доктора Янатоса. На суде Пандос отказывался от знакомства с Георгием Ивановым, доказывал даже, что зовут его Константиносом, а не Тиносом.

До этого июньского суда 1946 года, во второй половине октября 1945 года, проходил процесс виновников второго и окончательного предательства группы Иванова. Панделиса Лабринопулоса уже не было в живых; брат его признался, что действительно Панделис из «страха и нужды» вошел в сношения с гестаповцами и предал Георгия Иванова. Ввиду смерти предателя и отсутствия сколько-нибудь существенных улик против второго из братьев, который, кстати сказать, и так умирал от туберкулеза,

процесс не дал каких-либо реальных результатов, но все же помог узнать часть правды. Только более поздние сообщения, появившиеся в печати, представили доказательства морального падения обоих бывших сотрудников Георгия Иванова.

Что же касается варшавянки Марианны Янату, она тоже погибла, но смерть ее наступила только 28 декабря 1943 года в Бухенвальде, куда она была отправлена немцами. По крайней мере так сообщала об этом греческая пресса, когда дело Иванова получило широкую огласку и газетные страницы были открыты для любого из его участников или свидетелей.

И наконец наступил заключительный акт военной драмы в Греции.

…В начале октября 1944 года в Греции начали высаживаться, объединяясь с партизанами, английские войска. Немцы отступили сначала с Патр, потом с Коринфа, предавая огню десятки и сотни греческих деревень. Преследующие противника отряды Греческой народно-освободительной армии (ЭЛАС) расправлялись с полицией, сотрудничавшей с оккупантами, с предателями и коллаборационистами всех мастей, но уже в те дни эласовцы наталкивались на упорное противодействие англичан.

12 октября 1944 года немцы бежали из Афин, и город заняли части народно-освободительной армии, они спасли от уничтожения афинскую электростанцию и марафонские водохранилища. 14 октября жители Афин с энтузиазмом приветствовали первую британскую военную колонну, но уже в последующие дни, когда выяснилось, что англичане собираются посадить здесь эмигрантское правительство Цудероса, начались демонстрации и волнения, которые затем привели к трехлетней гражданской войне и кровавым расправам со всеми левыми силами. Прежние оппортунисты и коллаборационисты, торжествуя, возвращались на свои посты. В тех же самых камерах, где содержались Иванов и его товарищи, сидели в застенке другие герои Сопротивления — члены Греческой коммунистической партии.

Однако среди всех этих драматических событий не затерялись образы таких героических людей, как Георгий Иванов и его товарищи. Выцветшими от слез глазами смотрела пани Леонардия на первые автомашины англичан, когда те, наконец, добрались до Салоник. В глубине души мать все еще таила надежду, что, может быть, сын ее уцелел и что вести о его гибели окажутся ложными. Однако появился командор Болби и подтвердил трагическое известие…

В марте 1945 года Афины вместе со всей Грецией, празднуя восстановление независимости, не забыли и о герое. Регент

королевства Греции митрополит Дамаскинос заявил:

— Польша может гордиться такими сыновьями, как Георгий Иванов-Шайнович. Греческая земля будет бережно хранить его прах рядом с прахом своих героев, как символ вечной польско-греческой дружбы…

Английское, американское и греческое командование давало такую оценку деятельности Георгия Иванова-Шайновича:

> «Он выполнил работу целой боевой дивизии. И особенно следует отметить, помимо железной воли героя, его необычную изобретательность, интуицию…»

Каковы же были материальные и моральные результаты действий агента № 1 в тылу врага? Во время войны еще не были известны размеры понесенных оккупантами потерь от группы Иванова-Шайновича. Однако после войны вопрос этот дождался своего тщательного исследования, проведенного на основе материалов, оставленных оккупантами и подтвержденных британскими офицерами разведки. 10 декабря 1945 года главное управление греческой полиции составило по этому поводу содержащий много страниц рапорт за номером 16649. Этот документ положил конец как недоверию одних, так и версиям, явно преувеличенным, других.

Озаглавленный «Греческие диверсанты на службе союзников» рапорт в первой своей части рассказывает о диверсиях, совершенных на заводе Мальцинотти в Новом Фалироне в период 1941—1943 годов. Диверсии эти проводила Организация народной обороны (ОАГ), тесно сотрудничавшая с Георгием Ивановым и получавшая от него инструкции, в числе которых были и указания относительно методов уничтожения самолетов противника. Члены организации, сотрудничая с Георгием Ивановым, делали это из чисто патриотических побуждений. Было уничтожено или повреждено 400 немецких и итальянских самолетов…

После окончания войны к пани Леонардии обратились родители Ангела и Мариноса — братьев Баркас, погибших в памятной диверсии на складах горючего. Вот письмо отца братьев Баркас, оно как нельзя лучше выражает мнение греков о Георгии Иванове:

> «…Будучи отцом его героических товарищей, я приношу Вам мое соболезнование, а одновременно, как матери польского героя, приношу Вам свое поздравление с тем, что Вы имели счастье родить полубога, каким был

Георгий Иванов. Поздравляю Вас от всей души, ибо счастливы родители, которые отдают своих детей делу свободы. Земля нашей Эллады — благодарная земля и рада принять в свое лоно Георгия Иванова. Кровь эллинов, которые умерли вместе с ним за те же самые идеалы, навсегда объединит Элладу и Польшу…»

До сих пор греческие спортивные союзы в годовщину смерти Георгия Иванова проводят торжественные собрания и соревнования в честь его имени. Состязания эти называются «Иванофиа».

Многие харцерские дружины в Польше избрали Георгия Иванова-Шайновича своим патроном. В музее Войска Польского в Варшаве имеются посвященные ему стенды. В Польше разыгрывается кубок имени Иванова-Шайновича по водному поло, а Польский союз пловцов вручил матери героя золотую награду пловцов.

А как же с признанием официальных властей?

Лондонское эмигрантское правительство посмертно наградило Георгия Иванова орденом Виртути Милитари 30 марта 1945 года, то есть через восемь дней после того, как из Афин поступило известие о том, что там торжественно отмечается память героя. Пишущий эти слова, будучи журналистом, вынужден был запрашивать лондонский штаб, требуя, чтобы было выполнено решение о награждении его этим орденом еще в 1943 году. Однако только 19 августа 1947 года, после настойчивых просьб матери, был составлен акт о награждении Георгия Иванова орденом, и орден этот вместе с актом был, наконец, отослан в Салоники.

Свой долг в отношении героя англичане выполнили тоже со значительным опозданием. И все же в июле 1945 года фельдмаршал Александер от имени союзников объявил благодарность уже покойному рыцарю общего дела, а еще через несколько лет королева Англии в знак признания заслуг героя переслала матери Георгия Иванова тысячу фунтов стерлингов… с требованием, чтобы пани Леонардия выдала письменную расписку в том, что у нее нет никаких претензий к Великобритании.

После получения независимости многие греческие газеты посвятили деятельности Георгия Иванова целые циклы репортажей и статей, а также сенсационных «отрывков», в которых, однако, правда перемежалась с вымыслом и легендами. Греческая общественность интересовалась всем, что было связано с жизнью и деятельностью прославленного героя Сопротивления,

поэтому его тема была использовано многими издательствами в борьбе за тиражи своих газет. Независимо от них целыми месяцами Георгием Ивановым занимались и крупные газеты, имеющие и без того огромный тираж, такие, как, например, «Ассирматос» в 1945 году или «Апогерматини» в 1954 году. В 1950 году еженедельник «Эрмис», пользующийся у читателей большим спросом, целых три месяца публиковал посвященные Георгию Иванову отрывки, эту же тему не раз поднимал и еженедельный журнал «Фисаврос» с тиражом в четверть миллиона, не говоря уже о газетах, посвященных спорту и спортсменам, как, например, «Атлетисмос». Однако какое-то время публикуемая анкета под очень броским и заманчивым названием «Кто предал Иванова?» была запрещена цензурой…

В греческой энциклопедии имени Георгия Иванова-Шайновича посвящена довольно большая и лестная статья. А старый рыбак Бугас до конца своих дней распевал о своем друге героические баллады…

Дело свободы — дело общее для всего мира!

notes

Примечания

1

Польшу не стоит принимать во внимание *(франц.)*.

2

После войны стало известно имя героя: Манолис Глезос — коммунист, национальный герой Греции. — *Прим. ред.*

3

ЭДЭС — Национально-демократический греческий союз — военно-политическая организация греческого Сопротивления с ярко выраженной антикоммунистической ориентацией. В 1943—1944 годах руководитель организации полковник Зервас перешел на службу к фашистским оккупантам. — *Прим. ред.*

4

ЭАМ — Национально-освободительный фронт Греции — массовая антифашистская организация, созданная 27 сентября 1941 года для руководства движением Сопротивления по инициативе коммунистов Греции. В ЭАМ вошли: коммунистическая, аграрная, социалистическая партии, Союз народных демократов и др. В декабре того же года партизанские отряды были объединены ЭАМ в Греческую народно-освободительную армию — ЭЛАС. — *Прим. ред.*

5

Приказ есть приказ *(нем.)*.

6

Все в порядке? Да, да. Все в порядке! *(итал.)*.

7

Война есть война *(нем.)*.

8

Тихо! Тихо! *(нем.)*.

9

Иванов, выходи! *(нем.)*.